

Дружинникам на 8 Марта.

Место сыну заветное,
Между холмов в низинке,
Где среди буйной зелени
Не разобрать пути:
Если надеть болотинки
И развернуть-ся в задничек,
Мелко положим вечером
В этот лесок прийти.

Лес свернешь в валежничку,
Идучи до прогалинки.
Ласково гладит ребрышки
Старый основной стук.
Маленькие комарики
Сели на носик маленький:
Тихо себе питаются -
78 штук.

В травушке мокрый спальничек,
Словно цветок Даймочочки.
Только немножко холодно
И не видать ни зги...
Скоро проснетесь солнышко
И зарюет теньковочка -
Бусинки разноцветные
Закапают на мозги.

Н. Соболев, март 1980 г.

Помнишь, как это было? .. сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ

Помнишь, как это было?..

сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ

Движение дружин по охране природы
Дружина охраны природы Биологического факультета МГУ
им. В.Н. Тихомирова

Помнишь, как это было?..

**(сборник воспоминаний
дружинников ДОП МГУ)**

Составитель А.В. Иванов

Москва 2011

ББК 20.1
П 55

П 55   **Помнишь, как это было?...** (сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ) / Сост. А.В. Иванов.— М., 2011.— 254 с.

Сборник предназначен для дружинников разных лет и всех, кто интересуется охраной природы и историей ее развития.

На обложке использована фотография С.И. Забелина (Тростенское озеро. 11.04.1971)

ISBN 978-5-8125-1701-4

© Иванов А.В., 2011

Содержание

От составителя	5
О первом кураторе Дружины Биологического факультета по охране природы (К.В. Авилова)	7
«Он знал, зачем он в свет явился!» (К.В. Авилова)	11
Воспоминания дружинников	15
Раздел 1. 1960–1969 гг.	17
Агаджанян Александр Каренович	17
Черняховский Михаил Ефимович	27
Забелин Святослав Игоревич	31
Зубакин Виктор Анатольевич	35
Комаров Павел	53
Марфенин Николай Николаевич	54
Раздел 2. 1970–1979 гг.	58
Крученкова Елена Павловна	58
Пичугин Виктор Юрьевич	63
Пономарева (Детерлеева) Наталья	65
Григулевич Надежда Иосифовна	81
Сахарова (Переладова) Татьяна	87
Пронькина (Лунина) Галина Александровна	92
Соболев Николай Андреевич	94
Могильнер Анна Александровна	112
Краснова Елена Дмитриевна	115
Любимова Ксения Александровна	129
Ржавский Александр Владимирович	130
Володин Илья Александрович	132
Маркина Надежда Вячеславовна	136

Раздел 3. 1980–1989 гг.	141
Головина Екатерина Владимировна	141
Мюге Николай Сергеевич	150
Яницкая Татьяна Олеговна	153
Крейндлин Михаил Леонидович	157
Конторщикова Виталий Владимирович	168
Семенова (Суздальцева) Евгения Роальдовна	169
Раздел 4. 1990–1999 гг.	173
Пискарева Светлана	173
Трушкин Михаил Анатольевич	176
Куксин Григорий Валерьевич	178
Чалая Татьяна	184
Раздел 5. 2000–2009 гг.	190
Нестерова Нина Ивановна	190
Комарова Анна Федоровна	195
Яшин Михаил Алексеевич	198
Зудкин Александр Геннадьевич	200
Андреева Анна	201
Приложение 1	205
Приложение 2	217
Приложение 3	229

От составителя

Уважаемые читатели! Вы держите в руках сборник воспоминаний членов Дружины по охране природы Биологического факультета МГУ им. В.Н. Тихомирова (ДОП МГУ). ДОП МГУ имеет более чем полувековую историю. За это время «школу жизни» в ней прошли несколько сот дружинников. Каждый из них внес свой вклад в сохранение природы, для некоторых это стало делом всей жизни. В разные годы в Дружине действовали многие сектора, она работала по разным направлениям и программам. В этой книге мы попробуем посмотреть на жизнь Дружины глазами дружинников разных поколений.

Идея сбора воспоминаний тех, кто работал в Дружине в прошлые годы, долго витала в воздухе и впервые воплотилась в книге «Ким ти був, коли був молодим? Спогади учасників руху студентських Дружин по охороні природи (ДОП) України» (Кем ты был, когда был молодым? Воспоминания участников Движения студенческих Дружин по охране природы Украины, укр.). Составители сборника: Алексей Василюк (выпускник ДОП «Зеленое будущее», г. Киев) и Варвара Ильницкая (выпускница ДОП, г. Харьков). В книге собрано более 20 рассказов о жизни Дружин Украины.

В ДОП МГУ идея зародилась при подготовке 50-летнего юбилея Дружины (дата рождения — 13.12.1960). К.В. Авилова, Е.Д. Краснова и Н.В. Маркина разработали анкету с вопросами, которая помогает структурировать воспоминания о прошлых событиях. Эта анкета рассылалась выпускникам Дружины с просьбой написать воспоминания. Дополнительно к этому проводились интервью.

О тех, кто помог рождению Дружины и бесценно ее курировал, — В.Н. Тихомирове и К.Н. Благодосклонове — остались лишь воспоминания дружинников тех времен... В этой книге о них рассказывает К.В. Авилова — нынешний куратор ДОП МГУ.

Воспоминания расположены в хронологическом порядке от создания Дружины до современного этапа. Для удобства весь период разделен на десятилетия. В то или иное десятилетие воспоминания человека заносятся на основе даты его вступления в Дружину.

Книга предназначена для дружинников разных лет из всех Дружин, а также для тех, кто интересуется охраной природы. У кого-то она вызовет новые воспоминания, и тогда работа по их сбору не угаснет, и появится второй том. Для молодых участников деятельности разных Дружин книга может послужить источником вдохновения для новых дел, а также справочником о традициях, образе жизни и идеологии ДОПовца.

Выражаю благодарность за помощь в подготовке книги Ксении Всеволодовне Авиловой, Елене Дмитриевне Красновой, Надежде Вячеславовне Маркиной, Николаю Андреевичу Соболеву, Анастасии Суслиной, Марии Сокол, Александре Пермяковой.

Ваши предложения можно присылать на **sinedra90@gmail.com**.

Аркадий Иванов

О первом кураторе Дружины Биологического факультета по охране природы

К.В. Авилова

Вадим Николаевич Тихомиров (1932–1998), который вполне мог бы отметить с нами 50-летний юбилей Дружины, был представителем того типа университетских ученых, которые всю жизнь работают в поле, непосредственно наблюдая объекты исследований, тесно совмещают научную работу с воспитанием молодежи и обладают активной гражданской позицией. Областью приложения его сил был растительный мир, главный средообразующий компонент биосферы.

Закончив с отличием в 1954 году Биолого-почвенный факультет МГУ, а затем аспирантуру, В.Н. Тихомиров прошел длинный плодотворный путь от младшего научного сотрудника биологической лаборатории в Чашникове до профессора и заведующего кафедрой высших растений. С 1967 г. он был директором и научным руководителем Ботанического сада МГУ. В 1987 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР (РАН). Бережно сохраняя научное наследие МГУ, он значительно модернизировал и расширил тематику научных исследований кафедры и Ботанического сада, внес ряд прогрессивных изменений в проведение общекурсовой полевой практики студентов, организовал экспедиционную ботаническую практику с широкой сетью маршрутов по Центральной России. Он увлеченно руководил исследовательскими работами самого разного уровня, занимался редакционно-издательской деятельностью, координацией сотрудничества ботанических садов. С 1992 года он — вице-президент МОИП. Много внимания он уделял становлению системы экологического образования в стране. По его инициативе на возглавляемой им кафедре была создана Лаборатория экологии и охраны природы, поставившая исследования многих социально-экологических

явлений на серьезную научную основу. По его инициативе лекции по охране окружающей среды стали общефакультетскими.

Профессионально занимаясь исследованиями разнообразия растительного мира, В.Н. Тихомиров не мог без боли воспринимать все возрастающее его оскудение. И делал все возможное как ученый, педагог и гражданин, чтобы противодействовать этому. Он уделял огромное внимание заповедному делу и с 1992 года возглавлял Комиссию РАН по заповедникам, много работал как эксперт-эколог, был автором и редактором ряда Красных Книг (СССР, РСФСР, Московской области и др.). В 1960 г. он помог организовать и оформить при комитете комсомола как форму общественного контроля природопользования студенческую Дружину по охране природы, которая стала отправным этапом в развитии широкого молодежного природоохранного движения по всей стране.

Бывает, что человек живет себе, как ни в чем не бывало, и вдруг словно очнется и увидит мир совершенно в ином свете. Такое внезапное «пробуждение» случилось в студенческие годы с теми, кого ученый, натуралист, педагог и поэт В.Н. Тихомиров посвятил в проблемы сохранения дикой природы как в неотъемлемую часть специальности биолога. Почти полвека назад ему удалось зажечь сердца сотен молодых людей идеей укрепления справедливости, порядка и нравственности по отношению к природному наследию страны.

Начав с конкретных оперативных действий в качестве общественных инспекторов, студенты расширили сферу своей работы. Полем деятельности Дружины 1970-х стали организация и поддержание природных резерватов разного уровня, исследования воздействия туризма и отдыха на природные системы, оптимизация лесопользования, интеграция сельскохозяйственной и природоохранной деятельности. В наши дни Дружина продолжает работать в ряду других общественных организаций, внося достойный вклад в охрану природы Подмосковья и более отдаленных регионов.

В 1968 и 1985 гг. Министерство лесного хозяйства РСФСР дважды награждало В.Н. Тихомирова почетным знаком «За сбережение и преумножение лесных богатств», в 1970 г. он был награжден памятным знаком «За охрану природы России» и памятными медалями Всероссийского общества охраны природы, избран почетным членом ВООП.

Вадим Николаевич Тихомиров был бескомпромиссным и страстным борцом за охрану природы. Он твердо отстаивал свои убеждения и никогда им не изменял. Он глубоко презирал потребительское отношение к природе и воспитывал молодежь в духе активного противодействия ему. Любые проявления бессмысленного вмешательства в окружающий мир или их равнодушное созерцание он считал безнравственными. И всегда первым демонстрировал пример справедливого и профессионального разрешения ситуации. Много сделавший для поддержания заповедной системы СССР и России, он неоднократно предупреждал руководство страны о том, что государственные природные заповедники могут стать жертвами политических катаклизмов и экономических реформ. Он был последовательным противником их коммерциализации и внедрения туризма и отдыха на заповедные территории, убеждая всех, что природно-заповедный фонд должен быть исключен из сферы рыночных отношений. В конце XX века в содействии сохранению и развитию системы заповедников В.Н. Тихомиров вместе с другими крупными учеными видел основной смысл своей жизни.

«При любых обстоятельствах нельзя исправлять собственные ошибки за счет природы. Она изнемогает под нашим давлением, и живое население теряет способность к самовосстановлению. Ни одно государство не может отнести себя к числу цивилизованных стран, если ради удовлетворения сегодняшних нужд допускает разрушение собственных природных богатств, пренебрегая судьбой будущих поколений», — писал он в проекте коллективного обращения к президенту и законодательной власти участников всесоюзной конференции по заповедному делу в Новго-

роде в октябре 1990 года. Обращение было единодушно принято участниками, его подписало более 300 специалистов, в том числе 15 докторов и 138 кандидатов наук. К сожалению, сегодня эти строки не менее актуальны, чем двадцать один год назад.

Вадим Николаевич всегда подчеркивал, что в охране природы человек не должен пренебрегать мелочами. Надо быть последовательным в своих действиях и по отношению к диким цветам и деревьям, и по отношению к преобразованию биосферы в целом. Эта цельность жизненных позиций звучит и в его стихах, написанных в экспедиционной машине, в палатке, в лесу и степи среди изучаемых им растений и часто посвященных единомышленникам. Он как никто умел передать свою любовь и восхищение произведениями природы, естественную потребность их изучать и охранять своим многочисленным ученикам. Его духовное наследие неотделимо от научного. О таких людях можно смело сказать:

«Уходя, оставить свет — это больше, чем остаться...»

«Он знал, зачем он в свет явился!»

К столетию со дня рождения куратора Дружины по охране природы К.Н. Благосклонова

К.В. Авилова

Константин Николаевич Благосклонов, столетие со дня рождения которого мы отмечали 8 января 2010 года, был патриотом в самом естественном понимании этого слова. С самого начала своей научной и популяризаторской деятельности в послевоенном университете он самоотверженно и бескомпромиссно отстаивал научные принципы охраны природы как биолог, как литератор и как москвич. Он был неотделим от биофака, где проработал почти сорок лет, от кипучей в те годы общественной жизни факультета. Часто появляясь на страницах стенной и многотиражной печати, живые и яркие выступления Благосклонова просвещали, убеждали, призывали к действию. «Довольно говорить за чистоту, давайте подметать!» — этой цитатой, время от времени выносимой им в заголовок, можно обозначить главную жизненную позицию К.Н. Благосклонова.

Его глубокое знание природы помогало ему находить самые эффективные и оригинальные методы управления поведением животных. Например, преодоление «инстинкта дома» при переселении насекомоядных птиц во вновь посаженные леса. В основе лежало тщательное экспериментальное изучение поведения гнездящихся птиц. В эпоху создания лесных полезащитных полос в степной зоне необходимо было внедрять биологические методы борьбы с насекомыми. Переселять взрослых птиц было бесполезно: повинуясь инстинкту, они упрямо возвращались домой и не желали заводить семью на новом месте. Со времен Петра Первого, по указу которого певчих птиц пытались перевезти в строящийся Санкт-Петербург, попытки такого переселения были, мягко говоря, не слишком удачными. К.Н. Благосклонов начал с изучения

родительского поведения. Он экспериментально определил дистанцию искусственного перемещения птенцов вместе с родителями, увеличение числа «ртов» на одну «кормилицу» и, наконец, возможность замены родных родителей на приемных. Успех этих опытов сделал перспективы манипуляций с выводками мелких птиц, взятыми из природы, вполне реальными. В 1952–54 годах в молодые леса Волгоградской и Курской областей орнитологи под руководством К.Н. Благосклонова выпустили больше тысячи окольцованных молодых птиц. Из лесной зоны их перевезли туда вместе с приемными родителями. В следующие годы эксперимент блестяще оправдался: 90% впервые загнездившихся на новом месте птиц были «переселенцами». Позднее этим методом заселяли птицами молодые парки Москвы.

Основные приемы новаторской работы К.Н. Благосклонова легли в основу научно-популярного фильма «Крылатая защита». Он шел на всех экранах Москвы и имел большой успех в эпоху расцвета юннатского движения. Песня из этого фильма «Скворцы прилетели» была, как теперь сказали бы, хитом. Позднее К.Н. Благосклонов увлекся кино как составной частью учебного процесса и сотрудничал со студией «Союзвизфильм», работая над созданием серии фильмов о редких видах животных, занесенных в Красную Книгу СССР. В 1980-х годах он несколько раз был делегатом международного фестиваля «Экофильм» в чешском городе Остраве, где особых симпатий жюри удостоился фильм «Студенческая дружина по охране природы» (Центральная студия документальных фильмов, 1985). Его сняли в последний год жизни К.Н. Благосклонова к 25-летию юбилею первой в стране молодежной природоохранной организации.

Для студентов К.Н. Благосклонов всегда был главным авторитетом во всех вопросах теории и истории охраны природы. Он неизменно был в гуще событий и в курсе дел: участвовал в разработке Генерального плана Москвы, инвентаризации городской фауны, готовил решения Моссовета по подготовке к фестивалю молодежи 1957 года, проводил экологические лагеря в 1960-х...

Но его главный талант — просветительство — особенно ярко проявлялся в ходе летней практики на Звенигородской биостанции, в которую он погрузился с начала 1950-х. На занятиях он любил повторять, что на природе надо говорить только о том, что показываешь, и что знания передаются ученикам через эмоции преподавателя. Он сам неукоснительно следовал этому. Его увлеченные эссе о природе запоминались легко и надолго. Но особенно он ценил, чтобы студенты, которые только что познакомились с основами зоологии и ботаники, сами вели занятия со школьниками из ближайших лагерей. Для него эти «плоды просвещения» были чрезвычайно дороги.

Ученые, как известно, не особенно жалуют журналистов, но Благосклонов считал иначе. Он использовал свои многочисленные контакты с ними для достижения главной цели — природоохранного просвещения. Он активно сотрудничал с главными городскими газетами — «Вечерней Москвой» и особенно — с «Московской правдой», организовав при редакции общественный совет «Город и природа». Его очерки всегда привлекали внимание и вызывали отклики читателей: «О чем поют зяблики?», «Бетон и белая кувшинка», «Нужны ли дереву листья?». За ними стояли не только познавательные, но часто и серьезные экологические вопросы. Регулярная уборка опавшей листвы в городе ведет к истощению почвы и нарушению круговорота, а бетонирование берегов — к гибели птенцов водоплавающих птиц. Газета тогда могла вмешаться и повлиять на ситуацию. По прошествии десятилетий эти проблемы, увы, снова стали актуальны.

С 1950 г. К.Н. Благосклонов был организатором и вдохновителем биологической школьной олимпиады. Эти олимпиады формировали общественную жизнь факультета, их проводил большой коллектив сотрудников и студентов. Проверка теоретических знаний сочеталась с практикой: каждый участник должен был принести собственноручно изготовленный синичник. Потом птичьи домики развешивали в городских парках. Постепенно олимпиада разрослась до масштабов всесоюзной и, как часто бывает, начала жить отдельно от своего создателя.

К.Н. Благосклонов вписал яркую страницу в историю охраны природы, продолжив лучшие традиции научной, общественной, литературной и организаторской деятельности. О таких, как он, справедливо и точно сказал его соратник и единомышленник профессор В.Н. Тихомиров:

Блажен, кто поднял знамя строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни честной шел дорогой,
Хотя порой — не столбовой...
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился!

Воспоминания дружинников

Раздел 1. 1960–1969 гг.

Агаджанян Александр Каренович,

доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией млекопитающих в Палеонтологическом институте РАН

Если говорить о дружинной работе, то для меня это было очень трудно, я человек мягкий, а Дружина — это не только поездки и, как говорят, акции, но и факультет, и друзья, и человеческие отношения, проблемы, даже и научные, моральные, этические. Работа требовала жесткости, принципиальности. Самое для меня трудное и самое яркое было — это дежурства на вокзале во время елочных кампаний. Не всегда была очевидной с точки зрения человеческой справедливости правильность наших действий. Юридически они всегда отвечали букве закона, а вот духу человеческому — не всегда. С одной стороны — ситуация, когда тамбур забит двумя-тремя десятками елок и там такой мордovorот или крутая дама по типу проводника из «Вокзала для двоих», представленного Михалковым, поезд стоит недолго, они на своем месте, им стены помогают. Тут наши действия действительно не вызывали сомнений и колебаний, хотя это было предельно рискованно: поезд трогался, работали между поездами, на подножках, в тамбурах, где один на один подчас остаешься с ними... С другой стороны — когда в 6-7 утра люди едут на работу не выспавшись, предстоит тяжелый рабочий день... Если у кого-нибудь елочка одна, особенно у женщины, которая ее везет без документов... Задерживать или не задерживать, решать для себя надо. Вся толпа в целом настроена против вас и персонально против каждого. Были тяжелые моменты. Один раз располосовали мне кожушок в толпе. Если говорить о ярких впечатлениях, то для меня — вот это.

Самое важное, что с тех пор запах новогодних елок для меня почти что ненавистен. Потому что через столько лет он навевает

воспоминания о бессонных ночах — промежутках между последними поездами в час-два ночи и первыми около шести утра. Самому противно, а нужно заниматься такими острыми вещами, как составление протоколов, а сначала отбирать елки при осуждающих взглядах и конкретных инсинуациях: «Вот, сейчас они там за углом их продавать будут!» В какой-то степени так и было. Приходили из Мосцветторга машины, и мы по накладным передавали эти елки, чтобы доставляли на базары. Им была особая цена, потому что елки эти были много лучше «дров», которые продавались на базаре. Твердой уверенности, что они попадут туда, куда нужно, не было.

Мы часто ездили в электричках дальше от Москвы, проверяли по вагонам. Но, с другой стороны, я знаю, что по Москве ходили слухи и создавалось общественное мнение, что через Киевский вокзал лучше не ездить, там студенты отбирают елки без документов. В общем, несмотря на все издержки, это создавало некоторый барьер, снижало вырубку риска для елок.

Что касается комфортных воспоминаний, то эти поездки, особенно весенние, как любые поездки — не забывались. Это были 1962–65 гг. К счастью, в острых схватках мне не приходилось участвовать, хотя я знаю, что они были.

Я отвечал в Дружине за отдел типа рекламы или объявлений. Я вкладывал душу и рисовал все призывающие на выезды объявления. Это были неплохие плакаты, по крайней мере, некоторые. Я закончил биофак в 1965 году. Уже не будучи командиром, я продолжал принимать участие в жизни Дружины. Я не скрываю, меня привела в Дружину прежде всего близость с прежними друзьями. Чем я руководствовался, начав сотрудничать с Дружиной? Мне казалось, что, во-первых, это дело нужное, а во-вторых — неприятное. Именно поэтому я стал принимать в этом участие: не хотел стоять в стороне от таких трудных, но одновременно с этим нужных дел. Раз мои близкие друзья этим занимаются, я тоже считал себя обязанным включиться. Мы старались, полагая, что

мы должны друг друга поддерживать. В юности мы так и считали: если человек занимается каким-то трудным делом, значит — надо ему помогать.

Какие были взаимоотношения с госструктурами? Однозначно нельзя ответить. В 1960–61 годах грозились только за обсуждение на МОИПе проблем Байкала разогнать МОИП. Не нужно комментариев относительно этого старейшего общества. Проблемы обсуждали на свой страх и риск. Но времена менялись, и я помню, уже в 1963–64 было впервые, когда секретарь комсомольской организации биологического факультета ездил на выезды и в порядке личной инициативы (как аспирант) и принимал дома несколько членов Дружины. Время позволяло это делать. Высокий, красивый, спортивный парень, занимался гантелями, имени его, к сожалению, не помню.

Этот период совпал со временем начала строительства Кедрогграда на Алтае. По разным каналам шла реанимация вопросов охраны природы. До 1951 г. заповедники были неприкосновенным элементом государственных институтов, а с эпохи Н.С. Хрущева их стали закрывать, это особый разговор (больше всего заповедников было ликвидировано в 1951 г., то есть в годы правления И.В. Сталина. — *Прим. ред.*). Начали не только сажать кукурузу там, где она не может расти, но и вырубать лесополосы для увеличения посевных площадей. В том числе в Краснодарском, Ставропольском краях, Сталинградской области... Была закрыта значительная часть заповедников, полностью — Алтайский, много мелких. Началось интенсивное вырубание кедров. Но Господь хранит Россию: пока указание шло от ЦК партии до обкома, потом до райкома, проходило года полтора, а до этого не начинали вырубать. Тем временем случилось несколько сухих лет, разразились суховеи, и там, где успели вырубить, посевы были уничтожены полностью. А где не успели вырубить, там они сохранились. Это было знаком, по которому остановили вырубку лесов, которые еще с начала 19 века сажали русские агрономы и люди, занимающиеся сельским хозяйством. После этих событий начали реанимировать заповедники,

в том числе Алтайский. А в 1959–60 гг. стало понятно, что бездумное вырубание больших площадей, особенно кедровых лесов на Алтае, вообще экономически невыгодно, и для потомства и для будущего страны это просто безумная затея.

Взаимоотношения науки и практики. О В.Н. Тихомирове. Это был интеллигентнейший, высокообразованный человек, естествоиспытатель, ботаник, перед которым многие преклонялись, и я в том числе. Я пришел в Дружину через год-два после того, как она начала существовать, Тихомиров понимал, что теоретические разработки природоохранной деятельности очень важны. Что молодежь нельзя сплотить теоретизированием. А поездки — это конкретная деятельность, элемент, каркас этого движения. Поэтому они очень важны. Он сам принимал активное участие в поездках вплоть до составления протоколов, обучения молодежи оперативной работе. Он был человеком широкой натуры, на своем месте, был хорошим публицистом и прекрасно писал. Если надо, он писал общие вещи с базой глубоко образованного биолога, а с другой стороны, мог поехать вместе с ребятами на машине и идти, идти всю ночь до какого-то леса или водоема, и участвовать в оперативной работе. Это человек не временный, в отличие от студентов, а человек от факультета, университета, стоящий над работой конкретного дня. Он вносил свою интеллигентность и уровень просвещенности в это дело. Фундаментальность в работе Дружины шла от него. Я много общался с людьми, занимающимися природоохранными делами, с Борей Гончаровым, следующим командиром, мы многое обсуждали с коллегами. Если говорить серьезно о проблемах охраны природы, то ни к оперативной работе, ни к теоретическому обоснованию они не могут сводиться. Эти компоненты должны быть вместе. На 90% в нашей конкретной жизни это вопрос юридический и моральный. Вопрос организации общества и морального облика администрации. С научной точки зрения доработать или создать модели в общем несложно. А вот их реализовать — другая проблема.

Но, если возвращаться к Дружине, я полагаю, что свою роль она, безусловно, сыграла. И играет, пока существует. Хотя бы

настолько, насколько эти идеи становятся не чужды ее участникам — студентам, которые потом выходят из Дружины.

Проблема преемственности. Дело не в названии, а в персоне, которая возглавляла Дружину на тот конкретный момент. Лидеры менялись, условно назовем их командирами. Но Дружина — не тот коллектив, который вокруг него сформировался. Есть еще и те, кто стоял над ними, как В.Н. Тихомиров и несколько сотрудников, которые не участвовали в этой студенческой ротации. Что касается проблемы существования Дружины во времени, то этому очень способствовали конференции, которые Дружина проводила. Это происходило не на выездах, в лесах и полях, в вагонах, а на факультете в Большой биологической аудитории. И саму конференцию, и тех, кто сидел и регистрировал, видел весь факультет. Это невольно становилось событием для всего факультета. Люди, не имеющие к этому прямого отношения, поднимаясь по лестнице вольно или невольно заглядывались на подготовленные плакаты, ваш покорный слуга тоже в их подготовке участвовал.

Приезжали и из других республик: эстонцы, из Брянской области, с северного Кавказа, студенты из других вузов. Это вольно или невольно становилось достоянием всей общественности факультетской, и, конечно способствовало рекрутированию своих же биофаковских студентов. Были и передачи по радио. Широкого доступа к СМИ мы не имели, но отклик среди молодежи Москвы наше дело получало. Мой сын, который никогда никакого отношения не имел ни к КЮБЗу, ни к Дружине, ездил за город с друзьями, впятером или вшестером. И они пересекались с дружинниками. Потом в их рассказах звучал трепет, они воспринимали их как высших существ — то, что они кочуют по лесам с конкретной целью и готовностью стать на защиту природы. Это имело отзвук, пусть и негромкий. Но туристические группы, которые в 1960-е и 1970-е годы ездили, знали, что разжигая костер не там, где надо, можно столкнуться с ребятами, которые могут и протокол составить. Хотя я не склонен переоценивать реальную защитную функцию, но это имело место.

Я всю жизнь хотел быть экологом, а морфология казалась скучной. Но лекции Б.С. перевернули для меня мир, и я стал понимать, насколько интересны морфология и анатомия, какую роль играют задачи и проблемы эволюционистики в биологии в целом и в естествознании. После окончания я был приглашен на кафедру палеогеографии К.К. Маркова заниматься палеонтологией. Поскольку за плечами уже были анатомия и лекции Б.С., то я принял предложение и окунулся в проблемы палеонтологии млекопитающих, которой и занимаюсь по сей день. Начинал с позднелайстоценовых этапов и фаун и, сохраняя интерес к современной фауне и экологии, всегда вожу с собой ловушки, собираю погадки. Пытаюсь понять структуру современной фауны млекопитающих. В последние 15–20 лет занимаюсь проблемами происхождения млекопитающих и их мезозойской радиации. Этому способствовало чтение курса лекций, потому что оно требует поддержания в тонусе всех знаний по всем группам. За это я признателен кафедре зоологии позвоночных.

Жизнь и работа в Дружине обострила ощущение ответственности перед Богом, людьми и природой отечества и прибавила культуры полевого исследователя, позиции внутренней морали. Я сейчас связан с православной гимназией и интересуюсь ролью монастырей в сохранении нетронутой природы. Тогда они этим активно занимались. Есть публикации, в свое время мне Н.А. Формозов подсунул статьи. В Пинежском заповеднике я видел пространства, которые сохранились благодаря монастырям в процессе освоения Русского Севера. Думаю, что эта тема себя не исчерпала. Роль монастырей не снижается, и будем надеяться, что их роль как охранителей природных комплексов будет расти.

Свято-Алексеевская пустынь в Ярославской области, 420 га, приличная площадь. Я бы подошел к этому с другого конца. Перед человеком самые трудные проблемы — не технические, а моральные. На дне любой проблемы, если отбросить все наносное, окажутся проблемы морали. Уровень морали любого православного сообщества на несколько порядков выше, чем любой другой

общины — колхоз, ООО, какой угодно. И уровень отношения к природе будет на уровне этой дистанции. Наблюдая эту общину и отношение к природе, вижу, что никому в голову не придет подойти и что-то срубить. Это заложено в морали и душе любого обитателя. Там с почтением относятся и к естествознанию, в том числе и к вопросам охраны окружающего мира. В другом сообществе на первое место всегда выдвигаются деньги, а в сообществе такого типа совершенно другие принципы при организации конкретного утилитарного хозяйства, планировании территории. Я думаю, что если бы какие-то элементы православной морали проникли в наше общество, то оно по-другому бы выглядело. В этих пустыньских общинах поддерживают уровень охраны природы гораздо выше, чем в газпромовских или других хозяйствах, где вырубается все бездумно... Лишь бы получить сиюминутный доход, а что будет завтра с этим обводнением или иссушением, даже посадкой, как ни странно, это никому в голову не приходит. Я наблюдаю сейчас на Алтае, какие жуткие пожары бывают по весне в сосняках. Бездумно насадили сосняки на сухих местах. Даже такое святое дело, как лесонасаждение, сделанное неграмотно, приносит ущерб. Не говоря о том, что, зная историю, восстанавливать биоту можно с учетом ее поведения в ходе развития. На Алтае, если распахивать землю, возрастет вероятность возникновения в степи чумных очагов с сурками, сусликами и тушканчиками, а если сажать лес, увеличатся очаги энцефалита. Выбирайте, что вам лучше, какую сыворотку готовить — противочумную или противоэнцефалитную. Лесонасаждение — дело очень нужное и правильное с экономической точки зрения. Тогда не сажайте к примеру в сухих регионах, где не бывает снега, как на Алтае, чистые сосновые посадки. Неграмотный подбор приводит к выброшенным деньгам и пожарам.

Вопрос об экологическом кризисе. Есть яркие примеры и аргументы. Скорость формирования видов млекопитающих — 150–200 тысяч лет. Через такой интервал виды меняются, не быстрее. И не реже обновление идет. На дивергенцию приходится еще

больше. 200 тысяч лет — это время формирования вида. Среди млекопитающих ни о каких процессах в десятки тысяч и тысячи лет речи быть не может. Быстро могут эволюционировать только вирусы.

Влияние жизни в Дружине на меня, может быть, было моральным, запреты и пороги повысились, и Дружина сыграла роль в культивировании их во мне как в личности. У нас есть пример Е.Г. Сманцера (Славского), первого командира Дружины. Слово «дружина» им было придумано. Я это прекрасно помню. Женя занимался в КЮБЗе с 5 класса, а в старших классах — в Дружине по охране общего порядка. Логично, что придя на кафедру ихтиологии, он не хотел порывать с оперативной работой. И как возникла идея о Дружине, все помнят: ребята шли к метро из университета и Женя сказал: «А почему и нам Дружину не организовать, только по охране природы?». Сама идея была его. Он кончил кафедру ихтиологии и был направлен в Главрыбвод. Это было главное управление при Министерстве рыбного хозяйства, которое занималось проблемами охраны рыбных богатств. Он там всю жизнь проработал, дошел до должности замначальника главка. Как полагается, всем там присваивали флотские звания. Он по рангу имел звание контрадмирала. Но дело не в званиях. Он много ездил и участвовал в международных переговорах с корейцами и др. по проблемам охраны рыбных богатств, много выезжал на места, фактически был ключевой фигурой в главке. С одной стороны как ихтиолог, а с другой — как дружинник прошел всю жизнь по этой стезе. Это яркий пример. Еще один из активных представителей — Дима Кавтарадзе возглавил лабораторию. И они были не единственными.

О неприятии охоты. У меня позиция определенная. Мне дед в 14 лет подарил ружье, и ружье у меня было всю жизнь. Тульское. Потом я много охотился и имею определенную точку зрения на это. Меня в охоте интересовало прежде всего умение и способность выследить зверя. Встать на его позицию. Это оправданное и нужное любому натуралисту свойство. Не диктовать объекту

свою волю, а пытаться его понять. В своих исследованиях я пытаюсь сам стать на место объекта. Охота — это квинтэссенция такого подхода. Охота помимо выслеживания и растворения в природе подразумевает еще и выстрел. Здесь очень важно уметь стрелять. Я много лет охотился, не имея профессионального навыка стрельбы. Я считаю, что беря в руки ружье, надо обязательно пострелять на стенде и хотя бы до 3 разряда довести умение стрелять. Во Франции наличие охотбилета подразумевает сданный экзамен по стрельбе. Тогда ты спокоен, что не делаешь подранков. Охотоведы рассчитали, сколько и каких зверей можно изъять, и ты одного из них именно и изымаешь. Ты точно знаешь, что не промахнешься. Это очень важно — грамотный выстрел.

Независимо от того, является охота развлечением или источником существования, она все равно имеет место и будет дальше. Все крупные европейские страны и США имеют на высоком уровне поставленное охотничье дело. Там прекрасно поставлена охрана природы. Добыча лосей или кабанов несопоставима с тем, что в России. поголовье огромное, так как хозяйство приносит пользу природе. В этом использовании будут образованные и честные люди или деляги и шаромыжники? Готовые убивать медведицу на берлоге, лишь бы получить за это деньги? Тут развитие нашего хозяйства надеюсь пойдет по скандинавскому типу — с высоким поголовьем для охоты. В Финляндии лицензия на лося продается на одну персону. Человек один должен вытروпить и сделать без промаха выстрел. Я надеюсь, что этот путь и для нашего охотхозяйства неизбежен. Нужны кадры, которые смогут зверей охранять и ограждать от черного рынка. Это должны быть люди с высокой моралью. Незрелый и не гражданский подход: «Пусть не будет охоты!». Колоссальная проблема: что делать с лишними зверями? Или все заливать асфальтом или возникнет проблема перенаселенности угодий. Сейчас этого нет, потому что полный развал сельского хозяйства приводит к одичанию территорий, статистика дает сведения, что медведь дошел до Брянщины и Тверской губернии. На Алтае и в Западной Сибири активно расселяется

бобр. Но рано или поздно проблема будет острой. Запрет на добычу коал в Австралии привел к созданию спецслужбы, потому что они лазают по столбам и портят коммуникации. Кенгуру вызвали миллиардные затраты, потому что на трассах пришлось построить отражатели, которые посылают сигнал в буш, а не на асфальт, чтобы не перескакивали перед автомобилями. Для этого надо быть грамотным. Правильная охрана, к которой мы придем, приведет к неизбежному росту численности, которую надо будет искусственно регулировать. Альтернативы нет.

Будущее Дружины не изменилось, задачи остались. Оперативная работа нужна. Она цементирует коллектив. Способствует выездам в природу не только тех, кто и так регулярно там бывает, а также и тем специалистам, которые дистанционированы от реальной природы и которым нужно общение с ней. Оно для всех плодотворно. Если ДОП способствует любым формам этого общения, то это уже необходимо и оправдано. Дай Бог, чтобы это сохранилось. Дружина приучает к элементам ответственного поведения в природе. Это важно и для будущих полевиков. Иногда ручонки чешутся кого-то стрелкнуть или пару елочек срубить, чтоб под себя подложить. Сколько сырых деревьев рубят и пытаются из них делать костры! Всего этого не допустит школа Дружины — школа грамотного отношения к природе. И конечно, уместны и фундаментальные разработки. Мне часто приходится участвовать в заседании комиссии по оценке приходящих в Зоопарк работ. Там компоненты природоохранных работ (индикационная значимость лишайников, вред загрязнений), очень велики. Для студентов такие работы под эгидой Дружины тоже могли бы проводиться. И задача Дружины тоже их пропагандировать, культивировать их. В заключении пожелаю успеха, чтобы выросли новые Славские, которые пройдут с этим по жизни.

Черняховский Михаил Ефимович,

кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии биолого-химического факультета Московского государственного педагогического университета

В Дружине работал с 1961 по 1962. Я тогда был студентом среднего курса. Агаджанян Санька перешел уже из нашего института в МГУ и мы с ним в Дружине встречались. Секторов тогда еще не было.

В основном направление было БсБшное (борьба с браконьерством.— *Прим. ред.*). Там романтики было много. Еще елочное направление, елочная кампания по ряду вокзалов: по тем, по другим, где договаривались.

Поскольку я был связан с Агаджаняном и вообще с КЮБЗом, зашел как-то в МГУ, на биофак, а там выезд. Я и поехал. Как-то оно само собой получилось. Сманцер, Максимов, Лапин, Баскин — я был знаком со всей этой компанией.

Помню молодого Кавтарадзе, еще не лысого, в фуражке, в накидке такой зеленой. Встретили мы компанию пацанят с поджигами («поджига» или «самопал» — самодельное огнестрельное оружие.— *Прим. ред.*). Это маленькая труба алюминиевая или из другого металла, в ней просверливали дырочку, как в старой пушке. Пороха не было, и туда запихивали головки от спичек. Их можно было поджечь и выстрелить. А еще было с затвором. Туда засыпаешь порох или головки от спичек, потом запыхиваешь, насыпаешь дробь и стреляешь. С казенной части вставлялась спичка, она догорала и поджигала спички внутри. Ребята нас увидели и залегли. Трава по пояс, где их найдешь? Дима вышел, в свисток милицейский дунул и рывкнул: «Вставай, КГБ!». Те встали, ручки сложили.

Вот другой эпизод. Телипет, его брат, ныне покойный Саня Щербаков, Баженов, Куликов ездили. Беседуем мы с нарушителем, а в это время из леса выходит Саня Щербаков и несет дрын длиной метров пять. Все так и присели. А это он брату своему

трутовики на березе принес, чтобы тот сам выбрал, какие ему нужны для коллекции.

Куликов был настоящим самбистом, у него был первый разряд по самбо, он занимался в клубе МИФИ. Я до сих пор помню: церквушка такая, солнце светит, и мы сходимся: нас человек пять или шесть, и навстречу нам пять человек идут и почти каждый с ружьем. Мы даже сначала подумали, что это наша группа идет. Нет, это местные мальчишки с одностволками. Встречаемся. Кто проверяет, кто рассказывает, я к одному подошел: «Документы есть?» — «Нету». — «Давай ружье»... Тут старший из ребят сообразил, бросился на Куликова (тот к нему ближе стоял). Куликов как подхват залепит, тот как упадет темечком об землю. Все сразу и разоружились. Толька целый вечер потом ходил героем.

Насчет охраны елок. Как-то договорились с лесничеством. Потому что бывало так: электричка останавливается и вылезает человек двадцать пацанья и давай посадки пилить. Ну что с ними лесник один сделает? Мы приехали вечером, в ночи, в посадках переночевали и утром приготвились. Утром действительно с электрички топает толпа, а дальше как в фильмах про войну. Они наступают, наступают, доходят до леса, а из леса выходит засадный полк. Эти несостоявшиеся браконьеры бегут, а сзади на них накатывается волна. Предводитель решил молодежь прикрыть: остановился и начал ножовкой отмахиваться. Толпа на него накатила, он упал, по нему пробежали и побежали дальше. Брали на испуг. Больше они не приходили.

Еще такая была ситуация: Вадим (В.Н. Тихомиров.— *Прим. ред.*) или кто-то еще договаривались с охотохозяйством. Мы вечером приезжаем. Никто об этом не знает. И ходит не охотовед, который тот же местный, он тут живет, а ходят совсем посторонние люди. Я помню в Петушках, осенью: сеть стоит, а подручных плавсредств нет. Вадим разделся до трусов. Поплыл, сеть чуть ли не в зубах приволок. Рыбу разобрали.

Есть в Дружине фотография: лежит пара зайцев на снегу и много-много ружей. Этот выезд был потрясающим. Мужик

идет, Лапин его останавливает: «Документы есть?» — «Нет». — «А в рюкзаке что?» — «Заяц». — «А ну, вынимай». Народ знал, что ходить нельзя, что законы действуют. На моем веку было только один или два раза, когда сопротивлялись. А вот со Славой Кончиным было, когда Слава получил по черепу. Вышел на мужика один на один. И там была вообще-то страшная история. Мужик ему: «Документы давай». Слава полез в задний карман, а тот ему сверху прикладом по черепу, да так, что сломал шейку приклада. Схватил Славино ружье и побежал. Группа стала окружать его ползком по-партизански. Он пытался отстреливаться. Потом туда баллистическая экспертиза выезжала. Сманцер не выдержал, повесил ружье и пошел на мужика: «Если он в меня выстрелит, стреляйте». Не выстрелил, бросил ружье. Потом этого мужика били так... А потом суд был: «Пока мужик стрелял, вы могли его убить, а когда он ружье бросил, пальцем его тронуть уже нельзя». С трудом отмазали.

Я знаю историю, как Зубакин помог браконьерам уехать. В Окском заповеднике жили в палатках, инспектировали... Идет группа, Зубакин старшим. Нашли застрявший бензовоз, сети, рыбу. Собрались писать протокол. Мужики: «Да ладно, ребята, напишете. Помогите машину-то толкнуть». Толкнули. Они и уехали. Потом в Дружине на эту тему кукольную миниатюру представляли.

Из инспекторских учений. Я играл браконьера, у меня была задача убежать. Ружье, костер горит, заяц висит... На следующем пункте был Кубанин. Потом он мне говорил: «Ты что с ними делал?». Потому как группа кинулась на Андрюшу, разложила его, привязала, а потом только начала документы спрашивать.

Потом был еще такой хороший прием, на ученьях по-моему, это Кавтарадзе придумал. Когда остается совсем немножко, метров 400 до финиша и все уже видно, группа идет, к ним выходит девочка с корзинкой: «Извините, а какие это грибы?». А когда доходят до финиша, им задание: опишите девочку, что с грибами к вам подходила... Дайте физиономический портрет.

Одно время даже на юрфак на кафедру трасологии (по следам) ходили. Я на пару занятий ходил, больше не ходил.

Вадим (В.Н. Тихомиров — *Прим. сост.*) сделал что-то великолепное. Он собрал кучку браконьеров и сделал из них государственных людей.

Карасева Нина Васильевна получает от Шиловой с Урала письмо. «Женя здесь охраной природы занимается, всех мужиков затерроризировала. В лес никто не ходит. Встретит в лесу мужика с ружьем, документов нет — всё. Раз это ружье об дерево!» Это теперь о всяких правах рассуждают, а тогда что: «государев человек», он и есть «государев человек», какие ему еще права?

Главное, что в то время народ начинал как-то врубаться, что с природой надо поступать как-то по-другому. Дружинное движение стало по Союзу распространяться. И власть предержавшие относились к нам лучше, чем сейчас. В райкоме комсомола организовали специальный отдел, дескать, надо поддерживать инициативу снизу.

Криминала было немного. Мужики при встрече с нами предпочитали делать ноги. Хуже было, если попадался милиционер или другой какой государственный деятель. Был случай, когда милиционер составлял на нас протокол.

Забелин Святослав Игоревич,

кандидат биологических наук, сотрудник эколого-энергетического рейтингового агентства Интерфакс-ЭРА

Начал работать в Дружине в 1967 году, член штаба Дружины биологического факультета МГУ в 1968 г., командир ДОП в 1970 г.; координатор Движения дружин по охране природы в 1972–1979 гг., председатель Координационного совета движения в 1977–1979 гг. Один из организаторов Движения студенческих природоохранных дружин, Почетный член ДОП МГУ, лауреат экологической премии Голдмана (1993 г.).

ЗАРИСОВКИ

1. Осень 1970. Выезд в «зеленую зону» Москвы.

Задержали кого-то, и тут слева присосались еще люди с ружьями.

Стоят на «дамбе» линеечкой. Старшой, Рома Салимов, мне и говорит: иди-проверь. Выхожу: лосятники — убьют не глядя! А за спиной Витя Пичугин — первокурник! Как тут сдрейфить? Вот в этом коктейле чувств и пошел окучивать! Оказалось, зайчатники, но тоже браконьеры. Собрали мы их с Витей в кучу и доставили к Роме на оформление.

2. Весна 1970. Поэтическое описание последствий — в песне: «Наконец уснул Забелин, ...».

А предшествовало этому задержание мужика с так называемой «мелкашкой» Посреди деревни, в самой глубокой луже, мы ее (мелкашку) наиболее гуманным способом стараемся у мужика отнять. А вся деревня стоит вокруг и наблюдает. В какой-то момент (очки уже разбиты!) с меня слетает берет. Из круга наблюдающих выходит человек, подбирает берет и водружает его мне обратно на голову. И аккуратно возвращается в круг зрителей.

Нюанс в том, что Андрей Кубанин, Витя Зубакин и Свет Забелин крутят мужика, а Рома Салимов, обвешанный нашими ружьями, стоит на краю лужи и смотрит, как дуло мелкашки скользит по его животу, т.к. он не знает, что уже в первые секунды борьбы я передернул ее затвор и выбросил патрон. И думает: «Если брек выстрелит мне в живот — я отвечу...»

Очки мне разбили, мелкашку мы отняли, и всю ночь я на ней, на мелкашке, спал!

А утром пришел тот мужик — учитель физкультуры, наверное, — со всеми документами: отдали!

3. Елочная кампания. 1969, декабрь. Я — командир кампании. Сессия, однако. Бегу по факультету, влетаю в библиотеку, сажусь: учебники лежат. 30 секунд. Встаю, бегу по факультету... И так — 10 дней.

4. Окский заповедник. Первый — внефакультетский — названия мы и не придумали — сбор дружинников в августе!

5. Наверное, 1971. Накупили значков с изображением московских вокзалов (были такие, теперь нет), нацепили: дважды Бело-русский, трижды Киевский, Комсомольский — вокзалы, где дежурили на елочной.

И стучали себя в «груда»: «Это не должно повториться!» Обсуждался и был принят вариант дежурства на постах ГАИ на трассах.

6. Елочная кампания. 1968. Химический факультет. Я в телогрейке, с ночного дежурства на Киевском вокзале. Как сладко было под журчание профессора Хомченко спать на задней скамейке! Иногда он устраивал взрывы, но это не мешало!

7. Сентябрь 1968. После выезда (я фотографировал) — команда: проявить и напечатать. Больше я на лекции с тех пор не ходил. Увы. Были и хорошие. Говорят, Яков Авадиевич Бирштейн был великолепен. Но ... «проявить и напечатать».

8. Вспомню, как «птичка попалась»: сидим на малом практикуме. Тут входит Сережа Остроумов и приглашает на выезд по борьбе с браконьерством. С учетом семейной истории я и ... поехали! Ну, и уже сорок четыре года еду.

9. Последний день. Сентябрь 1972.

Представитель ЦК ВЛКСМ с характерной фамилией Лысенко рассказывает нам, как комса сажает леса. И после него — оглушительный Вадим Николаевич: как мы грудью на стволы и остроги.

И тут казанцы вносят свечу!
Которая не должна погаснуть!
И зал встает!

И комса тухнет от нашего молчания — в память об уже погибших — и от наших аплодисментов (если я правильно помню).

10. Осень 1974, воскресенье, вечер.

Звонок в дверь: вваливаются с выезда Андрей Жуков и Ко.

Печатная машинка в этот день и в это время суток — только у меня. А надо срочно писать какой-то рапорт.

Ботфорты, ружья — наши и брековские — в изобилии.

И между всем этим ползают (еще не ходят) наши дети в желтом и оранжевом комбинезончиках.

11. О командирстве.

Любимая песня 1970, когда едем на выезд:

«Командир у нас хреновый,
Несмотря на то что новый,
Ну, а нам на это дело наплевать.

Было больше, будет меньше —

Было б выпить, что покрепче:

Все равно с какой холерой воевать (вариант — умирать)».

12. Новый 1968 (или 1969) год.

Чья квартира, не помню.

Вадим Николаевич Тихомиров поет незабываемую песню про «огромную ноженью» и другие. А потом происходит аттракцион с поднятием Константина Николаевича Благосклонова на воздух на четырех пальчиках прекрасных дам.

Происходило это так: КНБ садился на стул. Сообщество возлагало руки ему на голову и несколько жало, т.е. сжимало его как пружину. В означенный момент четыре хрупкие девушки ставили

ему пальчики: два под мышки, два под коленки. И — раз! КНБ взлетал под потолок!

Свидетель!

13. Наткнулся на полке на книгу: «природа — вся наша жизнь».

А несколько лет, давным-давно, стенгазета Дружины биофака МГУ так и называлась: «Вся наша жизнь». Где-то в «лихих» 70-х. А за названием стояли строчки из песни:

«Вся наша жизнь меряется стопками: только и живем пока мы пьем. «Русская», «Столичная», «Особая» — о тебе мы песнь поем...»

Тоже строчка, которую не вычеркнуть бы ...

14. Новый 1976 год. Дружина встречает Новый Год!

Квартира Забелиных — 60 кв.м. Костюмированный (!!!) бал — от белогвардейцев до пионеров. Не меньше 40 участников! Светик — Воланд, Катя Попова-Бондаренко — Гелла, а Ниноля — «маленькая хозяйка большого дома».

Я — об атмосфере. Мы так жили!

Зубакин Виктор Анатольевич,

Почетный член Дружины по охране природы биофака МГУ, Почетный работник охраны природы, Президент Союза охраны птиц России, старший научный сотрудник ИПЭЭ РАН, кандидат биологических наук

В Дружину я пришел в июне 1968 г., на практике после первого курса (тогда все первокурсники проходили практику в Чашниково). Время моего прихода в Дружину было не совсем обычным: в те времена, как правило, народ шел в Дружину на первом курсе, а потом кто-то из пришедших оставался, а большинство ко второму курсу исчезали. В том, что я буду работать в Дружине, я был уверен еще до поступления в МГУ. Дело в том, что где-то в конце школьных годов у меня было столкновение с браконьерами в подмосковном лесу под Лыткарино. Там я понял, что в одиночку бороться «за природу» крайне неэффективно. И когда перед поступлением в МГУ на дне открытых дверей узнал о существовании Дружины — сомнений в том, что мое место там, у меня не возникало. Однако в начале первого курса на меня свалилось столько лекций, занятий, семинаров и прочего, что ни на что другое, кроме учебы, времени не оставалось (сказывалось «медалистское» прошлое — я в школьные годы привык к учебе относиться, уж извините, серьезно). А когда втянулся в студенческую жизнь и стал к занятиям относиться спокойнее — время было упущено: в Дружине уже сложился устойчивый коллектив первокурсников, а я в те годы в сложившиеся коллективы входил трудно. На чашниковской практике этот барьер был сломан, а тут подоспел и ночной рейд по борьбе с рыбным браконьерством на Сенежском озере, где я получил «боевое крещение»: нашу лодку попыталась протаранить браконьерская моторка. Так в конце концов я и оказался в Дружине. И проработал там 19 лет, до осени 1987 года (я имею в виду период активной практической работы, когда я не только вникал во все вопросы и беды Дружины, но и сам ездил на выезды и в экспедиции). После этого еще лет пять старался не

терять контактов с дружинниками, в том числе проходящими в Дружину (и конкретно в «Фауну») новыми поколениями, но потом отошел от дружинных дел, хотя со многими «стариками» поколений 1968–1987 гг. и начала 1990-х гг. поддерживаю деловые и дружеские контакты до сих пор.

В Дружине мне пришлось поработать в разных секторах. Ездил на оперативные выезды сектора БСБ (главным образом, в 1968–1973 гг.; по моим записям, до апреля 1978 г. я участвовал в 71 таком выезде). В 1968–1969 гг. принимал участие в выездах по обследованию заказников Подмосковья, тогда крайне немногочисленных. С 1969 г. до, по крайней мере, 1972 г. включительно возглавлял группу по борьбе с жестоким обращением с животными. Возглавлял, правда, только в организационном плане, так как идейным руководителем и вдохновителем этой группы был Дима Кавтарадзе. В штаб Дружины был избран только на пятом курсе, в марте 1972 г., до этого нередко пребывал, так сказать, в «системной оппозиции» к дружинному руководству. В том же 1972 г. вместе со Святославом Забелиным и Андреем Кубаниным был избран Почетным членом Дружины — эту награду я считаю для себя одной из самых главных. Самое интересное, это почетное звание я получил как бы авансом, до главной моей заслуги перед Дружиной и Движением ДОП — до создания и «раскрутки» программы «Фауна». В годы учебы в аспирантуре при кафедре зоологии позвоночных (1972–1975 гг.) я работал не только в Дружине, но и в Молодежном совете по охране природы. С 1973 по 1975 год был общественным редактором страницы «Человек и природа» в газете «Московский университет», в 1976–1978 гг. — заместителем председателя Молодежного совета. А с 3 ноября 1976 г. началась «Фауна»: сначала группа и сектор в Дружине, потом междружинная программа, школы-семинары, выезды, экспедиции... С созданием «Фауны» я наконец нашел свою «экологическую нишу» в Дружине и Движении ДОП. И в начале 1979 г. окончательно сбежал в «Фауну» из заместителей председателя Молодежного совета.

Чем памятно мне время работы в Дружине? 19 лет — срок долгий, много было разных событий. За это время сменился 21 командир Дружины (или даже 22 — если считать командирства А. Зименко в 1980 г. и в 1982 г. за два разных). Перечислю их всех — а то потом опять к очередному дружинному юбилею будут гулять фантастические апокрифы на тему, кто и когда был командиром.

Прасолов Владимир — 19 марта 1968 г.— 12 ноября 1968 г.;

Бек Татьяна — 12 ноября 1968 г.— 3 марта 1969 г.;

Засыпкин Михаил — 3 марта 1969 г.— 3 сентября 1969 г.;

Умяров Абдулхамид — 3 сентября 1969 г.— 5 марта 1970 г.;

Забелин Святослав — 5 марта 1970 г.— 3 марта 1971 г.;

Томкович Павел — 3 марта 1971 г.— март 1972 г.

Воробьев Иван — был командиром два срока подряд: март 1972 г.— начало 1973 г. и начало 1973 г.— 6 декабря 1973 г.

После ухода И.Воробьева из командиров руководство Дружиной на несколько месяцев пришлось взять «старикам»; правление «старейшин» продолжалось до общего собрания в конце зимы— начале весны 1974 г., когда командиром Дружины была избрана Надя Григулевич.

Григулевич Надежда — 1974 г. (отчетно-перевыборные общие собрания Дружины, как правило, бывали после студенческих каникул, в феврале-марте, поэтому срок очередного командирства захватывал помимо основного календарного года также и 1–2 месяца следующего года; чтобы избежать путаницы, я здесь и далее, если у меня нет данных о датах общих собраний, привожу только основной календарный год командирства).

Лебедев Владимир — 1975 г. (с 18 марта);

Ган Ольга — 1976 г.;

Войцик Андрей — 1977 г.;

Спиридонов Василий — 1978 г. (по 11 марта 1979 г.);

Краснова Елена — 11 марта 1979 г.— 8 февраля 1980 г.;

Зименко Алексей — 8 февраля 1980 г.— 4 марта 1981 г.;

Берг Анита — 4 марта 1981 г.— 3 марта 1982 г.;

Зименко Алексей — 3 марта 1982 г.— 10 марта 1983 г.;

Головина Екатерина — 10 марта 1983 г. — 5 марта 1984 г.;

Яницкая Татьяна — 5 марта 1984 г. — 14 марта 1985 г.;

Честин Игорь — 14 марта 1985 г. — 11 марта 1986 г.;

Симонов Евгений — 11 марта 1986 г. — июль 1986 г. (Е. Симонова летом 1986 г. забрали в армию, и на командирстве его сменил М. Соловьев);

Соловьев Михаил — июль 1986 г. — 16 марта 1987 г.;

Образов Вячеслав — 16 марта 1987 г. — 24 марта 1988 г.

Хотя за прошедшие годы многое стерлось из памяти, воспоминаний, наверное, хватило бы на толстый том. А что касается наиболее запомнившегося... Помню выезд в Кубинское охотхозяйство 12-13 апреля 1969 г., когда сложилась наша четверка Забелин — Зубакин — Кубанин — Салимов. Он памятен мне еще и тем, что был первым выездом, на котором я был старшим. Вечером в субботу 12 апреля мы на виду у жителей деревни изъяли у браконьера ружье (если не изменяет память, то была мелкокалиберная винтовка). При этом в ходе выяснения отношений имела место небольшая куча-мала, в процессе которой Андрюша Кубанин, цитируя на память законодательство, разъяснял браконьеру и столпившимся зрителям правомерность наших действий и неправомерность действий их; разъяснения эти периодически подкреплялись мерами физического воздействия. Этот выезд потом был «увековечен» Рамизом Салимовым в песне «Над канавой...»; впрочем, речь в ней шла не столько о субботнем дне 12 апреля, сколько о последующем, воскресном.

Остался в памяти и выезд 23 ноября 1969 г. в окрестности Горок Ленинских. Приняли участие в нем шесть человек: наша четверка плюс Нина Сухорукова и Зина Круглянская. Мы задержали шесть браконьеров (что тогда было нечастым явлением на выездах), и в честь такого события нахально порешили именоваться «Большой четверкой» (из Словаря дружинника: «Четверка — шесть человек»). Впоследствии три человека из «Большой четверки» (С. Забелин, А. Кубанин, Р. Салимов) составили костяк нового штаба, избранного 5 марта 1970 г., а Зина Круглянская ста-

ла заместителем командира по оргработе следующего штаба, уже при командирстве Паши Томковича.

Помню красиво проведенную операцию «Качков затон» на Оке. 24–31 августа 1971 г. проходил дружинный семинар в Окском заповеднике, в ходе которого решили провести оперативный рейд по борьбе с рыбным браконьерством. Качков затон был одним из популярных среди местных жителей мест лова рыбы сетями. Чтобы не спугнуть браконьеров массовым появлением «подозрительных лиц», решено было пробираться в ночной темноте мелкими группами с разных сторон, чтобы соединиться перед рассветом и оцепить затон. Что и было проделано почти без накладок. Почти — потому что кто-то из наших, переговариваясь шепотом по рации, не на ту кнопку нажал, в результате чего рация в утренней тишине заорала дурным голосом на всю Оку. Впрочем, это было уже на заключительной стадии операции и на результат не повлияло. Не помню уж точно, сколько сетей мы тогда сняли и сколько протоколов составили, но «улов» был богатым. А Андрей Жуков, один из руководителей операции, на юбилейном выезде был награжден орденом «Ай да я!» первой степени. Кстати, в тот же день, уже после операции «Качков затон», произошел описанный в воспоминаниях Михаила Черняховского случай с браконьером, забуксовавшую машину которого дружинники помогли вытащить из грязи, после чего браконьер благополучно на этой машине и удрал. Миша приписывает мне командирство в этой оперативной группе, но ради восстановления исторической справедливости я вынужден его поправить: хоть я и был в той группе, но старшим был не я. Впрочем, чего греха таить, у меня тоже «ляпов» на выездах хватало...

Памятны и кризисные моменты в истории Дружины. Вообще, всяких сложностей и срывов в бурной истории Дружины было много — иногда даже возникала мысль, что вообще кризис — это способ существования студенческой Дружины. Но вот серьезных срывов, кризисов, чреватых возможным распадом организации, на моей памяти было три: в 1969 г., 1973 г и 1987 г. В марте 1969 г.

командиром Дружины был избран первокурсник Миша Засыпкин, хорошо показавший себя на оперативной работе и, вообще, популярный в среде дружинной молодежи человек. Произошла смена поколений: вместе с Мишей в новый штаб пришла команда первокурсников, а «старики», тянувшие ранее лямку штабной работы, посчитали свою миссию выполненной и от работы отошли. К сожалению, в качестве командира М. Засыпкин себя не показал, и к лету работа в Дружине оказалась полностью разваленной. 3 сентября состоялось заседание штаба с участием «стариков», на котором был сформирован новый штаб и избран новый командир — Хамид (Абдулхамид) Умяров, человек достаточно жесткий и требовательный. Переход от «вольницы» к «диктатуре» оказался весьма резким, в результате чего «восстал» сектор БсБ, в котором одной из ключевых фигур тогда был Андрей Жуков («Наш сектор снова ушел в подполье (вариант: на волю), ищите нас неизвестно где!»,— это песня Андрея как раз из тех времен). Надо сказать, сектор БсБ в конце 1960-х — начале 1970-х гг. всегда отличала некоторая вольница и, скажем так, не всегда почтительное отношение к дисциплине. Конфликты между Андреем и Хамидом еще более осложнили ситуацию в Дружине, и ее удалось стабилизировать только новому штабу во главе со Светом Забелиным, избранным командиром 5 марта 1970 г. При следующем командире — Паше Томковиче — работа Дружины активно пошла в рост.

Кризис 1973 г. начался осенью, после очередного дружинного семинара в Окском заповеднике. Командиром тогда вторым сроком был Иван Воробьев. Началось все традиционно — с конфликта между командиром и сектором БсБ, который тогда возглавляли Андрей Карпов, Дима Банин и Владимир Лебедев (здесь я могу ошибиться, так как своих данных о составе штаба мне найти не удалось, и я цитирую записи А. Кубанина). Конфликт перерос в выступления части членов штаба против «авторитаризма» и за перемены в Дружине. 16 октября состоялось бурное общее собрание, на котором произошли изменения в составе штаба: Иван Воробьев остался командиром, его замом по оргработе избрана Еле-

на Крученкова, в секторе ПАЛ осталась Марина Вишневецкая, в секторе БсБ — Дмитрий Банин, а представителем Дружины в бюро комитета ВЛКСМ избрана Ольга Новикова. История на этом не закончилась, и 6 декабря состоялось еще одно, столь же бурное, общее собрание Дружины, на котором со стороны как членов штаба, так и некоторых рядовых дружинников прозвучали резкие выступления против командира. Однако никто из выступавших и требовавших перемен в Дружине не захотел взять на себя ответственность возглавить штаб и начать осуществлять упомянутые перемены. Поэтому, несмотря на критические высказывания в адрес И. Воробьева, общее собрание все же решило оставить его командиром. Но Ваня в сердцах (и его можно понять!) подал в отставку. Дружина осталась без командира. 8 декабря 1973 г. собрались «старики» («Совет старейшин») и в создавшейся ситуации решили временно взять руководство Дружиной в свои руки. «Геронтократия» продолжалась до февраля (или марта) 1974 г., после чего на очередном общем собрании командиром была избрана Надя Григулевич.

Кризис 1987 г. был связан с попыткой переключения основного вектора работы Дружины с охраны живой природы на борьбу с загрязнением, то есть фактически с попыткой перевода деятельности организации на рельсы энвайронментализма. Идеологами такой перестройки работы Дружины (слово «перестройка», кто помнит, тогда было необычайно популярным в стране) выступили Игорь Честин, Татьяна Яницкая и Евгений Шварц; активно поддерживал эту идею и тогдашний командир Дружины Михаил Соловьев. Основным тезисом было: есть в охране среды ключевые проблемы, а есть менее важные, и сколько ни создавай заказников и как ни охраняй редкие виды, их не спасешь, если будут продолжаться, например, загрязнение среды и кислотные дожди. В принципе против работы Дружины по загрязнению и сходным направлениям никто бы и не возражал, если бы желающие начать подобную деятельность создали в Дружине соответствующий сектор или группу и сами бы впряглись в эту работу. Так

начиналась работа по заказникам, «Фауне», зоопарку. Но предполагалось совсем другое: ликвидировать все существующие в Дружине сектора, оставив штаб, который будет решать, какие природоохранные проблемы важны, а какие нет, и чем конкретно в тот или иной момент времени должна заниматься вся Дружина. Подобная «перестройка» вполне могла бы привести к распаду Дружины — вряд ли те, кто нашел себя в «Заказниках» или «Фауне» стали бы заниматься делом, к которому у них не лежит душа и к которому их привлекают в добровольно-принудительном порядке, столь знакомом и нелюбимом тогда всеми нами по комсомольской работе. К счастью, общее собрание Дружины 16 марта 1987 г. идею «перестройки» не поддержало. Надо сказать, для того, чтобы все закончилось именно так, я тогда приложил максимум усилий, о чем никоим образом не жалею.

Вспоминаю озеро Киево с его гигантской колонией озерных чаек, над которой Дружина в 1975 г. взяла неофициальное шефство. Ежегодно с 1977 по 1987 г. в один и тот же день, 9 мая, Дружина проводила учет гнезд в этой колонии. Руководили процессом учета мы с Сергеем Харитоновым. Чайки гнездились на плавучих розовых островах-сплавинах, не всегда выдерживавших тяжесть человека, поэтому редкий учет обходился без «купания», иногда массового («Эй, кто там под сплавинной матерится? А ну вылазь, и продолжай считать!...» — это из песни, сложенной в те годы). Никогда не забуду картины, когда в воздух взмывало около 20 тысяч чаек (в 1982 г., в пик численности, здесь гнездилось 16,6 тыс. пар). Этого, увы больше никто никогда не увидит — после ликвидации Лобненской свалки, где кормились чайки, колония стала быстро хиреть и в 1996 г. прекратила свое существование.

Безусловно, много воспоминаний связано с «Фауной». О непростом становлении этой междружинной программы, которая затем на полтора десятилетия стала одним из определяющих направлений деятельности Движения ДОП, я в свое время написал в сборнике, посвященном 40-летию Дружины биофака МГУ («И мир пройдет по нашим вехам», составители С.Г. Мухачев,

С.И. Забелин. М., ЦОДП, 2001), поэтому повторяться не буду. Что же касается сектора «Фауна» нашей Дружины, то самые яркие воспоминания у меня связаны с «Журавлиной родиной». О том, как, действуя наперегонки с мелиораторами, мы за несколько месяцев спроектировали заказник. Как на совещании руководства Талдомского района весной 1979 г. победили в схватке с директорами местных совхозов, единым фронтом выступавшими против создания заказника. Как все-таки отстояли Дубненский болотный массив и наперекор всему добились организации «Журавлиной родины». До сих пор помню ту эйфорию победы, когда мы узнали, что 7 сентября 1979 г. наш заказник наконец-то создан! Я и сейчас считаю сохранение Дубненских болот и создание «Журавлиной родины» одним из главных дел своей жизни.

Много всего было за время моей работы в Дружине — и радостного, и печального. Но самая главная память о тех годах — чувство причастности к важному и нужному делу, которое мы, несмотря на всегдашнее дружинное разгильдяйство, делали очень даже неплохо и добивались своих целей. Как писал в «Территории» Олег Куваев (неспроста эта книга была в конце 1970-х — начале 1980-х гг. популярна в среде дружинников): «А ведь можем, ребята, ей-богу можем!». И вот это чувство, что ты способен изменить порядок вещей, что ты можешь сделать мир лучше и СДЕЛАЕШЬ — осталось у меня с дружинных времен на всю жизнь. Можем, ребята!

Помимо оперативных выездов по БСБ, выездов и экспедиций по проектированию и обследованию заказников и поиску редких видов, важным делом Дружины было налаживание контактов с государственными инспекциями (охотничьими, рыбными и лесными) и Всероссийским обществом охраны природы (ВООП). При всем скептическом отношении к ВООП (из «Словаря дружинника»: «ВООП — Всероссийское общество озеленения палисадников») очень важной заслугой Дружины было установление рабочих контактов с Московским областным советом этой организации. Дело в том, что ВООП в те годы обладал правом

законодательной инициативы, чего в настоящее время лишены все общественные объединения. В частности, Мособлсовет ВООП готовил проекты решений для Мособлсполкома. Имея хорошие контакты в Мособлсовете ВООП, мы могли в определенной степени воздействовать на принятие природоохранных решений властных структур Московской области — в частности, по созданию заказников, по охране животного и растительного мира и др. А контакты действительно удалось установить неплохие. Я в 1977–1996 гг. возглавлял в МособлВООПе секцию охраны фауны; активно работали с Мособлсоветом ВООП в 1980-х — начале 1990 гг. Николай Соболев и ряд других дружинных людей.

Хорошие отношения с Мособлсоветом ВООП особенно помогли нам во времена вакханалии с выделением садовых участков в конце 1980-х гг. Осенью 1987 г. партия и правительство решили наделить граждан страны землей; началась бесплатная раздача земли под садоводческие товарищества. В Московской области это приняло достаточно гротескные формы. Надо было обеспечить земельными участками жителей многомиллионного города, но, с одной стороны, для каждого административного района области была спущена разрядка — сколько тысяч гектаров выделить для этой цели, а с другой — было приказано не отдавать ни пяди пахотной земли. Естественно, руководство районов пустилось во все тяжкое, чтобы как-то выкрутиться. «Под сады» стали выделять всяческие «неудобья», вырубки и болота. Появился серьезный риск потерять многие ценные места обитания для редких животных и места произрастания редких растений. К счастью, в комиссию по выделению земель при Мособлсполкоме был введен обязательный представитель от Мособлсовета ВООП. Им оказался Иван Фокиевич Ивлиев, с которым мы много и плодотворно контактировали ранее. Иван Фокиевич привлек в эту комиссию нас с Н. Соболевым; принимала участие в работе комиссии и Мила Волкова. В результате через наши руки проходили все документы о выделении земель с подробными (или не очень) картами-выкопировками. И если возникали сомнения, что

те или иные земли можно отдавать под сады, мы требовали отложить решение до натурального обследования территории на предмет местообитаний редких видов. После чего передавали материалы Мише Крейндлину, он с дружинниками ехал на место и обследовал данный объект. В результате нередко приходилось констатировать, что данный участок не только нельзя отдавать «под сады», но даже совсем наоборот — надо делать там заказник. О чем и докладывалось на комиссии. Без визы представителя ВООП выделить земли под садоводческие товарищества было нельзя, а Ивлиев без нашего «добро» документы подписывать отказывался. При попытке давления на него Фокиевич невозмутимо кивал на нас, как на экспертов, а на нас давить, как вы понимаете, было бесполезно. Так удалось сохранить много ценных природных объектов, а в местах, где ранее планировались поселки садоводов, появились несколько новых заказников (в том числе заказник «Радовицкий мох»).

Как сочетались у меня работа в Дружине и учеба? Как ни странно, сочетались неплохо. Настолько неплохо, что на пятом курсе я был ленинским стипендиатом (для получения ленинской стипендии необходимо было учиться «на отлично» и вести активную общественную работу; что касается последнего, то это, разумеется, была работа в Дружине, а не в комитете ВЛКСМ).

В моей жизни Дружина сыграла очень большую роль. Практически все навыки организационной работы, в том числе и работы с людьми, я приобрел в Дружине. Можно сказать, что Дружина сформировала мою природоохранную ипостась, как книги и учителя — научно-орнитологическую. А кроме того, в Дружине я нашел людей, близких мне по духу. Друзей. И жену. А дети пошли своим путем, у них свои интересы в жизни, не связанные ни с Движением дружин, ни с охраной природы, ни даже с биологией.

О техническом и прочем оснащении выездов. В 1960-х–1970-х гг. университет нередко выделял машину для оперативных выездов на выходные, что позволяло забираться при необходимости, в самые отдаленные уголки Подмосковья. Если машины

не было — ехали на электричке и на автобусах. За проезд платили свои кровные (нередко ездили и «зайцами»). Ночевали на охотбазах или, что реже, в палатках. Еду привозил каждый по своему разумению, затем все это собиралось воедино и совместно потреблялось. «Лоханкизм» (смотри «Словарь») не поощрялся и не процветал.

Как правило, в инспекторской группе было хотя бы одно ружье. Из технических устройств, применявшихся на оперативном выезде, можно упомянуть сигнальную ракетницу и рацию. Последняя появилась после того, как на одном из выездов дружинники поймали на браконьерстве замминистра связи (подробностей не знаю, это было еще до моего прихода в Дружину). Рация оказалась крайне маломощной, переговариваться можно было только в радиусе 300 м, о чем мы сначала не подозревали. Поэтому первое время нередко были такие сценки: одна группа инспекторов видит вдаль другую и включает рацию. А рация молчит. И над просторами полей раздается рев: «Ку-ба-а-нин, ра-ци-ю вклю-чай!». В ответ, на пределе слышимости: «Чево-о-о?». «Ра-а-а-ацию включай!!!».

О «сухом законе». Ко времени моего прихода в Дружину «сухой закон» на выездах (кроме юбилейных) уже был введен (насколько я знаю, произошло это во времена командирства Д. Кавтарадзе), что, я считаю, было абсолютно правильным. Нарушения «сухого закона» на выезде бывали, но они каралось довольно сурово, вплоть до исключения из Дружины. «Фаунистические» экспедиции первых лет тоже были «сухими» («размачивались» лишь на «отвальной», в последний вечер); потом, насколько я знаю, дисциплина в этом смысле несколько ослабла, а зря.

Об инспекторских учениях. Какие воспоминания вызывают они у меня? Приклад ружья у меня там сломали, когда силовым методом брали «браконьера». А в общем, инспекторские учения, безусловно, дело нужное. Но это должны быть именно учения, а не зрелищные мероприятия. Элементы «шоу», к сожалению, постоянно проскальзывали во всех учениях, в которых я принимал

участие (как «браконьер» или судья). В частности, в нормальном БсБэшном выезде дело до «принципа Жана» (смотри «Словарь дружинника») доходило нечасто, а вот в инспекторских учениях конца 1970-х разговор с «нарушителем» нередко начинался с того, что его валили наземь.

О кураторе. В первые годы существования Дружины Вадим Николаевич Тихомиров ездил на выезды, вникал во все дела Дружины. Уже в мое время он постепенно отходил от активной работы, но к нему всегда можно было придти и обсудить разнообразные дружинные проблемы, получить ценные советы. Для нашего поколения Тихомиров был уже не старшим товарищем, как для дружинников первых лет, а преподавателем. Но всегда оставался высшим авторитетом в дружинных делах.

Об опасностях. Оперативная работа — будь то БсБ, елочные кампании или что-либо другое — всегда сопряжена с риском, и мы это прекрасно сознавали. Правда, в наше время «острых» ситуаций, которые нередко случались в первые годы существования Дружины, уже было гораздо меньше. И, к счастью, смертельных исходов столкновений с браконьерами не было. А вот в других дружинах случаи гибели инспекторов, увы, были...

Что же касается «политических рисков», то тут надо четко понимать, что Дружина диссидентской организацией не была (вопреки высказываниям в начале 1990-х гг. некоторых «стариков»). Иначе она не просуществовала бы легально и года. Диссидентские настроения в Дружине, безусловно, были — но где их тогда не было в студенческой среде и среди молодых научных сотрудников? Впрочем, не исключаю, что «диссидентский дух» в Дружине был несколько сильнее, чем в среднем по вузу. «Наезды» на Дружину и Движение ДОП со стороны партийно-комсомольских и ВООПовских структур бывали, особенно в 1960-х — начале 1970-х гг. (сказывалось, видимо, пресловутое «классовое чутье»), но кончались ничем, поскольку на все критические высказывания в адрес Дружины (дескать, не тем вы делом занимаетесь, ребята) следовал ответ: мы выполняем решения партии и правительства о ленинском

отношении к природе и необходимости усиления ее охраны. А поскольку такие постановления периодически выходили (причем нам везло: они нередко выходили в очень нужные моменты — например, во время первой конференции дружин осенью 1972 г.), крыть нашим оппонентам было нечем.

Последним по времени достаточно серьезным «наездом» был период 1978–1980 гг., когда на тогдашних лидеров дружинного движения посыпались доносы в соответствующие органы со стороны «товарищей из Томска». Пришлось нам тогда очень не сладко, но, похоже, сотрудники органов разобрались в ситуации и поняли, что речь идет не о похвальной бдительности «товарищей» а о вульгарном и старом, как мир, желании обгадить конкурентов. По крайней мере последствий эти доносы для нас не имели, хотя крови попортили немерено.

Об играх, песнях и прочем фольклоре. Все это, разумеется, было. Что касается игр, то помимо «шарад» в электричках, в конце 1960-х — начале 1980-х гг. на выездах практиковались две «костоломные» игры: «кобыла» и «слон». Они были очень популярны, а пришли к нам в Дружину, как я понимаю, из кружка ВООП. Игры, временами, действительно бывали костоломными — по крайней мере, я свой первый перелом ребер получил на юбилейном выезде Дружины на ЗБС, в декабре 1984 г., играя в «слона».

Основные дружинные песни — это творения Николая Соболева времен 1980-х гг. В конце 1960-х — начале 1970-х годов в Дружине пели в основном песни, пришедшие из кружков КЮБЗ и ВООП, и бардовские песни. Тем не менее свои песни в Дружине были и в «дособолевский» период, но их было мало, особой популярностью они не пользовались и ныне, что называется, «широко забыты» (разве что «Над канавой...» периодически, как я понимаю, всплывает из небытия). Что касается «Толкового словаря дружинника», то это плод творчества нескольких поколений. Начинали готовить «Словарь» мы с Жаном (Володей Барановым) для стенгазеты к юбилейному выезду то ли 1969, то ли 1970 года.

Принимал участие тогда в составлении «Словаря» также Рамиз Салимов («Я — первая буква протокола», — это он предложил) и, кажется, Андрей Кубанин со Светом Забелиным. С тех давних времен в «Словаре» прописались «принцип Жана» (твердое убеждение Жана, что серьезный разговор с нарушителем можно вести, лишь переведя последнего в горизонтальное положение), «завал» (обычное состояние в сессию активно работающего дружинника), «кубаниотропизм» (свойство любого документа, имеющего хоть малейшее отношение к охране природы, оказываться у Андрея Кубанина в портфеле или дома), «тихий ужас» (четвертый час «закрытого» штаба) и ряд других, теперь уже местами устаревших слов и терминов. Следующие поколения дружинников добавили в «Словарь» такие термины и понятия, как «клиент» (судя по всему, после выхода кинофильма «Бриллиантовая рука»), «Красная Труба» и мн. др. «Толковый словарь дружинника» (как и другой дружинный фольклор), безусловно, надо издать. Ведь в фольклоре история Дружины нередко отражается гораздо полнее, чем в протоколах заседания штаба (которые, к тому же, нередко имеют обыкновение исчезать бесследно). И, конечно же, нынешним поколениям дружинников «Словарь» надо пополнять — жизнь-то идет вперед!

Крылатых фраз помню три. «От браконьерства — к охоте, от охоты — к охране природы», — такой лозунг вбросил в массы (кажется, на юбилейном выезде 1968 г.) Костя Кривошапов (Банан). «У природы везде должны быть свои люди», — это Сергей Мухачев. И знаменитый тост «За успех безнадежного дела!», который провозгласил Николай Краев (первый командир Кировской Дружины имени Виктора Волошина) где-то в начале 1970-х гг.

Многие «фольклорные» творения Дружины — если не брать песни — впервые появлялись в юбилейных стенгазетах. Черновики некоторых из этих творений, к созданию которых я имел непосредственное отношение, удалось обнаружить в моих архивах перед 50-летием Дружины. Привожу часть найденного.

Проекты памятников дружинным событиям (готовились для дружинной стенгазеты, скорее всего, к очередному дню рождения Дружины где-то в 1970-е гг.)

Проект памятника «Первым».

Представляет собой вскинутый вверх бронзовый кулак, пробивающий монументальную каменную плиту, символизирующую традиционную деятельность Всероссийского общества охраны природы. Цоколь памятника украшен изображениями скрепленных ружей со стволами, завязанными в узел.

Памятник предполагается установить на 5 этаже биофака.

Проект памятника «Старикам».

Символизирует мощь и энергию ушедшего поколения. Представляет собой фигуру спящего мамонта на пьедестале в виде усеченной пирамиды, символизирующей экологическую пирамиду чисел. Грани пирамиды украшены барельефами «Картинки из жизни динозавров мезозойской эры», а также различными умными изречениями деятелей старшего поколения: *Ne kachestvennyu nynche malek poshel. A vot v nashe vremya... I shtab ne tot, i lyudi ne te... Kuda idet Druzhina...* и т.д.

Проект памятника «Октябрьским событиям 1973 г.».

На массивный постамент вознесен обширный воз, символизирующий Дружину, в который впряжены Лебедь, Рак и Щука, представляющие собой разнообразные формы работы и пути исканий подрастающего поколения. На цоколе памятника выведена стилизованная фигура крокодила, кусающего собственный хвост (выполненная из золотисто-желтой латуни), символизирующая вечную неудовлетворенность дружинников и их стремление не останавливаться на достигнутом. Памятник предполагается установить на «Мостике».

Проект памятника принятию «сухого закона» в Дружине
Выполнен в стиле классических древнегреческих статуй. На граненом постаменте в виде перевернутого стакана установлена беломраморная фигура Геркулеса (черты которого чем-то напоминают Д. Кавтарадзе), борющегося с гигантской змеей, изготовленной из зеленой бронзы.

Проект памятника «дружинной дисциплине».

Выполнен в виде надгробия. Надпись — изречение В. Прасолова, командира Дружины в 1968 г.: «У нас — полувойсковая организация». Предполагается установить на Новодевичьем кладбище.

Из возможных вопросов на приеме членского минимума ДОП:

1. Гуляя по берегу Онежского озера и размышляя о судьбах цивилизаций, ученый секретарь Молодежного совета МГУ по охране природы Д. Кавтарадзе наступил на присевшую отдохнуть бабочку *Parnassius apollo*. Обосновать ближайшие и отдаленные последствия сего необдуманного шага.

2. Рассчитайте, сколько пройдет времени с момента создания проекта заповедника в лесной зоне Западной Сибири до его действительного открытия, если известно, что вырубить лес на площади, равной площади заповедника, можно за пять лет.

Есть в моих архивах и другие творения подобного рода, но с ними подождем до сборника дружинного фольклора.

И последнее, с играми и фольклором не связанное. Принесла ли работа нашего поколения объективную пользу природе? Безусловно, принесла. Ведь помимо прочего именно дружинники 1970-х — 1980-х годов создали в Московской области мощную сеть особо охраняемых природных территорий и заложили основу той работы, результатом которой в 1990-х гг. стала Красная книга Московской области (кстати, писали и издавали ее тоже, в основном, выпускники Дружины). Но главное видится все-таки не в этом. Если проанализировать результаты деятельности Дружины биофака МГУ (и, вообще, Движения ДОП) в 1970–1980-х гг., ясно

видно, что главный итог работы тех лет — это не столько практические результаты природоохранной деятельности (которые, безусловно, весьма впечатляющи), сколько воспитание природоохранных кадров. И в этом смысле Дружина сделала для охраны природы нашей страны столько же, сколько знаменитый кружок Петра Петровича Смолина в 1950-1960-е гг. — для развития отечественной биологии. Движение ДОП 1970-1980-х подготовило кадры (в том числе и руководящие) как для заповедников, так и практически для всех нынешних активно действующих природоохранных организаций. Думаю, этим и определяется главная роль дружин — воспитание (через практическую природоохранную работу) деятелей охраны природы с активной жизненной позицией. А феномен Движения ДОП 1970-х — 1980-х годов, я уверен, еще долго будет интересовать историков природоохранного движения нашей страны.

Комаров Павел,

работал в ДОП с 1968 по 1973 гг.

Я и мои друзья были членами Кружка юных биологов при ВО-ОП, руководителем которого был незабвенный Петр Петрович Смолин. Кроме того, мы учились в первом биологическом классе, знаменитом 10Ж 710 школы, первой школы-лаборатории Академии педагогических наук. Так что прямой путь в Дружину после поступления на биофак был естественным для большинства из нас. Естественным, несмотря на то, что биологическая специальность была «не полевая», у меня, например, биофизика. Помню, как сразу после вступительных экзаменов летом 1968 года всех нас, кружковцев, забрали в Звенигород на семинар ДОП, так что с Дружиной мы познакомились даже раньше, чем с биофаком.

Хорошо помню первый нарисованный мной стенд об экспедиции Дружины на Соловки, а также много других стендов, которые мы вывешивали на «мостике» биофака («мостик» — коридор с колоннами на втором этаже биологического факультета МГУ, традиционное место отдыха во время перерывов.— *Прим. ред.*). Помню первое стилизованное изображение «Папонта» — эмблемы ДОП.

Но также хорошо помню тетку, треснувшую меня конфискуемой елкой по носу в предновогодние дни на Ярославском вокзале. Помню позднее возвращение с одного из выездов и невозмутимого Хамита Умярова, когда в руке одного из наших «собеседников» в тамбуре электрички блеснуло в руке «перо».

Помню, помню и через сорок лет помню, а сейчас и вам рассказал.

Марфенин Николай Николаевич,

доктор биологических наук, профессор кафедры зоологии беспозвоночных биофака МГУ, декан экологического факультета Международного независимого эколого-политологического университета

Поступил на биолого-почвенный факультет МГУ в 1965 г. Закончил кафедру зоологии беспозвоночных, на которой работаю по сию пору. С Дружиной был непосредственно связан с 1968 по 1980 гг, хотя с 1974 г. — в основном через работу в Молодежном совете МГУ по охране природы. Охрана природы для меня стала вторым делом жизни, на которое уходило не меньше времени, чем на основное профессиональное дело. В Дружине организовал научные экспедиции 1970, 1971 и 1972 гг. Для меня Дружина — не только возможность приобщиться к охране природы, но и самые близкие по духу друзья на всю жизнь: Д. Кавтарадзе, В. Зубакин, С. Забелин, Н. Горбачевская, И. Дмитриева, И. Воробьев и многие другие. В экспедиции познакомился со своей будущей женой — Олей Лебедевой (Ольга Евгеньевна Марфенина).

Наиболее остро в то время ощущалась опасность разбазаривания природных сокровищ: от красивой рощи под застройку до таких грандиозных памятников природы, как Байкал. Общее попустительство проявлялось в смиренном признании, что один в поле не воин, или «если государство не может, то куда уж нам». А в ДОПе был другой настрой, который исходил от ее куратора и создателя — замечательного человека Вадима Николаевича Тихомирова.

Мне не нравились методы инспектирования, и всю свою жизнь я оставался вдали от БсБ. Считал, что такими средствами проблемы не решить. Поэтому старался использовать методы исследования, анализа, разработки практических рекомендаций. Начало было положено в виде научных экспедиций Дружины для изучения влияния массового туризма на природу. Потом исследовательско-аналитический подход распространился на

другие формы работы («Заказники», «Фауна») и достиг сектора БсБ.

Хотя официально страна поддерживала природоохранную деятельность, но за спиной причисляла ее к диссидентской.

Вначале по поручению командира Дружины — тогда Дмитрия Кавтарадзе — я организовал конференцию по влиянию массового туризма на природу. Потом стал организатором самих экспедиций на эту тему. С 1972 г. активно участвовал в создании Молодежного совета МГУ по охране природы и был его председателем с 1974 по 1980 гг. Результатом наших исследований стали, главным образом рекомендации: по определению рекреационных нагрузок и емкости рекреационных экосистем, по оптимизации рекреационных территорий, которые были опубликованы и впоследствии приняты к исполнению.

Командиром Дружины в мое время был Дима Кавтарадзе, который запомнился своей решительностью, активностью, продуманностью действий и большим, чем у нас опытом такого рода работы. Особых разногласий в то время не было, или они мне не запомнились. Впоследствии были, как обычно, разногласия возрастные — между «стариками» и новыми командирами.

На биофаке к дружинникам относились в то время свысока, считая, что туда идут либо те, кто хочет испытать власть над людьми (инспектируемыми), либо неспособные заниматься своей основной профессиональной деятельностью. Научно-исследовательское направление в работе Дружины способствовало ослаблению такого неуважительного клише. В дальнейшем, как мы знаем, многие дружинники проявили себя настоящими профессионалами в самых разных направлениях биологии. Сам типаж дружинника заслуживает серьезного исследования, которое было предпринято О. Яницким, но, по моему мнению, еще далеко от завершения.

Роль В.Н. Тихомирова, да и К.Н. Благосклонова, несомненно была значительной. Они не диктовали и не навязывали своих решений. Дружина по настоящему была свободна в своем выборе

действий и мнений, но с кураторами считались, безусловно. Уверен, что каждый из нас знает, что активная и принципиальная позиция одного человека — В.Н. Тихомирова — катализировала формирование десятков последователей, а усилиями их соткано природоохранное движение 1980-х гг. у нас в стране. Безусловно, не один В.Н. Тихомиров стал родоначальником всеобъемлющего экологического движения. Были другие «первичные кристаллы», было международное движение, но все вместе изменили время.

Молодежный совет МГУ по охране природы значительно расширил круг участников дружинного движения, как в самом МГУ, так и за его пределами. Само Движение фактически стало результатом целенаправленной деятельности МСОП (Молодежный совет по охране природы МГУ.— *Прим. сост.*), за которую в Дружине отвечал Свет Забелин — руководитель сектора внешних связей.

С прессой мы взаимодействовали активно, находили сочувствующих журналистов, приглашали их на свои научно-практические проблемные конференции. Осталось немало публикаций в СМИ.

К МСОП я имею самое непосредственное отношение. В течение первого периода своего существования МСОП был формой расширения Дружины за пределы биофака и формой продолжения работы «стариков», которые должны были уступить свое место в самой Дружине, чтобы не мешать становлению младших. В 1980-е гг., когда МСОП стал известным как в самом МГУ, так и у административного и партийного руководства за пределами МГУ, началось его постепенно перерождение, которое сопровождалось потерей авторитета среди дружинников и все большим получением «бонусов».

Один из первых юбилеев запомнился выступлением декана биофака — профессора Н.П. Наумова — зоолога-эколога, который был тогда уже в преклонном возрасте. Войдя в М-1 (аудитория на биофаке МГУ.— *Прим. сост.*), где проходило празднование, он стал рассказывать о поведении мышат. Мы опешили и не знали, как деликатно подсказать ему, что все собрались не на его лекцию

по зоологии, а на чествование Дружины, но вскоре все прояснилось. Рассказывая о том, как молодые мыши покидают обжитые места и ищут новые, проявляют поисковый инстинкт, рискуют, гибнут, Николай Павлович таким способом предостерегал нас. Его выступление было мастерским. Жаль, что не застенографировано. Вскоре Николая Павловича не стало.

Хотя я пришел в Дружину не по своей воле, а был хитро втянут в ее деятельность Димой Кавтарадзе, я глубочайше благодарен Дружине, Диме и своей судьбе, что они все вместе направили меня по правильному пути, помогли найти лучших друзей и свое счастье. Сейчас я профессор кафедры зоологии беспозвоночных, и одновременно вот уже 17 лет декан экологического факультета Международного независимого эколого-политологического университета — одного из первых в нашей стране негосударственных университетов, который возник в 1992 г и связан с именами Н.Ф. Реймерса и Н.Н. Моисеева.

Дружина — это сито, на котором остаются, и это лампочка, к которой стремятся люди близкие по духу, по воспитанию, по идеалам. Это редкая возможность встретиться с подобным себе, если ты отличаешься от массы. Даже только ради этого стоит идти в Дружину.

Дружина — это клуб неравнодушных и активных по сути своей людей, это стиль жизни — завидный тем, что помогает саморазвитию, самосовершенствованию.

Дружина — это высшая форма свободной самоорганизации ради созидания.

Ты можешь большего достичь в профессиональной сфере за счет экономии на Дружине, но при этом упустишь «закваску жизни».

Поднимать авторитет Дружины можно только одним способом — самосовершенствованием. Если дружинники будут сами расти и развиваться, то и им будет хорошо, и остальным ясно, что Дружина — самое подходящее место для становления Личности.

Раздел 2. 1970–1979 гг.

Крученкова Елена Павловна,

доктор биологических наук, заведующая Лабораторией поведения животных кафедры зоологии позвоночных биофака МГУ им. М.В. Ломоносова

Когда я поступила на биофак, как раз шла запись в экспедицию Дружины. Народу в коридоре была толпа. Я пошла, не очень надеясь, что меня возьмут. По разговорам в коридоре я поняла, что это были в основном москвичи, опытные люди, многие из кружков. А я жила в дальнем Подмосковье и кружков не посещала. Я поняла, что у меня шансов мало. Не помню, что я там рассказывала, но помню, что Дима Кавтарадзе задал вопрос, который я запомнила на всю жизнь: «Какую собаку Вы держите?». Я сказала, что у меня есть собака, а он спрашивает: «А какая порода?». Я ужасно засмушалась и сказала: «Беспородная!». Все, шансы мои равны нулю... Почему-то я была так ориентирована. Много народу хотели в экспедицию, а взяли четырех человек. Это Сережа Беневоленский, Андрюха Поярков, Лена Кузьмина с почвы (факультет почвоведения МГУ. — *Прим. сост.*) и я. Все остались в Дружине.

Экспедиция изучала влияние туризма на природу. Мы работали на водохранилище в Тишково под Москвой. Был совершенно замечательный коллектив. Это была самая лучшая экспедиция в моей жизни вообще. Я до этого не была в студенческих экспедициях. Была прекрасная атмосфера, каждый день мы узнавали новое. Я была в группе геоботаников, а непосредственной шефией у нас была Ленка Надеждина. Я ее сразу же очень полюбила. Она так много знала! Наташа Горбачевская тоже была в группе геоботаники. Мы работали параллельно с группой по исследованию беспозвоночных, там были Андрей Карлсен, Ленка Кузя, они занимались почвенными беспозвоночными. Была еще самостоя-

тельная группа почвоведов вместе с беспами. Я научилась писать отчеты, описывать геоботанические площадки, узнала латынь растений. Потом были университетские курсы по латыни, но это было уже совсем другое, а тогда я основное запомнила. Это был абсолютный импринтинг! С тех пор всю латынь я помню из этой экспедиции. Это был подарок судьбы, каких мало.

Эффект появился уже на предварительном отчете. Я до этого вообще не знала, как делается наука. И тут я увидела вдохновляющий пример, как из всех наших данных получаются графики. В конце сезона была отчетная конференция, которую организовал Коля Марфенин. Отвальная после отчета была настоящим праздником. Потом Н. Казанская, сотрудница Института географии, которая тоже нами руководила, включила все эти материалы в совместные статьи. Коля с Ленкой написали статью в немецкий журнал. Слово «рекреация» тогда еще было неизвестно. Это был передний край науки в прямом смысле слова. Как они это сделали?! Мы были студентами 1 и 2 курса, Коля был аспирантом. Для меня это была загадка: экспедиция была строго научной и в то же время всех объединила!

Стало ясно видно из неопределенности (как магия какая-то!), что туристы, когда ходят, то выбирают совершенно определенные маршруты, где почва уплотняется, на сотни лет вперед создается эта структура и долгое время не меняется. На меня очень сильное впечатление произвело, как выявились стадии рекреационной дигрессии. Мы их ввели, так получилось. Мозг экспедиции — Ленка, Коля, Оля Лебедева ввели это понятие. С определенной стадии лес не восстанавливается. Он стоит, он есть, но его скоро не будет. Это — как проникновение в будущее. Это тоже для меня было настолько впечатляюще, что я стала смотреть вокруг совершенно по-другому. Таким было формообразующее влияние, которое произвела на меня экспедиция.

Это была самая первая работа в Дружине. Когда мы пришли в сентябре, мы были уже подкованными. После экспедиции в 1971 году была школа в Окском заповеднике. Тогда мы познакомились с В.Н. Тихомировым. Это было тоже влияние, организующее

нашу жизнь. Я помню, как он вел несколько экскурсий, из которых одна была по болоту. Он открыл нам мир. Как это было чудесно сделано! Это был настоящий Учитель. У меня не было кружков и ничего такого. Мы ходили, он рассказывал, и все преображалось. Мы начинали понимать окружающее. Он был специалист по Мещере, лучше всех ее знал. Было очень трогательно, когда он, рассказывая, давал кому-то из окружающих травку. У меня тоже была такая травка, я ее засушила, и она у меня в альбоме долго лежала, как одно из самых дорогих впечатлений. Самое главное, что я получила — любовь к этому делу. Что-то невероятно дорогое, теплое, и в то же время абсолютно научное! Люди, которые нам это рассказывали, это были сливки науки. Все это вместе было большим везением. Очень повезло нам тогда!

Потом стали в сентябре ездить на выезды, и были уже как бы своими, поскольку небольшой опыт у нас уже был. Потом увлеклись уже и оперативной работой, борьбой с браконьерством. Это особая история, сколько там было романтики. Все время я ждала этих выездов, чтобы в субботу поехать. И столько общения, столько разных людей, и все были так благожелательно настроены! Такие характерные интересные люди! Кроме Дружины таких организаций больше не было, и не думаю, что могло быть.

Потом у нас были заказники. Мы решили организовать экспедицию в 1972 и 1973 годах. После практики мы решили обследовать места, которые когда-то были заказниками, потом этот режим был разрушен. Что от них осталось, выясняла геоботаническая группа. Было пять девочек. Потом мы взяли еще двух мальчиков, которые хотели поступать — они еще были школьниками. Чтобы защита была. И путешествовали по этим заказникам.

Я помню, как интересно деньги добывали. В.Н. Тихомиров выписал нескольким студентам материальную помощь. Мы ее собрали на несколько человек и на эти деньги поехали. То есть он нашел способ добыть деньги для этих поездок.

У меня была подруга, у нее отец был генерал армии. Это была очень обеспеченная семья. И мама ее случайно узнала, что ей выписали материальную помощь. Она ужасно расстроилась, вызывала

меня и спрашивала, что случилось? Я принесла ей билет «Москва-Петушки», список и еще что-то... Тогда она успокоилась.

Наверное, были другие времена, больше ничего не скажешь. Была школа подготовки в Дружине. Во-первых, это были кружки. Кружковцы шли в Дружину. Они там сохраняли некую обособленность или дух кружка. Это все-таки разные вещи — МОИП, ВООП или КЮБЗ. Самое главное, это происходило естественно. Много народу приходило на первом курсе. Очень много. Среди моих подружек почти все пришли. Некоторые потом перестали ходить. Некоторые остались. Ну и потом были семинары, например по заказникам. А потом уже выезды. Оставались те люди, которые были вовлечены в это эмоционально, сердечно. У всех была к этому делу привязанность. Не было проблемы кадров в начале 1970-х годов, как я помню. Потом я отошла от этого. Могу представить себе по студентам кафедры, что такие проблемы могут вообще-то возникать.

Дружина была могущественной организацией, все ее знали. Она была, на мой взгляд, намного выразительнее, чем комсомол. Комсомол был чисто официальным, там назначали поручение — и все. А это — действительно общественная организация в самом лучшем смысле этого слова. Эта организация формировала людей, которые могли бороться за общественное мнение. У нас сейчас недостаток общественного мнения и людей, которые могут его формировать. А она учила людей, поэтому не было проблемы рекламы. Почему-то был такой студенческий контингент, который сам к этому тянулся. Ну и, конечно, были лидеры. Харизматичные фигуры, по-другому не скажешь. Мы в них влюблялись, они были выдающимися личностями, это тоже много значит. Я не помню специально, чтобы были огромные стенды, плакаты... Делали отчеты в виде стенда, он был тогда не постоянный, не как сейчас. Но всегда на втором этаже клубились люди — дружинники. В каждом перерыве туда приходили, как в клуб... И там знакомились, обменивались мнениями, входили в курс дела. Это была открытая организация. Просто некоторые не с первого курса увлекались, а на втором, на третьем — каждый по своему, у каждого была своя судьба. Но Дру-

жина всегда была открытой. Откуда это взялось, я не знаю, может быть — из кружков? Каждый, кто приезжал на выезды, чувствовал себя как среди родных. Как создалось такое уникальное сочетание, не знаю. Не надо было специфической рекламы.

От Благодосклонова я была дальше, принадлежала, если можно так сказать, к поклонницам Тихомирова. Я на него молилась, а когда молишься на одного человека, не очень воспринимаешь окружение. КНБ (Константин Николаевич Благодосклонов. — *Прим. ред.*) был очень милый, он всегда был готов к контактам. В нем была своя специфика, он был очень выразительный человек. Это очень привлекало. Потому что когда видишь невыразительных, серых, закопавшихся в графиках ученых, всегда вспоминаешь КНБ. Для меня он — пример живого восприятия природы. Конечно, чудно, что нам выпало такое счастье, что мы это все видели. Это все прошло через жизнь, что ни говори.

Современной Дружине не хватает интереса к зоологии, ботанике, полевым наукам, а значит — и непосредственно к охране природы, он исчезает на биофаке. Значит, у Дружины много проблем, потому что ее основа, это — такие полевые люди. Мы говорили, что это циклическое явление. Будет следующее поколение, которое каким-то образом это восстановит. Дружина может быть таким кристаллом, который привлекает людей к полю. Сейчас самое главное — недостаток людских ресурсов.

Я всегда, когда думаю о природе, понимаю, что это вещь уникальная, а наше предназначение в жизни — чтобы она сохранилась. Я никогда не могла вредить природе. Для меня это просто, как убить человека. Это и есть воспитание.

Моя область интересов сейчас связана с поведением животных в природе. В первую очередь это вопросы онтогенеза поведения, взаимоотношений родителей и детей и того, какие факторы влияют на эти отношения. С точки зрения зоологии и поведенческой экологии, это факторы успеха, которые связаны с ролью матери и отца, в том числе репродуктивного успеха. У нас лаборатория, которая успешно развивается. В ней много народу работает с разными животными.

Пичугин Виктор Юрьевич,

кандидат биологических наук, заместитель начальника отдела штаба ВЦМК «Защита» МЗиСР

Пришел после поступления на биофак в 1970 году после беседы с Салимовым Р.М. (он в то время был командиром БсБ) и до 1975 года участвовал в работе Дружины. Командир сектора БсБ — 1972–73 годы. Для меня самой интересной была работа в БсБ.

Поскольку ездил в БсБ, то и основная работа связана с этим сектором. На первом плане — организационные вопросы и «разведданные». Конечно, были отдельные охотхозяйства с некоторым постоянным уровнем браконьерства (Кубинское, Виноградовское, Шатурское и др.), но «пугать» возможностью попасться желательнее было как можно шире, поскольку основной массив нарушителей — так называемые беспутевочки. Информацию о наибольшей браконьерской нагрузке получали и из Главохоты и из Госохотинспекции (самые плодотворные связи со старшим госохотинспектором Печниковым) и из других источников информации, а также из результатов разведывательных выездов. Старались выезды делать в неожиданные места, но бывали заказные (как с мест, так и от Госохотинспекции). Кстати, один из наиболее запомнившихся как раз по данным Госохотинспекции в Апрелевском хозяйстве. Собирались отловить браконьеров-лосятников: и адрес, и имена были известны. Ехали большой группой поздно вечером («таки, чтоб не заметили»), осторожно пробирались в место ночевки, вроде тихо там себя вели, вышли утром несколькими группами в облавном варианте по спланированным маршрутам — и поймали кучу народу, одних ружей изъяли больше десятка, а то и двух, да только тех, за кем ехали, так и не обнаружили.

Вообще на выезды в сезон охоты ездили очень часто, члены БсБ так и вообще чуть не каждые выходные — не в основные, так в разведывательные. Число участников колебалось от двух до почти сто-процентного состава ДОП на юбилейные или праздничные выезды. Результаты сначала оценивали по количеству протоколов. По

крайней мере, я так поначалу оценивал, а позже, поскольку начал параллельно работать внештатным госохотинспектором, уже по экспертным оценкам снижения числа браконьеров в районах, куда выезжала ДОП. Жаль, что статистических данных на тот период так и не собрали, но во всяком случае приглашать в различные районы наших инспекторов районные охотоведы стали чаще и чаще — чем не оценка?!

В работе других секторов участвовали по возможности или при необходимости массового участия в кампаниях типа «Ель». Разногласия бывали только по поводу большей или меньшей важности для работы тех или иных направлений, но преодолевались в рабочем порядке.

Чуть-чуть из гимна БСБ:

...Здесь толстым трудно, здесь тощим проще,
Не помним ни матери, ни жены.
У нас двустволки, у нас кастеты,
Мы к браконьерам устремлены.
Ну что нам стоит спасти природу
И детский лепет, и женский смех.
Наш сектор снова ушел на волю (вариант — в подполье),
Ищите нас неизвестно где.....

Детерлеева (Пономарева) Наталья

экскурсовод ботанического сада МГУ им. М.В. Ломоносова.

Работала в Дружине с 1970 по 1980 годы в секторе «Заказники». С 1975 года — командир сектора (не будучи членом Дружины). Самыми популярными в то время были БсБ, «Заказники», «Зоопарк».

Впервые о существовании Дружины я услышала летом 1969 г., от Аси Авиловой (Ксения Всеволодовна Авилова. — *Прим.сост.*). Тем летом я была еще школьницей (перешла в 10 класс) и работала в Приокско-террасном заповеднике на учетах бобров. ПТЗ недалеко от Москвы и, не смотря на полевой сезон, мы старались каждый понедельник бывать на собраниях кружка ВООП в Дарвинском музее. Ася в том году окончила университет и пришла рассказать об этом нашему Учителю ППСу (Петру Петровичу Смолину. — *Прим. ред.*). Он тут же этим воспользовался и попросил ее рассказать школьникам, как кончают университет. Ася рассказала о факультете и, между прочим, о той общественной работе, которой там можно заниматься: об агитбригаде и Дружине.

Осенью Дружина решила организовать подготовительные курсы для поступления на факультет. Собеседование я не прошла. ППСу пришлось обращаться к КНБ (К.Н. Благосклонов. — *Прим. сост.*). Он ничего не имел против моего присутствия, и я стала посещать эти курсы. Курсами я довольна. Особенно химией и математикой (наш математик Витя занимался с нами еще два года). Очень интересное занятие по генетике провел Сережа Остроумов. Во вступительной лекции прозвучало, что курсы организованы ДОП, и организаторы надеются, что, если абитуриенты поступят, они придут в Дружину. Поступила в МГУ я не скоро, в 1972 г. В 1970–1971 гг. работала лаборантом в Лаборатории садовых растений на факультете. В 1970 г., после окончания школы я просто не стала поступать. «Все равно не поступлю, а зачем же терять лето», — подумала я и отправилась работать в Центрально-Черноземный

заповедник. Когда вернулась, мне очень хотелось работать на факультете, а начальство Лаборатории соглашалось меня взять, только если я следующим летом не буду поступать. Так прошло еще одно лето. Зимами я участвовала в проведении елочных кампаний. Кто-то объявил на занятиях ВООПа, что Дружине нужна помощь. ВООПовцы сразу загорелись и отправились патрулировать. Компанией руководил Сергей Переладов. Он заехал за нами на автобусе и умело распорядился рабочей силой. Мы вдвоем с Витюшей Стопаловым (тогда ученик 10 класса) проверяли электрички на промежуточных станциях. На станции Маленковская мы договорились, что смотрим на выходящих пассажиров и, если елок не видно, садимся в ту же электричку. Елок не было, я поднимаю ногу, и тут двери электрички закрываются и она трогается. Створки двери сомкнулись как раз на моем колене, и я прыгаю за ней на одной левой ноге. Витюша побежал, замахал руками, электричка остановилась, и меня выпустили. В тот год я ездила на дежурство каждый день. И в последующие годы старалась всегда принимать участие в елочных кампаниях, хотя для студентов во время сессии это гораздо трудней. Я настолько заразила «елочной идеей» свою маму, что она написала стихотворение. А когда выросла моя дочка, то она написала вот такой рассказ, куда это стихотворение вошло:

«В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом
Стройною, зеленою была...

Зимний вечер. До Нового Года осталось чуть больше суток. В воздухе кружат снежинки. Все поздравляют друг друга: «С наступающим!!!»...

...Этот «Елочный базар» ничем не отличается от сотен и сотен других, открывшихся несколько дней назад по всей стране: красочная афиша, будка сторожа, измерительная линейка и ряды

елок с жиденькой хвоей, из которых очень трудно выбрать что-нибудь приличное.

Люди останавливаются, разглядывают товар, измеряют, прицениваются, другие просто проходят мимо, спеша попасть домой...

— Мама! Мама! Я хочу эту елочку!

Бойкая девчонка лет четырех-пяти в красивой вязаной шапочке тянет мать за рукав, указывая на невысокую, метра полтора, пушистую елочку.

«Откуда она здесь? — с тоской думает мать. — Совсем ведь недавно привезли... И почему до сих пор никто не купил? Дорогая, наверное»...

— Катя, ты же хотела ту, которую мы видели в магазине. Она, конечно, еще дороже, но зато на следующий год елку покупать не надо будет — мороженое купим. Сливочное.

— Мороженое есть вредно, — рассудительно заметил ребенок, — заболеть можно. До следующего года еще долго... Ну, мам, смотри, какая она красивая... а как пахнет! Понюхай!

Мать осторожно трогает ветку, вдыхает запах хвои:

«Бедная... Все равно умирать тебе не сегодня — завтра, так хоть людям радость доставишь напоследок...»

— Ну, хорошо... сейчас позвоню папе, он подъедет — заберет. Только, чур, потом не плакать, хорошо?

— А о чем плакать, мамочка?

Но мама, будто не слышит: смотрит на елку, тихонько гладит колючие, душистые иглы.

— Мам...

— Что, Катя?

— О чем плакать-то?

— А что мороженого не купили, — улыбнулась мать, отбросив мрачные мысли. «Рано ей еще о смерти думать — вон как улыбается. Пусть веселится: праздник все-таки!»

* * * *

Это был веселый праздник! Самый веселый во всей Катиной жизни. Елку принесли домой, снег на ее ветвях растаял, и капли падали на пол, словно слезинки... Нарядили елку, и она стала, как показалось Кате, еще красивее...

А на следующий день вечером к ним приехали гости: тетя Зина — мамина подруга с дочкой Сашей. Они привезли большой торт-мороженое с шоколадной крошкой, и все уплетали его за обе щеки, напрочь забыв о том, что от него можно заболеть.

Потом они зажигали фонарики на елке, пели, танцевали, потом тетя Зина пела одна под гитару красивым грудным голосом: «Не пробуждай, не пробуждай моей души былых стремлений...»

Катя очень просила тетю Зиночку попеть еще, но мама сказала, что уже время ложиться спать, и, как ни хотелось девочкам поглядеть на Деда Мороза, который ровно в полночь войдет через окно и принесет подарки, им не разрешили. Прибавив, что непослушным детям он не показывается и подарков не дарит.

— Представляешь, проснешься завтра уже в новом году! — Сказала мама Кате, целуя ее на ночь...

Взрослые еще немного посидели, посмеялись, выпили по бокалу шампанского за Новый Год (даже сломанный телевизор не испортил никому настроения) и разошлись спать, решив, что без детей все-таки скучно. И елка, красавица-елка, увешанная разноцветными блестящими игрушками, будто королева праздника, осталась одна... Совсем одна в пустой темной комнате, где, казалось, еще не отзвучал счастливый детский смех...

... Уснули в доме. Детям праздник снится,
А взрослым — отдых от дневных забот,
В огромной комнате одной лишь ей не спится:
Красавица лесная смерти ждет.

И вспоминает: на большой поляне
Ее сестер баюкает метель
И мать ее в серебряном тумане —
Высокую развесистую ель.

«И я была бы деревом могучим.
И их, людей, к ним не питая зла,
Когда жара иль хлынет дождь из тучи,
Под сень ветвей душистых позвала.

И путник, истомившийся в дороге,
Взглянув на зелень яркую ветвей,
Забыл бы о печали, о тревоге,
Забыл бы об усталости своей.

И я б лесной ручей оберегала,
Зайчонка бы от хищника спасла...
Ну, разве бы все это было мало,
Когда бы я в лесной глуши росла?

Ну, а когда исчезла б жизни сила,
И подошла последняя пора,
Я скольких бы от стужи сохранила,
Согрела бы у печки, у костра»

Дрожат тихонько ветки у вершинки:
«Нет, им не жаль, не защитил никто...».
Блестят, как слезы, талые снежинки,
А иглы шепчут: «Для чего? За что?..»

...Наутро Катя обнаружила под елкой большую импортную куклу-младенца, которую можно было кормить из бутылочки, а Саша — набор косметики «Маленькая фея». Счастливые девочки даже не заметили на полу, возле подарков, первых опавших иголок.

* * *

Прошло несколько дней. Весело отметили рождество. Тетя Зина с Сашей уехали, и Кате стало грустно. На кухне гремит посудой мама — она ужасно занята. Папа в первый раз в новом году ушел на работу. Даже не верится, что еще недавно они вместе смеялись,

пели, плясали... Казалось, только Малышка — новая Катина кукла, да усыпанная серебристыми блестками, будто снегом, красавица-елка еще помнят о недавнем празднике.

Катя осторожно взяла Малышку на руки и, напевая колыбельную, пошла с ней в зал, повидать елочку.

— Тоже грустишь? — спросила она, тихонько поглаживая увешанные игрушками ветки. — Тяжело тебе? Папа говорит, вечером сегодня разряжать тебя будем... Ой... — зеленые иголки с тихим шорохом посыпались на пол...

— Мама! Мама, что с елочкой!? — Катя вся в слезах бросилась на кухню и протянула матери ладошку, облепленную еловыми иголками.

— Она облетает! Мама, ты же говорила, что елки никогда не облетают. Что с елочкой?

Мама отставила в сторону только что вымытую тарелку, выключила воду, присела рядом с Катей, взяла ее за руку.

— А елочка умерла, Катюша...

— Как умерла? — девочка непонимающе взглянула на мать. В голове у нее вертелась песенка: «Маленькой елочке холодно зимой...»

— Она ведь не могла замерзнуть: у нас дома тепло...

— Да, тепло. И елочка не замерзла, просто ее отпилили от корешков. А елочка не может долго жить без корешков, ни одно дерево не может, ни один цветок, понимаешь?

Катя вспомнила, как однажды летом собрала букет цветов и как они быстро поникли, хотя стояли в воде, как осыпались с них лепестки. Мама тогда сказала: «Завяли»...

— Значит, елочка завяла? И что, ничем нельзя помочь? Совсем-совсем?

— Совсем-совсем, — мама обняла Катю, прижала ее к себе, но девочка расплакалась еще сильнее.

— Ну, тише... тише, маленький ... знаешь, нашей елочке мы уже ничем не поможем. Зато можем помочь другим.

Девочка притихла, удивленно взглянула на мать, а та продолжала:

— На следующий год мы купим елку в магазине. Таковую, которая тебе понравилась, помнишь? Она искусственная и никогда не завянет, и нам не надо будет потом покупать еще елку. А чем меньше покупают лесные елки, тем меньше их будут рубить, понимаешь?

Катя утерла слезы кулачком, задумалась. Елка в магазине и вправду была красивая, но... не живая какая-то... Одно слово: искусственная. «И пахнет, наверное, как-нибудь не так», — думала девочка.

— Нет, не хочу елку в магазине...

— Живую хочешь, да? И чтоб не умирала? — Я покажу тебе такую елку. Мы пойдем в другой магазин, в цветочный. В далеких южных странах, откуда приехали к нам наши кактусы и фикусы, тоже «елки» растут. И такие «елки» (ученые их зовут длинным словом «араукария») могут расти у нас дома. Зимой мы будем ее наряжать, а весь год она будет у нас стоять зеленая.

— Как здорово. А можно на нее сейчас посмотреть? — слезы у Кати высохли, глаза уже светились любопытством.

— Пойдем. Вот, только посуду домою. Я как раз собиралась туда: у тети Зины скоро день рождения. Мы купим ей тюльпан в цветочном горшке. Недели через две он расцветет, как раз ко дню рождения. И будет у тети Зины весна на подоконнике».

Помню еще одну елочную компанию. 1978 г. Это была самая холодная зима из всех на моей памяти. Мороз доходил до -42° . В тот год елки стерегли прямо в лесопарке. В последний день руководство БСБ девочкам запретило ехать. Но разве инспектора ВООП отстают? Мы с Валеёй Романовой поехали «сами по себе». Браконьеров, видимо, мороз испугал. На последний автобус мы опоздали... Ночь, второй час ночи, мороз, Внуковское шоссе. Пустые автобусы из Внуково идут один за одним, но никто из них не собирается останавливаться в лесу для кучки странных закутанных людей... Нашелся все-таки один более смелый водитель.

Он оказался Посиным (Саши Мищенко) соседом. И мы ночевали у Поси. Проснулись за полдень 31 декабря.

Итак, я поступила учиться в 1972 г. и посчитала себя обязанной придти в Дружину. Как жаль, что я не знала, что можно было придти в Дружину раньше. По дружинной статистике, на 1970–1971 гг., при командире Паше Томковиче, приходится один из самых активных пиков деятельности Дружины. Нельзя сказать, что я сразу нашла свое место в Дружине. По заданию Лены Крученковой, командира сектора «Заказники», я вместе с другими новенькими конспектировала ботаническую литературу. Как сейчас помню — Федченко. С переписыванием больших описаний по латыни, ни словечка в том не понимая. Правда, потом проблема безлесья степи, поднятая в этих статьях, меня очень заинтересовала. Мальчишки на выезды БсБ нас старались не брать. Короче, пару лет я оставалась в Дружине только как бы по обязанности. Летом 1973 я упустила отъезд экспедиции «Заказников», и мне пришлось ехать ботаником в «РеБиНа СтЭк» в Тишково (Рекреационная биоценологическая научная студенческая экспедиция. Другой вариант аббревиатуры: «РеБиНа СЭкс»), о чем несколько не жалею. Ботаников там была нехватка, и меня взяли с удовольствием. Командиром экспедиции был Виталий Линник (геофак). Еще он привез с собой двух своих одноклассников — Володю Сирика и Славу Олещенко (студенты геофака Киевского университета). Еще географ-ландшафтовед Яковлева Раечка. Работой группы почвоведов руководила Лена Кузьмина. У нее в подчинении были Зубкова Таня и Сережа Якушев (школьник из кружка МОИП). Ботаниками руководила Галя Костина. В группу входили я и Миша Эльдаров, только что поступивший абитуриент. И еще психолог Пятненко Ира. Моя первая Биогеценологическая экспедиция довольно много мне дала по освоению разных геоботанических методик. Мы описывали и картировали биогруппы, определяли биомассу растений и процент проективного покрытия. Найденные растения распределяли по пяти стадиям рекреационной депрессии. Интересный вывод был сделан для планирования кем-

пингов и любой другой территории для использования. Дорожки нужно прокладывать там, где люди их сами проложат, ближайшим путем соединяя интересующие их точки. Тогда ни у кого не возникнет желания ходить по газону, и между дорожками (в биогруппах) сохраняется растительность, в том числе и настоящая лесная. Экспедиция дала довольно много и в плане хозяйственных дел. Помню, замечательное блюдо приготовили однажды на завтрак дежурные Сирик Володя и Зубкова Таня. Это была пшенная каша с тушенкой и стуженкой одновременно. Причем это было сделано из самых лучших побуждений, чтобы было вкусней. Я дежурила с Линником. Мы варили грибной суп. Я точно помнила, что в суп надо класть морковь, но я все не успевала это сделать и положила ее, когда суп был уже практически готов, так что морковь пришлось вылавливать. Суп вышел вкусный, и щедрый Линник накладывал всем добавки, сколько хотят. Дежурные едят последними, и нам с ним ничего не осталось. Ну, его еда — это его личное дело, а какое право имел командир экспедиции оставлять работника без обеда?! Жили мы на дебаркадере. Когда «Ракета» проходила по водохранилищу, очень мило покачивались на волнах. Пять последних дней было отведено написанию отчета, но никому не хотелось этого делать. Линник ходил, подгонял и всем надоел. Тогда его привязали толстой веревкой к большой тяжелой скамье. Только ему удалось выпутать одну руку, он ее поднял вверх и начал провозглашать: «Каждый, кто нарушит...». Серьезный у нас был командир.

Ботаническая часть отчета писалась с очень большим трудом. Галя ее очень долго не сдавала. Ее захотели получить с меня. Андрей Кубанин обещал мне помочь. Он пригласил меня к себе домой и запер в комнате. Сказал, что никуда не отпустит, пока не напишу. Первокурсница Пономарева Наташа еще никогда не писала отчетов, и приучить ее к этому Кубанину не удалось. В экспедиции была замечательная дружеская обстановка. Четыре человека играли на гитарах, у всех украинцев чудесные голоса. Многие песни помню до сих пор. Участники потом долго переписывались и ездили друг к другу в гости. Киев на майские праздники — это

просто сказка. В 1974 году я уже ездила с «Заказниками». А в Рекреационную экспедицию я приезжала в гости на отвальную. Жили они уже в другом месте, и я искала их целых полдня. Вечером мне вручили за это желтую надувную черепаху, как рекордсмену «по долгому добирательству». Я назвала ее «своим желтеньким крокодильчиком».

Экспедиции «Заказников». 1974 г. Командир: Сахарова Татьяна. Когда могли, приезжали Варлыгина Татьяна, я, Аня (студентка техникума), только что поступившие абитуриенты: Романова Валентина, Демьянов Евгений, Стрельникова Ирина (впоследствии Крока), Клеймонов Владимир. Не помню всех мест, которые мы посетили, но о некоторых стоит упомянуть. У реки Оки близ поселка Белоомут расположен замечательный сосновый бор лишайниковый — очень ранимое сообщество, рядом с ним в старице Оки произрастает водяной орех — чилим, ранее не отмеченный в Московской области. В нескольких десятках километров к западу — тоже у Оки — нагорная дубрава (Нагорная дубрава у д. Белые Колодези в Озерском р-не.— *Прим. ред.*). На самом юге области — северные форпосты степи, на севере — классические верховые болота с морошкой и карликовой березкой. Интересно было пообщаться с местными краеведами. Один художник у реки Лопасни купил старый купеческий дом, оборудовал в нем музей и своими силами пытался выделить на окружающей территории заказник. Рабочий-каменщик все свои выходные тратил на ботанические прогулки по Подмоскovie. Он указал нам новое местонахождение кортузы Маттиоли в Московской области.

Татьяна была очень деятельным командиром. Она чудесно могла организовать трудовую деятельность. Например, она могла организовать общий подъем и приготовление завтрака, не вылезая из спальника. Она поручила Жене Демьянову написание дневника экспедиции. Это было настоящее литературное произведение, к сожалению, утерянное. Помню только, что про Нагорную дубраву там было сказано: «Дубрава была липовой в прямом и переносном смысле этого слова». Женя с удовольствием изучал растения, но почему-то каждый раз, когда нам попадалась пиж-

ма, называл ее «чижмой», а когда попадался повой — говорил: «Не хочу.».

1975 г. Командир — я; Романова Валя, Лунина Галя, Щербаков Андрей; только что поступившие абитуриенты: Таскина Маша, Емельянова Оля, Попов Сергей (Ёжик), еще не поступившая Ваулина Лена. В этом году мы обследовали запад области. В одном месте нас кормили в колхозной столовой, но она рано закрывалась. Мы уже вышли на мощеную дорогу, но оставалось еще несколько километров, и мы стали мерить, сколько нам нужно минут на преодоления километра. 10 минут, 9, рекордом было — 8 минут. После этого марш-броска Лена сидит на крыльце и говорит: «Ребята, я вас так люблю. Я с вами могу даже то, чего не могу». Лена, мы тебя тоже очень любим! Вечера проводили весьма интересно. Ёж научил нас различным КЮБЗовским играм. Но в этот день мы рано легли спать: у порога появились аборигены и стали звать пить вермут. А ночью у меня заболел зуб. Причем так сильно, как никогда не болел. Еще немного, и я была готова бы выйти к аборигенам за вермутом. К утру раздулась щека, на следующий день опухоль спала, но остался синяк под глазом. А мы уже вернулись в Москву, и нужно было выступать перед первокурсниками, рассказывать о работе сектора. Выкрутилась я показом слайдов: выступала в темноте.

1976 г. Командир — Романова Валя; я, Лунина Галя, Шекарова Оля, Ваулина Лена; поступившие абитуриенты: Поярков Леша и Майоров Сергей. В качестве подводника приезжал Жуйков Саша. В тот год обследовали подмосковную Мещеру. После торфяных пожаров 1972 г. гари только-только начали зарастать. К месту работы можно было или идти по узкоколейке, или лезть напрямик, через нагромождение березовых стволов. Шаг, другой — и ты уже лежишь и не сразу понимаешь, где у тебя руки, а где ноги, но перед носом висит такая сочная малинина, что не съесть ее невозможно (вообще-то я малину тогда не ела).

Один день мы искали озеро Поганое. Объяснили нам: вот, направо, и дальше, прямо по дорожке. Через некоторое время

возникал вопрос: «Так прямо или по дорожке?» Следующий встречный показывал примерно перпендикулярное направление и снова: прямо по дорожке. Следующий снова менял направление на 90°. Так мы ходили по сходящейся спирали. К вечеру добрались. Было в этом озере что-то сказочное. Особенно перед надвигавшейся грозой. Только избушки бабы Яги на берегу не хватало. Вокруг, к сожалению, все сгорело. Позднее в рассказах Паустовского попало, как он искал это озеро лет за сорок до нас. Примерно так же. Когда он пытался выяснить, сколько верст до озера осталось, ему отвечали: «Э, милай, версты тут немереные».

Озеро Белое — место обитания полушника — редчайшего растения из плаунообразных. Вот, чтобы выяснить его количество в озере, нам и нужен был подводник. В связи с этим родилась такая песня:

Мяса не будет, жди не жди.
Третью неделю жрем грибы.
Третью неделю по ночам снятся нам шашлыки.
От голодухи и тоски смылись от нас все мужики,
Только Сергей сидит в углу, тихо кряхтит.

Ждали мы Жуйкова три дня,
Но не пропало время зря.
Свечка горит, в углу сидит Санька с гитарой.
Возле него ни сесть, ни лечь,
Мы хоть всю ночь готовы петь,
А из угла навстречу нам: «Трам-парарам».

Жили мы в яслях хорошо,
И был на всех один горшок,
И тетя Валя по утрам ходила в гости к нам.
Но поселили нас в спортзал,
Наш командир спортсменом стал.
И перед тем, как выйти в лес, на стенку влез.

Мяса, действительно не было: достать тушенку в дорогу не удалось. А урожай грибов и ягод был просто невероятный. Пищу готовили часто на кипяtilьнике. Поэтому появлялись иногда такие странные блюда как «овсяная каша с кипяtilьником» или «кисель ягодный с кипяtilьником». В густом продукте алюминиевый кипяtilьник лопаeтся, и его наполнитель равномерно распределяется по продукту. В яслях мы и в самом деле жили. Возможно, что это они на нас так подействовали, что стали мы играть в «маленький веселый паровозик». Все идут по полу на четвереньках и повторяют: «Я — маленький веселый паровозик». Кто засмеялся — из игры выбывает. Через некоторое время все от хохота уже валялись на полу. Леша долго не мог осознать: «Ну, если вы на трезвую голову такое вытворяете...». Исключительно на трезвую. «Сухой закон» в экспедиции блюли свято.

Мы сделали это — постановление об установлении режима заказников в наиболее важных и интересных местах Московской области было принято. При этом хочется сказать спасибо куратору Дружины Тихомирову Вадиму Николаевичу. Он нам указал ряд мест, к нему всегда можно было прийти с не определенными растениями, причем даже с их кусочками, и он мог сказать, с чем мы имеем дело. А также благодарны Гогиной Екатерине Сергеевне — научному сотруднику Главного ботанического сада. Она тоже принимала участие в этой работе.

Особо хочется сказать о Вале Романовой. Из всех дружинников к принятию этого постановления она приложила больше всего усилий. Валя — знающий ботаник и хороший друг. Она всегда добивалась того, чего хотела. Однажды организовала поездку в приграничную зону Азербайджана. Наши старшие товарищи сказали, что пустят нас, только если ребят будет в два раза больше, чем девчонок. Нашла, сагитировала. Правда были у нашей Вали и некоторые странности. Однажды она голодала полностью две недели. Смогла, выдержала. Но одежда на ней потом висела, как на вешалке. В августе бывает много гроз. Она предложила взять большой кусок полиэтилена, чтобы всех им закрывать по дороге.

«Как, такой черепахой и пойдем?» — удивился Леша. «Нет, мы быстро пойдем» — был ему ответ. Валя довольно быстро сдала на инспекторский билет, но групп никогда не водила: «Меня старшим группы нельзя: я блудить буду».

Что я помню о БсБ? О «елочной» я уже писала, но была и еще одна кампания: «Тяга». И тоже в зачетную сессию. Помню один выезд в 1973 г.

Командиром был Володя Лебедев, и еще был какой-то маленький мальчик, я и девочка по имени Ира. По-моему, из Володиной группы. Выезд был в будний день, и потому, когда добрались до места, уже начало смеркаться. Охотники не попадались. Выстрел. Бежим. Выскочили на опушку возле вспаханного поля. Заря уже догорала. Три мужика с ружьями и маленький мальчишка. Плохо помню, что там было не так, но когда дело дошло до изъятия ружья, Володю загнали в сырую пашню выше колена. Списав номер с цевья, он цевье сразу убрал. «Ружье придется изъять». После определенной возни все оказалось наоборот: цевье у них, а у нас стволы без цевья. Самым страшным было то, что маленький мальчик у них исчез почти сразу после нашего появления, а платформа, с которой нам уезжать, была возле деревни. Но все обошлось.

Вообще, с чего начинается выезд БсБ? С записи на него. Девчонки, разумеется, брать не любили. В последней описанной ситуации меня мучило-таки сознание собственной никчемности. Даже фотографировать было нельзя: темно было. Так вот, нужно было подкараулить момент, когда вывешивается объявление о выезде, и до того, как напишут «Запись девушек прекращена», успеть записаться. При этом частенько договаривались и записывались сразу списком. Дальше дорога. Причем место назначения покрыто тайной. Место между лавочками в электричке заполняется рюкзаками, на которых также сидят и лежат дружинники, а сверху еще гитара. Так там, где должно сидеть шесть человек, набирается десять-двенадцать. Разумеется, по старой традиции билеты брали не на всех. Как-то ехали мы так под руководством Шурика Ши-

лова. Звучала песня: «Сигарет нет, нет, нет...». Подошли контролеры. Стоят и слушают. Но на припеве «кораблям-блям-блям...» им это надоедает: «Послушайте, кончайте “блям”»...

Или сводный хор под руководством Алексея Цесарского. Как только электрички выдерживали его мощный голос, да еще с голосом Травинского?! Юный первокурсник Леша принес с собой на факультет песню про лапти:

Как обую лапти, в поле в них пойду,
В лютиках-цветочках счастье я найду.
Будет птица феникс песни в небе петь.
Буду с насекомыми в лютиках балдеть.

Однажды, по-моему, на юбилейном выезде в 1975 году, мы работали где-то в Дмитровском районе. Имена и лица главных действующих героев полностью вылетели у меня из головы, но слова запечатлелись крепко. Мы долго бегали на выстрелы. Почти безуспешно и в конце концов заблудились. Что надо делать, когда заблудишься? Выбрать направление и идти по нему. В конце концов выйдешь на дорогу. Все правильно. Но командир выбрал северное направление... В Дмитровском районе, где железная дорога, шоссе и канал — все идут на север. Короче, пока мы нашли поперечную дорогу, прошел не час и не два. Компас был один на всю группу. Когда счастливый его обладатель догонял отдыхающих лидеров, он произносил одну и ту же фразу: «Вы хотите, чтобы я сказал, где север?» Нашлась поперечная дорога, и село, и станция, но, чтобы съездить на базу за вещами и уехать в Москву, было уже слишком поздно. На платформе мы встретили электричку с ребятами из других групп, едущими домой, и успели прокричать им свои телефоны, чтобы позвонили нашим родным, чтобы сегодня не ждали. До нашей электрички оставалось около часа. Очень хотелось есть. Особенно мальчишкам (нас, девочек, было только двое). Ничего нигде не продавалось, и командир распорядился, чтобы мы вдвоем шли под окошко хлебушка просить.

Приказ командира — закон. Мы пошли, постучались. Сердобольная хозяйка разахалась: «Ай, какие бледненькие!» — и вынесла не только буханку хлеба, но и полпирога. Смерть от голода уже не грозила. Таким образом, мы продлили себе праздник еще на один вечер. А утром я завалилась на физфак с рюкзаком и в сапогах, выпила кофе и пошла спать на лекцию. К сожалению, лекции по физике годились у меня только для этого.

Смею надеяться, что в организации заказников польза была, хотя сейчас не очень представляю себе состояние этих мест. Вслед за нашей Дружиной этой проблемой занялись ботанические сады и Институт охраны природы. К заказникам были разработаны охранные зоны. Будучи сотрудником Главного ботанического сада, я принимала участие в этой работе. Летом 1978 г. даже возглавляла небольшую экспедицию на север области. Основная миссия ДОП на заре ее деятельности была в привлечении внимания к проблеме смены лозунга «Мы не должны ждать милости от природы, взять их у нее наша задача» на лозунг «Рациональное природопользование». Студенческие дружины достойно с этим справились.

Студенческое время — лучшее время в жизни, жаль только, что поздно это понимаешь. Так вот работа в Дружине — самое лучшее использование этого времени.

Работа в экспедициях помогла мне в освоении геоботанических методик, в изучении флоры и растительности Подмосковья. Отчеты все-таки научилась писать.

Григулевич Надежда Иосифовна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник группы этнической экологии Центра междисциплинарных исследований Института этнологии и антропологии РАН

В Дружину меня привела подруга-однокурсница, настоящая одесситка Марина Вишневецкая. Это было приблизительно в 1972–1973 гг. В Дружине я работала до 1975 г. Время это памятно еще и работой в также неформальной «Творческой мастерской экспериментальных форм пропаганды», которая возникла в МГУ как ответ на фашистский путч в Чили (в сентябре 1973 г.), и где студенты (и не только) собирались, чтобы обсудить новости и спланировать какие-то мероприятия.

Проблемы были следующие.

Перерубы новогодних елей и елочное браконьерство, отсутствие елочных питомников, и, как следствие, дефицит елок на рынке. Коррупция милицейских чинов. Проблемой занимались все дружинники в течение года (ездили в леспромхозы, организовывали и проводили конференцию по итогам зимней кампании «Новогодняя ель», публиковали статьи). Для проведения операции «Новогодняя ель» привлекались все желающие студенты биофака и других факультетов и институтов.

Проблема московского зоопарка: плохие условия содержания и кормления животных, которые зачастую приводили к их гибели. Особенно это касалось молодняка. Были несколько статей в «Комсомольской правде», которые проходили (если проходили!) с большим трудом. Занимался этим Дима Кавтарадзе и многие другие при весьма деятельной поддержке очень известной в то время журналистки «КП» Лидии Графовой.

Заповедники и заказники.

Тогда только начиналась работа по поиску мест скопления журавлей в Московской области, которая завершилась организацией заказника «Журавлиная родина». Руководил всем этим Витя Зубакин. В Дружине была традиция на зимние каникулы ездить

в Кызыл-Агачский заповедник в Азербайджан «для ознакомления с режимом охраны» — так значилось в наших командировках. Заповедник пользовался весьма дурной славой как раз по части «режима охраны». Поездки оплачивал ВООП. И вот в феврале 1974 г. несколько дружинников — студентов биофака (Марина Вишневецкая, Миша Эльдаров, Надя Григулевич), географического факультета (Коля Столов) и биофака Пединститута им. Ленина (Ира Социна) отправились на поезде в Баку. Там мы пересели на другой поезд, который должен был довезти нас до заповедника. За две минуты стоянки мы едва успели выбросить свои рюкзаки на мерзлую землю и десантироваться сами. Дирекция заповедника любезно выслала за нами грузовик.

Когда мы впервые пошли по территории заповедника, то со всех сторон были слышали выстрелы. И так продолжалось на всем пути следования.

Были также поездки дружинников в Беловежскую Пущу.

Проблема загрязнения озера Байкал сточными водами ЦБК.

К каждому партсъезду выходило очередное постановление по охране озера Байкал. Кроме того, браконьерство приобрело промышленные масштабы. Дружина организовала и провела в 1972 г. экспедицию на Байкал, в ходе которой было показано, что бесконтрольный туризм приводит к эрозии крутых берегов озера. В 1970-е годы в Иркутском университете действовала очень активная Дружина, основные достижения которой заключались в сборе досье на высокопоставленных браконьеров (МВД, чиновники и др.) и борьбе с ними же. Кроме того, они патрулировали рынки, на которых боролись с продажей незаконно выловленной рыбы, а также соболиных и прочих мехов. С командиром мы познакомились на Всесоюзной конференции дружин в Казани, где он делал доклад, и договорились о сотрудничестве. В декабре 1974 г. младший Переладов и я вылетели в Иркутск для изучения опыта тамошних дружинников. Было интересно, но перенять чей-то опыт в такой работе сложно. А еще мы ездили в Ленинград зи-

мой и смотрели, как тамошние дружинники организуют и проводят «Новогоднюю ель». С ними мы тоже познакомились в Казани.

Проблема влияния туризма на биогеоценозы. Виталий Линник, студент географического факультета МГУ и наш дружинник, при поддержке Молодежного совета МГУ по охране природы организовал и провел экспедицию по изучению влияния туризма на биогеоценозы. Полигон — Пяловское водохранилище, деревня Аксаково. Члены экспедиции (кого я помню): Наташа Горбачевская, Миша Эльдаров, Саша Мищенко, Надя Григулевич, Сережа Макаренко, Таня Зубкова (оба с почвенного отделения), хирург Нина Трекова. Наездами бывали Сережа Багоцкий, Коля Столов (географический факультет), Ира Сощина (Пединститут). Кроме полевой работы мы организовали и провели в ходе экспедиции анкетирование туристов-«дикарей», которые в течение многих лет отдыхали на берегах канала Москва-Волга. Жили они в палатках своего рода коммунами. У них было даже что-то вроде местного самоуправления. Над одной из палаток развевался красный флаг. Анкетировали мы в паре с Сережей Макаренко, который в силу возраста и немаленького роста все время хотел есть, а хлебо-сольные туристы норовили его, и меня заодно, накормить. Кончилось это дело тем, что какая-то тетенька сгребла меня в охапку и затащила в палатку, где мы и были накормлены вкуснейшим грибным супом. Результаты экспедиции были представлены Виталием Линником в ряде публикаций.

Проблема жестокого отношения к животным. Возглавлял работу Дима Кавтарадзе, который тесно сотрудничал со знаменитым кукольником Сергеем Владимировичем Образцовым и его коллегами, которые тоже занимались этой проблемой. Мы ходили по питомникам, где содержали отловленных собак и кошек, писали статьи и проводили конференции. Дима, вероятно, сам об этом написал подробно, поэтому я этим ограничусь.

Во всех этих делах активное участие принимал сектор «Агитация и пропаганда», основанный и возглавляемый Мариной Вишневецкой. Выпускались газеты и организовывались на широкой

основе конференции. Одна из самых интересных — «Влияние ядохимикатов и пестицидов на качество сельхозпродукции и загрязнение земель». Приглашали специалистов из разных институтов. Как правило, в таких конференциях принимали участие наши бессменные кураторы — Вадим Николаевич Тихомиров и Константин Николаевич Благодосклонов.

На моей памяти было проведено несколько школ Дружины. Наиболее запомнилась школа в Окском заповеднике. Год точно не помню — 1974 или 1975.

Вадим Николаевич Тихомиров принимал в ней самое живое участие и даже заказал для нас в Рязани кукурузник, на котором мы полетали на бреющем полете над Окой и сняли рекреационную нагрузку. Сверху были хорошо видны выгоревшие в 1972 г. участки лесов. Перед тем, как нам вылететь на разведку, Вадим Николаевич нас призвал и строгим голосом сказал: «Если что-то пойдет не так, ну там с самолетом что-то, например, ведите себя сдержано, не позорьте университет». Командиром Дружины в тот момент был Ваня Воробьев. На эту школу был приглашен с докладом художник (Зубарев. — *Прим. ред.*), который рассказывал нам о принципах, на которых строится искусство плаката. Потом он, правда, перешел к вопросу о том, какие украшения и когда лучше носить, что вызвало неподдельный интерес у девушек.

Командиром Дружины, когда я пришла в нее, был Ваня Воробьев. Потом была я, а за мной — Володя Лебедев. Сектора, кроме вышеупомянутого «Агитация и пропаганда», были: БСБ, «Заказники» и еще какие-то. Мне в моей работе очень помогал Дима Кавтарадзе, который формально куратором на тот момент не был, но откликался незамедлительно на все мои просьбы, и помощь его была и по делу, и моральная, что иногда важнее. Таня Бек, когда была в Москве, тоже всегда откликалась на просьбы в чем-либо помочь. Коля Марфенин также помогал, Свет Забелин, Андрюша Кубанин. Вообще поколение «стариков», как мы их тогда называли, было интереснее, и я бы даже сказала, продуктивнее нашего. Может быть это связано с тем, что Вадим Николаевич и

Константин Николаевич больше времени с ними проводили, ездили на выезды, участвовали в кампании «Новогодняя ель» и т.д. С нами они общались реже, но мы очень ценили эти моменты. Вадим Николаевич допоздна работал на факультете, и его всегда можно было застать на месте. Но я иногда стеснялась беспокоить его и старалась заходить в его кабинет только в случае крайней нужды. Вообще, мы его побаивались. Нам казалось, что мы недоотягиваем до того уровня дружинной работы, которого он от нас ждет. Действительно, иногда В.Н. открыто говорил об этом. Как это было при подготовке 15-летия Дружины в 1975 г. Мне кажется, именно тогда были первые учения по борьбе с браконьерством. Кроме тех, о которых уже было сказано, запомнились: Паша Томкович, Галя Прудникова, Оля Ган, Галя Польшова (Сомина), Юра Артоболовский, Мила Волкова, Коля Соболев, Жан Баранов, Лена Надеждина и многие, многие другие, имена которых так с ходу и не вспомнишь, за что я прошу у них прощения.

На биофаке Дружина была очень даже заметна. Комитет комсомола считал деятельность Дружины настолько важной, что в своих отчетах всегда ставили ее работу на первое место, хотя нас не любили и ничем особо не помогали, хорошо, если не мешали. Дружинников уважали и однокурсники, и преподаватели. За пять лет учебы я практически не была ни на одном комсомольском собрании, так как все знали, что моя «общественная работа» — это работа в Дружине, а это что-то действительно важное.

Мои родители полностью поддерживали меня, а друзья на тот момент все (или почти все) были в Дружине.

Для меня пять лет учебы на биофаке были самыми счастливыми годами моей жизни (на сегодняшний день) и, прежде всего благодаря Дружине. Было ощущение смысла каждого прожитого дня и вообще смысла жизни. С будущим мужем я тоже познакомилась благодаря Дружине.

Работаю в группе этнической экологии Центра междисциплинарных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Работала в Закавказье, где мы

изучали проблемы долгожительства. А затем работали среди русских старожилов — молокан, духоборцев, субботников. Кроме того, я работаю в Клубе путешественников «Зюйд-Вест» при Центре образования №109 Юго-Западного округа Москвы, где в ежегодных историко-экологических экспедициях на Волгу мы изучаем историю, экологию и современное состояние сельских поселений.

У меня сын и два внука. С сыном мы два раза ездили считать журавлей (я уже работала тогда). Первый раз это было в Талдомском районе (ему было пять лет), а второй раз — под Лотошино. Я внушала ему доброе отношение к животным, которых он и сам очень любит. Про Дружину он знает и часто слышит наши рассказы и про экспедиции, и вообще. Старшему внуку уже 13 лет, и он был со мной в экспедиции клуба «Зюйд-Вест». Тоже очень любит животных.

Если что-то неприятное и было, а это всегда бывает между людьми, то уже давно забылось и былшем поросло. Осталось лишь ощущение драйва и чего-то такого, что не передать словами. Пожалуй, это было чудо, которое могло случиться в твоей жизни, а могло и пройти мимо. И вот на протяжении уже тридцати пяти лет после окончания биофака это ощущение чуда, которое случилось в твоей жизни, не покидает тебя.

Сахарова (Переладова) Татьяна, озеленитель в Московском зоопарке

Я пришла в Дружину после второго курса (1973 год) и работала до 1978 года в основном в секторе «Заказники». До этого несколько раз ездила на выезды БсБшные. Благо, у меня друзей там было полно с нашего курса. Мама была против. Я тогда отчасти была послушной дочкой. Потом ездила с Ленкой Крученковой по заказникам и на это дело, как говорится, подседа.

Популярными тогда были БсБ, «Рекреация», начиналась «Фауна», самое популярное — это, конечно, «Ботанические заказники».

В Дружину пришла: а) за компанию; б) нашла интересное для себя дело — «Ботанические заказники».

Был какой-то праздничный выезд на ЗБС. И мы там пошли вечером гулять. Нас было несколько человек. Точно помню, что был Кубанин, еще кто-то из «стариков», Забелин и, кажется, Зубакин. И кто-то еще из нашего поколения. Человек нас там пять–шесть было. Забрели мы на «верхние дачи», и был там маленький сеновал: «там есть лошадь и для нее запас сена под крышей. Завалились на это душистейшее сено с видом на звезды, и «старики» читали стихи! Я не помню точно какие, но что-то из очень хороших. И это стало одним из самых ярких воспоминаний. Кругом сосны... Кусок зимнего леса, сено и великолепные стихи. Это вот как из той самой песни: «Страдают в бродячих душах бетховенские сонаты, и самые лучшие книги они в рюкзаках хранят...».

Если всегда дружинников воспринимали как каких-то чумазых, в здоровенных ботфортах и куда-то таскающихся, то, по крайней мере старшее поколение — они были в высшей степени начитанные, очень тонкие люди.

Если вспоминать всякие гонки на БсБ, то можно вспомнить, как я гналась в Кривандино за каким-то парнем, который убегал. Была целая команда, но я пошла в отрыв, «окучивая» его. И когда почти догнала, задумалась: «Я его сейчас догоню, и что дальше?»

В конечном итоге он утку бросил и ушел. Я благополучно вернулась к своим. А они ружья у браконьеров отняли, и те пришли выяснять отношения, включая парня, за которым я гналась. Оказалось, что это ребята после дембеля пошли поразвлечься с ружьем, пострелять. А он потом ко мне подходит и говорит: «Послушайка, а ты чего за мной погналась? Вот если б ты меня догнала, то что было бы?» — «Как что? Я бы отобрала у тебя ружье». — «А я бы тебе его отдал? И вообще, девка, ты чего-то “тонишь”». Самое главное, что я сама в какой-то момент об этом задумалась. Потому что мы остались уже одни в лесу на сотни метров.

Ну, конечно, самое роскошное — это наша экспедиция. Самый юг Московской области, Серебряно-Прудский район. У реки Полосни мы пошли по пойме и потом возвращались уже очень поздно. Было совершенно темно, мы устали уже брести и залезли на стог. На нем было тепло, здорово и падали звезды... А потом, то ли лошади пришли под стог, то ли местные. Короче, мы струхнули в какой-то момент, как бы нам не досталось. Потому что валяться на стогах, пока они не совсем уложены, не очень хорошо. Но это обалденно черное небо и звездопад (август все-таки был) и бескрайняя степь... Мы там жили в какой-то школе. Попытались попростому в колхозе лошадь попросить для объезда территории, нам сказали, что машину «газик» — пожалуйста, а лошадь — дефицит.

Я считаю, что пользу работа Дружины вполне принесла. Вот тот же БсБ все-таки приучал наших российских охотников к мысли, что существуют определенные правила охоты, а не просто — взял ружье и пошел, потому что тебе захотелось и потому что у тебя лесник знакомый; к мысли, что соблюдать правила, закон все-таки нужно. В общем-то, мы в этом плане выступали как некоторая независимая сила — неподкупная и неожиданная, с которой невозможно договориться хотя бы на каком-то этапе. Никогда не забуду сценку: догоняем мы одного охотника, а он так через плечо: «Полковник КГБ» и идет дальше. Поскольку всегда это для него был вопрос уже решенный. А мы продолжаем его окружать,

а нам плевать. А он: «Что? Я? Брать путевку?!.» Ну, ему объяснили, что да, товарищ полковник. Ему, конечно, оформили ее потом задним числом, но какой-то щелчок — что существуют правила, что надо их соблюдать — дорогого стоит. Для нас самих большое значение имело сознание, что мы это можем сделать. И сомнения в том, правильно ли мы это делаем, у нас не было, по-моему.

В нашей ботанической деятельности мне нравилось, что мы можем «пробивать» (добиваться создания. — *Прим. ред.*) заказники. Нравилось то, что в советское время, когда никто ничего не мог, нам все-таки это удалось — сделать конкретное дело, которое мы считали нужным и полезным. И, может быть даже, если бы не работа наших дружин, юношеский темперамент, наивность и энтузиазм, эту систему не «пробили» бы еще много лет. Точно так же и «Фауна» «пробила» орнитологические заказники.

Бывали дни, когда засиживались допоздна, и приходилось вылезать с факультета через вентиляцию, когда уже все было закрыто. Когда нужно было готовить отчеты о проделанной работе, материалы обрабатывать экспедиционные. Обычно это все нужно было срочно представить. Иногда много, иногда немного. На выбор моего места работы Дружина не повлияла, но я благодаря ей стала ботаником-любителем, способным работать в экспедициях. Это позволило мне побывать в интересных точках.

На елочной кампании я работала «подсадной уткой». С одной стороны, мне было очень стыдно, а с другой — обнаружили компанию оптовых поставщиков. Тогда стороны решили не драться. Меня послали за подмогой, всучили какой-то портфель и сказали: «Таня, беги и быстро. Ищи кого-нибудь». Возможно, это и остановило, что я могла подмогу привести. Косогор какой-то, по колену снегу, я с портфелищем, который мне казался набитым кирпичами. Мне его вручили, потому что, если начнется драка, то документы потеряются. Выскакиваю к бензозаправке, и туда милицейская машина подъезжает заправиться. Я к ним. «Дяденьки, дяденьки, наших бьют!» Бравые дяденьки схватились за портупей. Но, когда мы с ментами прибежали, елочники уже решили, что драться

бесполезно. Мы «накрыли» целый вагон с елками. Больше пятидесяти елок. Потом долго составляли протоколы. Ребята эти мне говорили: «Эх, вот если б не ты...». Мне было очень стыдно. Но, с другой стороны, я понимала, что другого выхода у нас не было, чтобы прикрыть эту нелегальную компанию. Тогда людям даже в голову не приходило, что если нужна елка, ее нельзя срубить, где понравилось. Опять-таки влияние на общественное мнение. Больше стали обращаться на рынки, официальная торговля стала выгодней, на рынках снабжение стало лучше. Удалось несколько продвинуть систему. Мне так кажется. Мы сидели в этой милиции, и потом, чтобы отправить меня домой, поймали шофера, дали ему елку и сказали: «Отвезешь девушку по указанному адресу». А он начал потом разговор: «Вот куда потом все эти елки: у одних отбираете, другим отдаете...». Мне было очень стыдно.

Я помню кризис в Дружине 1974 г., когда Дружина чуть было не развалилась. Мы шли в Дружину отчасти потому, что это свободная организация. Мы бескорыстно занимаемся делом, которое считаем нужным. Это было противовесом комсомольской зарегулированной организации с системой подчинения функционерам. И образовалась прослойка функционеров от Дружины, которая стала относиться к работе точно так же. То, что нам не нравилось в системе комсомольской организации, они потихонечку, опираясь на свой авторитет, знания и возраст, начали насаждать в Дружине. Может быть, и неосознанно. Низы — это исполнители, которые полностью подчиняются верхам — вышестоящим товарищам. А вышестоящие товарищи всегда правы. И их распоряжения не обсуждаются, а принимаются к исполнению. Такая система сводила Дружину к первичной организации ВЛКСМ. Если 1 и 2 курс были еще не созревшими и не установившимися как личности, то к третьему курсу люди набирались опыта и уже тоже хотели принимать участие в выработке решений. Для попытки сломать «низы» «верхи» использовали не совсем достойный повод. Ребятам, которые хотели работать и могли бы еще работать, по крайней мере год, обвинили в браконьерстве, которого не было.

И раскрутили это дело крайне неприлично. Ситуация была очень проста: в Окском заповеднике нам дали 2 лицензии на отстрел двух уток. Ребята подстрелили этих уток, но там для учета надо было отдать крылышки. А мы, девчонки, не зная этого, эти крылышки разодрали себе на сувениры. Отдавать нам было нечего. И на основании этого ребят обвинили в браконьерстве. Некоторые товарищи из «стариков» попробовали использовать этот факт, чтобы заставить подчиниться. После этого все, кто знал эту ситуацию, развернулись и ушли. Образовался перепад. Ушли 3–4 курс, которые обычно вели основную работу. Остались «верхи» и осталась молодежь 1–2 курса, которая еще не понимала, что произошло, о чем идет речь.

Современным дружинам желаю не быть иванами, родства не помнящими. Для нас Дружина была общностью людей, делающих одно общее дело. Без корней не существует общности.

Пронькина (Лунина) Галина Александровна,

главный специалист в Департаменте природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы

С 1974 по 1978 годы работала достаточно активно и немного после окончания университета (до 1982 года) в секторе «Заказники». Один раз была командиром экспедиции по обследованию заказников — уже после окончания университета в 1979 г.

Самыми популярными направлениями работы были тогда в Дружине сначала БсБ, а потом «Фауна».

В Дружину пришла на первом курсе осенью. Попросили помочь поработать с материалами летней экспедиции сектора «Заказники». Валя Романова, с которой мы учились в одной группе, была летом, сразу после поступления в университет, в экспедиции. Ее настолько увлекла работа (она всегда была девушкой активной и увлекающейся), что она своим интересом заразила и нас с Танечкой Дьяченко. Помнится, мы тогда помогали готовить паспорта заказников, определяли гербарий. Фактически, это было первое профессиональное участие в охране природы. А уже в конце сентября–в октябре я была на выездах БсБ.

Больше всего запомнилась «заказниковская» экспедиция в Шатурский район 1975 г. Поиски озера Поганого в течение нескольких дней — это был апофеоз. Очень схожая ситуация в тех же местах описана у Паустовского.

В 1979 г. тоже была интересная экспедиция. Там было довольно много людей, которые впервые оказались в Дружине: первокурсники и студенты более старших курсов, но с Дружиной поехавшие впервые. Из дружинников со стажем нас было трое: Коля Соболев, Мила Волкова и я. Все остальные, даже если они были не первокурсниками, с Дружиной выезжали впервые. Тем не менее, интересные вещи мы находили. Ребята-энтомологи провели обследование. Именно в этой экспедиции Коля Соболев оттачивал свой талант сочинителя страшилок на мотив музыки из передачи «В мире животных». Не знаю, как сейчас, но после этой экспедиции многие с удовольствием пели Колины куплеты-страшилки.

Думаю, что наша работа не пропала зря. Была основана система особо охраняемых территорий Московской области, которая существует и сейчас. Туда входят и те заказники, которые готовили мы, на которые подавали обоснования: «Икшинский овраг», «Водопад Гремячий» и др.

Для меня лично была польза в том, что удалось со знающими людьми посетить лучшие места Подмосковья. Приобретался опыт исследовательской работы, опыт работы с бюрократическими структурами, когда мы готовили документы — паспорта заказников. Это очень много дало.

Вся моя работа была связана с природоохранительной тематикой. В течение пяти лет повезло поработать в Центрально-Сибирском заповеднике, после этого работала в Госкомэкологии, в Департаменте природопользования г. Москвы. И все время работа была связана с особо охраняемыми природными территориями, с ботаническими объектами, нуждающимися в охране. Опыт работы очень пригодился, когда я участвовала в международных проектах по охраняемым территориям. Все это было очень тесно связано с той работой, которую мы делали в секторе «Заказники» по выявлению мест произрастания ценных растений и подготовке предложений по их сохранению.

Поскольку я немного участвовала в выездах по борьбе с браконьерством, бывало, что они производили тяжелое впечатление: людям перекрывают пути для жизнеобеспечения. Бывали случаи, что у некоторых людей не было иного способа выжить, кроме как браконьерить. Особенно в глухих местах. Они не являлись злыми торговцами, спекулянтами, занимающимися добычей на продажу, охотились и рыбачили для своей семьи. К ним можно было более по-доброму относиться. Но это понимание потом пришло, с жизненным опытом, особенно в Сибири. Тогда был только азарт: поймать, схватить, связать.

Близкие воспринимали работу в Дружине, как должное. Не было ни противостояния, ни отторжения. Надо — значит надо.

Думаю, что это были лучшие годы жизни!

Соболев Николай Андреевич,

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории биогеографии Института географии Российской академии наук, старший научный сотрудник Лаборатории изучения и охраны биоразнообразия в Рязанском государственном университете им. С.А. Есенина, координатор программы в Центре охраны дикой природы

Перефразировав известного политика, один уважаемый преподаватель с кафедры зоологии позвоночных как-то сказал: «У того, кто не пришел в Дружину на первом курсе, нет сердца; у того, кто не ушел из нее на третьем курсе, нет разума». Я ПРИШЁЛ в Дружину на ТРЕТЬЕМ курсе, потому что влюбился в девушку, которая там работала.

До этого я хотел просто из интереса сделать нечто важное в науке, что должно было попутно привести к жизненному успеху. Но я же не карьерист...

Работал в Дружине с 1975 по 1991 годы. Помню, что после окончания МГУ занятия наукой, не связанные с работой в Дружине, были неудачны из-за невозможности принципиально улучшить применявшиеся довольно наивные методики. После 1985 г. была перестройка — благодаря этому я стал заниматься охраной природы в качестве основной работы, и еще появились приличные карты в открытом доступе, не стало надзорно-цензурных проблем с тиражированием материалов.

Проблема чрезмерного изъятия природных ресурсов и преобразования природных территорий всегда существовала, ее и решали, каждый по-своему. Направления работы: «Борьба с браконьерством», «Ель», «Первоцвет» («Подснежник»), «Птичий рынок», «Пропаганда», «Заказники», «Фауна». Во второй половине 1980-х годов на первый план вышли такие проявления указанной проблемы, как проект переброски рек и в Московской области — стимулируемое развитие коллективного садоводства. Тут уже все объединялись. Другой — не столько собственно природо-

охранной, сколько организационной — проблемой всегда было желание всяких инстанций что-нибудь с нами сделать: то ли разогнать, то ли подчинить, то ли просто отчитаться нашей работой. И ведь мы-то каждый раз, как в последний бой, шли! Нет худа без добра: как следует отработали свою, взвешенную и без крайностей, гражданскую позицию и научились ее отстаивать. Но от дел отрывало ужасно! Мне лично было интересно ездить на выезды по обследованию природных территорий (девчата, не поверите — даже одному было интересно ездить!), а потом добиться выполнения наших предложений по итогам обследований, например, заказник сделать. По-моему, это было актуально, потому что мы работали на опережение уничтожения природных территорий.

Лично для меня главное было — полевые исследования, на основе которых мы формулировали свое мнение о том, где, что, почему и как надо охранять. Результаты эти проводили в жизнь в зависимости от обстоятельств через ВООП, которое тогда выполняло функции государственных природоохранных органов, или напрямую через местные и региональные органы власти. Часто это был целенаправленный сбор материалов для оценки допустимости чего-нибудь («экспертиза»). Консультациями ученых пользовались, особенно если ученые сами были дружинниками. Никому не в обиду будь сказано, но у выпускников Дружины консультации в среднем были более полезны, чем у других специалистов. Особенно удавалась работа с ВООП, прежде всего — с его Московским областным советом. Особая заслуга в этом принадлежит заведующему отделом МособлВООП Илье Михайловичу Блувштейну. Он использовал полномочия ВООП по прямому назначению — для нормативно-правового оформления наших предложений, а также при каждой возможности помогал Дружине. Благодаря этому отношения с ВООП стали полезными и остались таковыми после перехода Ильи Михайловича на другую работу. В разные годы дружинники побывали в МособлВООПе на координаторских позициях — штатных (А. Быхов, Н. Забелина, Н. Харитонов)

и общественных (М. Березин из ДОП ТСХА, Л. Волкова, В. Зубакин, Н. Соболев). Практически мы определяли позицию МособлВООП по вопросам охраны фауны и охраняемых территорий. Это сильно помогло при работе от имени МособлВООП в областной комиссии по развитию коллективного садоводства.

Основная работа для меня была — выезды на подмосковные природные территории для их обследования, обработка результатов и внедрение подготовленных нами предложений в практику. Иногда ездили еженедельно, на 1–4 дня, по выходным и праздникам, прихватывая вечер последнего рабочего дня. Участвовало от одного (техникой безопасности не приветствуется!) до 20 человек (а бывало и больше!). Экспедиции были по 7–10 дней на окраины Московской области или в соседние области. Оценить результаты было несложно: видно же, получены ли ответы на поставленные вопросы. Другое дело, что обидно было свою работу плохо оценить.

Были сектора, но были и общие кампании. У секторов разногласия бывали из-за того, что какие-нибудь из дружинников участвовали в мероприятии одного сектора, а на них рассчитывал командир другого сектора. Или, например, хотя очень редко получалось, что примерно в одно и то же место запланировано два выезда. Преодолевали разногласия иногда с трудом. Нечасто, но аж до козней доходило (это сейчас смешно и стыдно, а тогда сердились).

В 1975 г. командиром был Володя Лебедев, а я поступил в сектор «Пропаганда, агитация, лекции» под начало Милы Волковой. Вдохновленные художником Зубаревым, мои новые товарищи с энтузиазмом обсуждали различные способы пропаганды, основанные на управлении сознанием и эмоциями пропагандируемого при помощи зрительных образов — это называлось «дизайн». К чтению лекций мы относились довольно-таки скептически, подсознательно держа в уме то, как сами их слушаем. Компания была утонченная — Оля Ган, Куприянов с Шибаниной, Саша Мищенко, потом — Вася Спиридонов, Ира Сидорова... Нарисовали

«по правилам» стенгазету, чтобы выяснить, какая ее часть больше привлекает к себе внимание, но толком выяснить ничего не удалось... Оля, а потом Вася были командирами Дружины. Саша стал одним из лидеров начавшейся в 1976 году программы «Фауна». Нас с Милой Витя Зубакин поставил на охрану насекомых в соответствии с нашей университетской специальностью. Года через три сектор пропаганды как структура завершил свой путь. Разумеется, агитировать за природу дружинники не перестали — но всякая пропагандистская работа стала частью решения какой-нибудь определенной практической задачи. Для меня же итогом стала идея сделать средством распространения наших взглядов бардовскую песню.

Осенью 1977 года благодаря усилиям И.М. Блувштейна Мособлисполком утвердил 12 заказников, спроектированных Дружиной. Это была принципиальная победа, несколько изменившая наши конкретные приоритеты. Учитывая, что проектированием ботанических объектов занялись профессиональные ботаники, сектор «Заказники» с 1978 года переориентировался на контроль за состоянием недавно созданных ООПТ. Осенью командир «Заказников» Лена Ваулина передала дела мне. Проектирование новых ООПТ перешло в сектор «Фауна». После этого данные сектора стали активно взаимодействовать между собой, а их руководители были вынуждены иногда учиться это делать.

С этого времени и до начала 1990-х годов подмосковная сеть ООПТ развивалась наиболее активно, что было достигнуто благодаря работе Дружины и нашим активным связям с Мособлсоветом ВООП. Сектором «Заказники» руководили Оля Роздина, Таня Яницкая, Ира Молоканова, Лариса Аксенова, Вера Чуенкова из ДОП факультета почвоведения, в какой-то год опять мне пришлось, а кто был командиром сектора в конце 1980-х, я не помню, так как почти полностью переключился на те же проблемы в секции ООПТ областного ВООП, а общение в Дружине никогда не было формализовано. Вспоминаются десятки людей, стараниями которых система подмосковных ООПТ стала одной из

наиболее развитых в стране. Написать об этом за несколько дней невозможно, поэтому я сейчас не буду пытаться перечислить всех участников этих замечательных событий, чтобы кого-нибудь не обидеть невниманием.

Отдельным делом стало проектирование национального парка во Владимирской, Московской и Рязанской Мещере. Началось с большого, но очень дождливого выезда на майские праздники в 1980 году. Потом были более удачные экспедиции, из которых я участвовал в поездках зимой и весной 1983 года. Много для этой работы сделал Сергей Ковальковский из МГПИ, наладивший в том числе контакты с рязанской дружиной и ее командиром Юрием Карелиным. Несколько лет работу координировала Анна Пегова. При поддержке В.Н. Тихомирова предложения дружин получили широкое признание. Однако по мере включения в работу официальных структур наши предложения были существенно изменены. В результате было организовано 2 парка — «Мещера» во Владимирской области и «Мещерский» — в Рязанской. В Московской области до сих пор хотят сделать природный парк «Ворота в Мещеру».

В становлении дружинного коллектива конца 1970-х—начала 1980-х годов важную роль сыграла разработанная Виктором Зубакиным программа «Фауна». Она привлекала в Дружину новых людей благодаря своему творческому началу, возможности лично сделать какое-нибудь фаунистическую находку. Несколько раз счастье первооткрывателя испытал и я.

Май 1977 года. Озеро Карасово в Туголесье. Гнездование дроздовидной камышевки в Подмосковье не первый год предполагается, но пока не доказано. Поэтому мы прочесываем заросли тростников, среди которых слышна дроздовидочья песня. И вот Сергей Алексеев нашел заветное, почти достроенное гнездышко! «Гнездо мы забираем», — тихо и твердо произносит Витя. Мы понимающее соглашаемся, радуясь, что яиц в гнезде еще нет и время на выводение птенцов у этой пары еще будет — зато у нас есть дополнительный аргумент для защиты места их обитания от

какой-нибудь напасти вроде мелиорации. В этот и последующие годы дроздовидки там продолжали жить, так что расчет оказался верным. Заодно я усвоил, как поет дроздовидка.

Зимние студенческие каникулы 1978 года. Урочище Вольный Рощевник близ Белоомута. По опросам, тут гнездятся серые цапли. Зубакин выстраивает нас в цепь на расстоянии нескольких десятков метров, и мы прочесываем на лыжах заснеженную дубраву, поглядывая то на кроны высоченных деревьев, то себе под ноги. Первый проход ничего не дал, развернулись, и теперь я оказался на дальнем фланге. Поэтому, по теории вероятности, мне и попались на глаза эти большие заснеженные гнезда. Через несколько минут все уже считали их — оказалось, крупнейшая на тот момент в Подмосковье колония серых цапель в естественном биотопе.

Начало августа 1982 года. Окрестности Белоомута. Мы с Олей Роздиной и Олей Стефанчук возвращаемся с маршрута. Утром видели сизоворонок — они тут встречаются не первый год, однако достоверных данных о гнездовании их в Подмосковье пока нет. И вот вблизи раздолбанной лесной дороги слышен писк птенцов из дятлова дупла в сосне на большой высоте. Мы со Стефой отправляемся на охотбазу разбирать материал и готовить ужин, а Роздина терпеливо ждет с биноклем — и дожидается прилета к гнезду сизоворонок с пищей в клюве! Фанфары!!! И пара строчек для статьи в «Орнитологии».

А уж после таких-то событий большинство будет готово и к собственным природоохранным подвигам, тем более что лидеры программы всегда подавали пример стойкого отношения к скучным, но необходимым делам. Вот и получалось, что придя в «Фауну», многие вскоре оказывались в секторе «Заказники», за что Зубакину отдельное спасибо.

Прикальваться тоже любили на тему наших походов. Мне постоянно мерещились соколы-сапсаны. А Витя, разумеется, не мог считать мои наблюдения достоверными. Поэтому я решил, что надо предельно точно описывать наблюдения. Вот ехали мы как-то с Маркиной ровно в полночь мимо главного здания МГУ на

Лен-, теперь — Воргорох и — не видим сапсана. А легенды, что он гнездится на Большом Доме, ходили всегда. Составили поэтому отчет, что сапсан, возможно, там сидел и даже, возможно, летал (предполагаемая траектория полета изображена на схеме штриховой линией), но мы его не увидели из-за темноты.

На выездах были любимые игры:

- в «слона» — линейного и кругового, более безопасный вариант — игра в «кобылу»;
- в «конный бой»;
- в шарады;
- в «отдай кольцо» (если в электричке, то проигравшая команда должна была носами провести «кольцо», то есть медный пятак, от одного края окна до другого).

Пели много хороших песен, в основном бардовских.

Работая в секторе пропаганды, я пришел к выводу, что для расширения нашего отношения к природе нужна песня о природе «для туристов», после чего стал придумывать песни для исполнения в кругу друзей. Правда, получилось, скорее, для дружинников, но некоторых это к Дружине расположило. Наиболее удачно действуют на внешнюю аудиторию частушки. После окончания универа даже гитару купил и немного научился на ней играть.

Однажды в «МК» появился опус некоего Бориса Шеватова. Какая-то муза его укусила зарифмовать, как он наловил в Клязьме рыбу — сетью (!), а потом они с «батей» закусывали водку ухой из этой рыбы. Мы объявили турнир поэтов, посвященный этому опусу. В нем принял участие сам Сергей Мухачев, один из лидеров Движения дружин и Социально-экологического союза, автор бесчисленного множества дружинных стихов и песен. Всего же мы тогда отправили в «МК» не менее десятка пародий на браконьерские воспоминания незадачливого стихопродавца.

Так что стихи в Дружине пишут многие — обстановка располагает. Блестящую плеяду поэтов выдало поколение дружинников 1960-х годов во главе с кураторами — Константином Благоскло-

новым, Вадом Тихомировым, Асей Авиловой, Татьяной Бек, Аркадием Тишковым, Петром Меланхолиным, Владимиром Шишкиным, Анной Козленко (Готфрид). Наверняка всех не знаю, увы, прошу прощения.

Наташа Щербакова (Епишева) насочиняла немаленькую книгу, с любовью изданную Щербаковым Андреем. Прекрасные стихи есть у Веры Киселевой (Чуенковой) из Дружины факультета почвоведения и у нашей Кати Головиной. Ехали мы однажды с выезда и пели Катину песню о нелегкой доле учетчика чаек на озере Киеве. Когда допели, один из слушавших мужиков спросил: «Высоцкий, да?».

Еще до моего появления в Дружине был «Словарь дружинника», который мы по мере сил пополняли. Задача словаря была, во многом назидательная и пропагандистская, но в большинстве случаев — для внутреннего употребления.

Тосты:

— «За успех безнадежного дела!»

— Третий тост: «За тех, кто не с нами!» — по мотивам цитаты из одноименного рассказа Джека Лондона. Даже, помнится, стишок сочинил в порыве чувств-с:

За тех, кто не с нами, за тех, кто в пути!
Чтоб было недолго им к цели идти,
Чтоб им показался несложным маршрут,
Чтоб знали, что лошади не подведут,
Чтоб спички остались сухими всегда,
А в знойной пустыне была бы вода,
Чтоб было прохладно в полуденный зной,
Чтоб было погреться в палатке сырой —
Чтоб, все испытав и вернувшись к себе,
Сказать можно было спасибо судьбе
За тропы, что выпало счастье пройти
На долгом и трудном опасном пути!

«Правила хорошего тона» появились уже при моем участии.

Как-то, заметив легкое уныние в глазах кого-то из старших товарищей, мы придумали было сделать игральный кубик, на гранях которого нанести изречения великих дружинников: «Все не так!», «Куда идет Дружина?!», «Сегодня самый тяжелый день в моей жизни...», «Да ну их всех к черту!», «Эх, раньше были выезды!», «Некачественный малек пошел». Однако, у «стариков», общающихся с Дружиной, пессимизм долго не задерживается, и мы не успели реализовать свой замысел.

К месту сказанное.

— «У природы везде должны быть свои люди!» — Сергей Мухачев о смысле нашего движения.

— «А что Вы конкретно имеете в виду?» — пришлось спросить нарушителя в связи с его предположением, что «может быть, мы как-нибудь договоримся?». Потом, помню, тот же вопрос задавала в аналогичной ситуации Татьяна Яницкая. Тоже помогло!

— «Внимание! Объявляю ружье заряженным!» — сказал, досылая патрон в ствол, Сергей Баптиданов группе задержанных нарушителей, начавших было шевелиться неадекватно своему статусу.

— «Я сибарит: сижу у теплой печки и читаю теплую газету», — Сергей Ковальковский во время зимней экспедиции в Мещеру.

— «Автобус тебе ничего не должен, а попутка — лучшая вещь в мире!» — из отчета Нади Маркиной об одном крутом выезде.

— «Из-за Вас мы были вынуждены прерывать важные исследования», — Виктор Зубакин нарушителю, задержанному во время выезда «Фауны» в Белоомут.

— «Посмотрите, что на мне одето и что на Вас», — Татьяна Яницкая задержанной торговке дикорастущими цветами, ссылавшейся на свое трудное материальное положение.

— «Если лисица в холоде живет, у нее шерсть гуще», — Сергей Букреев о пользе для нас взаимодействия с комсомолом.

— «Какой-никакой, а праздник», — Петр Наумов, провозглашая тост в честь 7 ноября.

— «Я тут х...ню написал, а вы напишите, как надо, но чтобы общий смысл сохранился!» — видимо, немного стесняясь, про-

сил нас инструктор ЦК ВЛКСМ Евгений Дмитриевич Самотесов, показывая составленный им проект комсомольского документа о вовлечении комсомольцев в охрану природы.

— «Если суп поставить в холодильник, то он там неделю не испортится; но вот если его туда кипящим, с плиты, поместить, то и холодильник сломается, и суп прокиснет!» — примерно так мы с Беллой Руссо объясняли кому-то, зачем надо беречь природные экосистемы, если они способны к саморегуляции. Если кто-то все равно не «въехал» — пишите мне по «мылу», разъясню. Адрес — у Командира.

— «Самое рациональное отношение к природе — это любовь к ней!» — не будет лишним повторить, поскольку нелепое с точки зрения теории эволюции противопоставление охраны природы и рационального природопользования лежит в основе многих ошибок и сознательных нарушений.

Как мне казалось, многие считали, что Дружина мешает учебе и поэтому целеустремленному студенту там делать нечего. При этом тех, кто хорошо учился, спрашивали иногда: «А ты-то там почему?». Теперь я думаю, что таким образом люди, понимавшие важность практической охраны природы, подсознательно оправдывали свое неучастие в нашей деятельности.

Про интересные истории можно трепаться до бесконечности!

В конце 1970-х годов группа болотоведов выполнила работу по предложению к охране нескольких болот в Подмоскowie, опираясь исключительно на данные Торфяного кадастра — уже тогда более чем 10-летней давности. В.Н. Тихомиров и В.А. Зубакин справедливо сочли, что подобные проекты могут помешать взятию под охрану действительно ценных участков. Объединившись с Группой охраны природы географического ф-та, мы за одно воскресенье накрыли натурным обследованием сразу 20 торфяных месторождений, предложенных к охране без осмотра. Оказалось, что или болот на их месте уже нет, или их повышенная природоохранная значимость ничем не может быть обоснована.

Проекты отклонили, а уже в 1981 году было готово очередное решение о создании других заказников и памятников природы, на этот раз — изученных многими специалистами, большинство из которых были дружинниками.

— Поучительная история была с Молсоветом (см. ниже). Вывод: организацию с назначенным руководством снизу реформировать затруднительно, и это надо учитывать, собираясь использовать подобную организацию для общественно значимых целей.

— Летом 1979 года группа дружинников (Шварц, Букварева, Кудрявцева и кто-то еще) отпросились делать звенигородскую самостоятельную работу в Егорьевском районе. Там они составили проект паспорта на «Урочище Торфоболото» — обводненные местными охотниками карьеры, где обитало множество редких видов птиц. Однако районные власти заказник не согласовали. Прошло несколько лет, и этот участок отдали под садовые участки. Местные мужики с ружьями встречали прибывшую охотничью технику. В районе вспомнили про проект заказника и срочно его согласовали. Когда мы приехали для оценки актуального состояния местности, то сотрудница поселкового совета, отмечая нам командировки, радостно воскликнула: «Они — за нас!». Заказник сделали, но спохватились поздно — один здорovenный кусок все-таки у болота оттяпали.

— В 1979 году, сам только что прочитав книжку Н.Ф. Реймерса и Ф.Р. Штильмарка «Особо охраняемые природные территории», я составил программу «Заказники» и вывалил ее на головы участников междружинной конференции в Воронеже. Народ обалдел и послал... Примерно также встретили сообщения о программе «Фауна», а сообщение о работе ДОП по изучению браконьерства на Оке и вовсе обозвали «хоздоговорной работой», что звучало как оскорбительное обвинение. Тем не менее заинтересованные дружины стали (или продолжили) сотрудничать по всем трем перечисленным направлениям. Выводы: 1) подумай, каково знание проблемы и отношение к ней у твоих слушателей; 2) тем не менее — «Вам шашечки или ехать?!» — работа важнее, чем ее организационное оформление.

— В 1985 году согласование заказников с землепользователями затянулось, а МособлВООП взял социалистические обязательства, к тому же он хотел сделать памятниками природы несколько старых парков, которым и так уже ничего не угрожало. Мы считали это профанацией. МособлВООП рисковал остаться без Переходящего красного знамени Центрального Совета ВООП. Тогда руководство МособлВООП таки решилось без нашего участия запустить в дело проект решения МособлИсполкома о создании серии новых ООПТ, среди которых преобладали старинные парки. Мы, конечно, были сердиты на это, но поняли, что надо было самим активнее готовить согласования ООПТ — тогда и не было бы этой ситуации. Вывод: нечего подводить деловых партнеров!

— В 1989 г. получился совсем анекдот: МособлВООП взял обязательство сделать довольно много заказников, а у нас столько не получалось. Тогда в последние дни года по предложению руководства МособлВООП пришлось формально разделять предложенные к охране территории на несколько (до четырех!), чтобы общее число дошло до указанного в соцобязательствах. При этом положения о заказниках были единые на каждую покрошенную группу, и мы всегда говорили о каждой такой группе как об одной целостной ООПТ. Многие даже не подозревают, что какой-нибудь заказник формально сделан как несколько заказников. Однако все равно до сих пор проводятся проекты по объединению этих кусочков. Вывод — знайте, откуда эта ерунда появилась.

После кампании 1985 года появилась песенка:

Славен край наш древний,
дивных див не счесть.
Вот в одной деревне
парк старинный есть:
занимает места
сто на пятьдесят,
и в ВООПе местном
на учет он взят.

В гипсовых оленях
липовый тот парк.
Там кусты сирени
и вороний карк,
там поют лягушки
чудно при луне.
В этом парке Пушкин
изменял жене.

Чтоб укрыть забором
эту красоту,
по сосенке с бору
детки принесут.
А кто буянить любит —
пусть в лесу орет!
И природа к людям
под забор придет.

Когда все было в порядке, роль куратора не чувствовалась. Кураторы вмешивались, если на Дружину были слишком серьезные наезды администрации или если дружинники попадали в какую-нибудь сложную ситуацию. Словом — «щит и меч», как правило — щит.

«Инспекторские учения» — важное мероприятие, одно из ключевых в подготовке общественного инспектора, когда он должен продемонстрировать, чему его научили на семинарах. Группа должна была пройти небольшой маршрут по природной территории и выявить «нарушения» — обычно это были нарушения правил охоты или любительского рыболовства. Нередко старались, чтобы подставные «нарушители» вообще были не знакомы экзаменуемым. Бывало, что возникал нешуточный конфликт, обычно — провоцируемый подставными «нарушителями». Говорят, один раз на ученьях взяли реального браконьера, то ли просто проверили реального клиента — это пусть расскажет тот, кто там присутствовал.

С другими дружинами была переписка, школы-семинары и конференции, совместные экспедиции, рейды и другие выезды. Координацию движения много лет, примерно с 1968 года, осуществлял Свет Забелин. В середине 1970-х годов ему помогала Оля Шекарова — это называлось «сектор внешних связей». В конце 1970-х годов, после бурной конференции в Воронеже (1979 г.), мы стали рассылать по дружинам обзор новостей из приходивших к нам от них писем. Поскольку назвать это «Хроникой текущих событий» было бы плагиатом, называли получавшиеся обзоры «За единство действий». Вышло, по-моему, 5–6 выпусков по 1–2 страницы А4. Эти и другие материалы (информацию о дружинных конференциях, обобщение итогов работы дружин и т.п.) «тиражировали» на пишущей машинке. В рассылке было, помнится, около 80 адресов. На папиросной бумаге под тонкую копирку можно было сделать 16 копий за раз, но последние из них годились для рассылки только тем, кто уже и так был в курсе. Одна из самых заслуженных машинок теперь служит у меня подставкой для ноута и клавиатуры от РС. Для печатанья годовых итогов деятельности дружин изыскивали ксерокс — нелегальный, разумеется. Холодеет рассудок, как вспомнишь, каких физических и моральных усилий требовала подобная координация от Нади Маркиной, с которой мы заварили эту «кашку», и Оли Роздиной, активно помогавшей в напряженных ситуациях. Ну и старшие товарищи — кто седел, кто лысел...

Координационно-методический совет придумали не мы. Еще со времен Забелина дружины на своих конференциях поручали отдельным дружинам координацию тех или иных направлений работы и кампаний. Все вместе координаторы составляли координационный совет. Когда комсомол с ВООПом захотели это как-нибудь контролировать, они и решили, что совет должен быть координационно-методическим (КМС). То есть учить надо молодежь, для чего образовательным решением ЦК ВЛКСМ и ЦС ВООП КМС, куда записать представителей профильных ведомств (например, МВД) и общественности (ВООП), а также несколько дружинников

постарше. Получилось, что несколько союзных и республиканских ведомств совместно создают специальную структуру для контроля за несколькими десятками групп активистов, в каждой из которых обычно бывало не более 20 человек. Ну и ладно, уже была вторая половина 1980-х годов, дружины, как и раньше, выбирали своих координаторов. А КМС даже собирался несколько раз... Рискну предположить, что введенным в него дружинникам удалось с его помощью достать денег на какую-нибудь конференцию — не поверю, чтобы наши не извлекли пользу для дела из чьей-нибудь любой, даже самой дурацкой затеи! Но чего это стоило!

Со СМИ взаимодействие всегда было хлопотно, особенно, когда происходило по их инициативе. Средний журналист плохо понимал природоохранные проблемы, действовал по заранее сформировавшемуся у него откуда-то представлению. Иногда они просто были не подготовлены к выезду, например. На получившиеся публикации ссылались, но, насколько я помню, редко. С другой стороны, иногда делали статьи для районных газет, что позволяло сообщить населению о важности сохранения местной природы.

В отдельные кампании иногда превращалось написание откликов на злободневные публикации. Этому нас учили на дружинных конференциях. Одна такая кампания была в 1980 то ли в 1981 году в связи со статьей в «Правде» об убийстве в Агинском округе госохотинспектора Валерия Ринчинова во время охоты местных партийных начальников. Были личные письма поддержки жене Валерия Дариме, личные и коллективные обращения в «Правду» и партийные органы с требованиями наказать убийц. В итоге якобы стрелявший — «шестерка» — получил небольшой срок, а отмазавшиеся от уголовки среднепоставленные поделники огребли по партийной линии, и, надеюсь, карьеры их на том были исчерпаны. Конечно, это несопоставимо со смертью Валерия, трагедией Даримы и их дочери, но думаю, что без всесоюзного возмущения не было бы и этого, поскольку статья в «Правде»

была уже после косметических оргвыводов, срочно сделанных на местном уровне.

Про Молодежный совет МГУ по охране природы. Он был создан как объединение выпускников Дружины и других активистов — но его не только официально признали, но еще и оформили «сверху» (хотя и подготовленным «снизу» решением). При мне произошло важное событие — Н. Марфенина на посту председателя МС МГУ сменил другой человек. В тематике МС МГУ стали появляться дела, практическая значимость которых была для нас сомнительна. К тому же МС МГУ, финансируя работу по организации национального парка в Мещере, еще и подключил к этому, кроме нас, другую команду, материалы которой нам не нравились, так как мы считали их не научным обоснованием НП, а искусственным раздуванием объема отчета. О том, что кроме смены приоритетов и принципов происходило перераспределение средств, я только сейчас догадался. Возникла серия острых ситуаций, когда Дружина оказалась в оппозиции к МС МГУ. Аккурат на мое 30-летие назначили заседание МС МГУ с дружинами и, предвидя его исход, председатель уже в начале заседания подал в отставку. На том заседании и закончилось. А вскоре нам сообщили, что партком отставку не принял...

Обычно день рождения ДОП означал выезд по БсБ, часто — с учениями, особенно если отмечали с тостами (инспектору после этого работать не следует). Нередко ездили на ЗБС, особенно на юбилеи. На биофаке тоже бывало торжественное заседание. Как правило, к юбилею дружинников находили какие-нибудь награды от ВООП и ВЛКСМ. Но мне трудно много вспомнить, так как большую часть юбилеев я или проболел, или, в последние 20 лет, был чем-нибудь важным занят.

Работа в Дружине наполнила мою жизнь настоящим смыслом и сформировала меня как личность. По окончании МГУ я 12 лет совмещал общественную природоохранную деятельность с работой, которая не была с ней связана, пока в результате перестройки не оказался в Минприроды СССР.

Сейчас, в начале ноября 2011 года, я заканчиваю обучение в докторантуре Института географии РАН — в последний раз получил стипендию! Я занимаюсь тем, что содействую сохранению (а где надо — восстановлению) системы экологически взаимосвязанных природных сообществ, поскольку именно это делает существование людей на Земле принципиально возможным. Это развитие тех дел сектора «Заказники», в которые я погрузился в летней экспедиции 1977 года под руководством Татьяны Варлыгиной и командира «Заказников» Елены Ваулиной.

Дружинная и продолжающая ее деятельность не раз помогли мне в личной жизни — подчас довольно успешно!

Прошлое родителей всегда отражается на детях... У меня трое парней. О движении знают, идеи сохранения природы вполне разделяют, хотя и не активисты. У них свои дела и интересы, так что они реализуют принцип «у природы везде должны быть свои люди». Когда просим помочь — помогают. Возможно, это даже важнее, если человек не будучи активистом-общественником, является для уважающих его знакомых носителем той или иной идеи.

Большинство ООПТ Московской области — результат работы Дружины и ее выпускников. В Мособлкомиссии по коллективному садоводству нам удалось отстоять от застройки не менее 9 тыс. га лесов, болот, лугов и других природных территорий. Еще были НП «Мещера» и «Мещерский», а также НП «Смоленское Поозерье» (но в его создании я не участвовал). Это результаты, в основном сохранившиеся и сейчас. Традиционно стоит сказать о подготовке кадров — да, много дружинников нашли себя в охране природы, и частенько теперь их возможности возросли по сравнению с дружинной молодостью.

Многие относились к моей природоохранной деятельности именно как к увлечению, причем отвлекающему от «главного» — учебы и науки. Многие поменяли со временем свое отношение и поняли, что наша работа важна для всех.

Я чувствовал не то, что от чего-то отказываюсь ради дружинных дел, а то, что я делаю нечто существенно полезное, и это было важно для меня. Физическая опасность иногда пугала, но редко — инспектора работать умели, до экстрима практически не доходило. Опасность работать в Дружине по политическим причинам иногда подчеркивалась старшими товарищами, которые, на мой взгляд, в нескольких единичных случаях перестраховались, ограничивая нашу деятельность — но это были редчайшие, из ряда вон выходящие случаи. Нас такая опасность скорее бодрила, чем пугала — про геронтократов давно рассказывали анекдоты и пели песенки в электричках, возвращаясь с выезда, а на квартальных и рубочных столбах без номеров писали «Слава КПСС!».

Из того, что не нравится — разгильдяйство, происходившее, насколько я понимаю, от переутомления, причиной которого, в свою очередь, было неумение выбрать приоритеты и отказаться от других дел. Но если бы мы легко отказывались от «неприоритетных» дел, то тогда, значит, у нас точно сердца бы не было.

Дружина — это способ сделать полезное, но непростое дело, которое ты хочешь сделать, но в одиночку не надеешься.

Авторитет Дружина может поднять своими делами, причем важное обстоятельство — выполнение взятых обязательств.

Могильнер Анна Александровна,

старший преподаватель в Обнинском институте атомной энергетики

Пришла в Дружину на первом курсе (1976 г.). Что предшествовало — не помню, но мне всегда хотелось охранять природу, а если в хорошей компании — то тем более. Повлияло еще и рождение «Фауны» в тот же год, плюс желание романтики и экспедиций. Работала в Дружине все время учебы (1976–81 гг.). Очень нравилась наша команда, и то, что мы приносили реальную пользу природе, используя свои знания. Была командиром «Фауны» примерно в 1978–79 гг. А в 1977–78 гг. была еще какое-то время представителем Дружины в комсомольской организации — была тогда такая должность.

Для меня интересней всего были экспедиции и то, что они открывали. Именно в эти времена началась активная организация ООПТ Московской области — это было достойное приложение сил и мозгов. Я довольно мало занималась «бумажной» работой, больше все же полевой. Или просто мало об этом помню — давно это было...

Ездили часто, больше всего — Виноградово, Талдом, северо-восточный район области (Вербилки, Карманово и т.п.), конечно, Шатура и окрестности. Ездила команда человек пять-шесть обычно, на большие выезды — и больше. Объективный результат — ООПТ, мы начали их проектировать, и это был главное. Еще «Елка» была в Новый год (очень увлекательное занятие), зоопарку помогали (особенно запомнилась чистка слоновника).

Командиром был сначала, кажется, Спиридонов, потом Лена Краснова, потом Зименко (Алексей Зименко. — *Прим. сост.*). Сектора были, конечно, но командиров не помню. Про разногласия тоже не помню, кроме вечного спора: стоит ли заниматься БсБ на выездах «Фауны». В общих компаниях типа «Ели» участвовали все, и в субботниках в зоопарке.

Наше со Шварцем приключение — самое сильное, конечно, что запомнилось, когда неистовый Женя сначала порубил подь-

емники у двух компаний рыбаков, а потом отнял ружье у браконьера. Парень его вроде бы отдал (вернее, Женька отобрал цевье с номером), потом прыгнул в лодку, зарядил ружье и сказал: «Отдавай цевье или стреляю». В результате оба «бойца» оказались в воде, а я с ружьем (причем заряженным) — на берегу. Пришлось, хорошо прицелившись, стукнуть парня по голове его же ружьем, после чего оба вылезли, а мне пришлось бежать до лагеря с этим злополучным ружьем. Особенно весело было рыбакам, у которых сначала срубили подъемники, потом пробежала растрепанная девица с ружьем обратно, потом мужики (Зименко с Зубакиным) опять туда, потом мокрый насквозь Женька и опять же Зименко и Зубакин обратно. Они только успевали головами вертеть.

А в какой-то весенней экспедиции мы жили с Ольгой Волошиной на охотбазе, и там была замечательная тетенька, которая не только каждый день кормила нас только что надоенным молоком и картошкой, но вечером приносила горячей воды ножки вымыть...

Птиц слушали и растения определяли (это же основная цель выездов и была), и с местными общались. Узнавали у них про птиц-зверей, которые рядом живут. Некоторые, правда, рассказывали про «выхухолей, которых в подполе полно».

Именно наше поколение стало с начала 1970-х годов постоянно обследовать и организовывать региональные ООПТ в Московской области. Было сохранено множество ценных природных территорий, большинство из которых (на 11.11.11 — все! — *Прим. ред.*) и сейчас существуют.

Для меня работа в Дружине значила очень много. Была команда людей, думавших «в одну сторону», было воспитание самостоятельности и ощущение, что ты уже не школьник и много чего можешь. Именно Дружина дала активное отношение к жизни — веру в то, что даже безнадежное дело можно сделать. Собственно, на выбор дела в жизни это тоже очень даже повлияло. В Обнинске я организовала экологический клуб «Следопыт», который прожил 15 лет. Мы со школьниками занимались тем же,

чем занимались в Дружине — проектировали ООПТ. Реально существует только одна, но все же 150 га леса, отданного в рубку, мы спасли. Многие следопыты учились на биофаке, некоторые были и в Дружине. Сейчас преподаю в Обнинске, в Институте атомной энергетики, и там тоже рассказала про дружинные дела своим студентам. В результате родилась ДОП «Атом», которая успешно работает уже четвертый год.

В последнее время в Обнинске занимаюсь организацией субботников в самых «злачных» местах, в последний год присоединились несколько молодежных компаний. Организуем массовые школьные «эколого-убирательно-спортивные» турниры.

Кроме того, работаю в ЦОДП, координирую проект «Усынови заказник» (все на ту же тему).

Современным дружинам хотела бы пожелать помнить, что деньги — это далеко не всё, и быть уверенным, что делаешь правое дело. Слушать и слышать и друзей, и недругов. Реальные успехи поднимают авторитет больше, чем всё остальное.

Краснова Елена Дмитриевна,

кандидат биологических наук, научный сотрудник Беломорской биологической станции МГУ им. М.В. Ломоносова

Я пришла в Дружину на первом курсе, в 1977 году, на втором курсе меня избрали командиром Дружины, а оставалась я в ней до 1988 года, когда уехала работать на ББС.

Все началось с того, что я два года не могла преодолеть вступительные экзамены: недобирала баллы. И, пока готовилась, работала на биофаке в бухгалтерии. Обычно абитуриенты лаборантами устраивались, а мне такого места не хватило, и отдел кадров направил туда, где нужнее родине ☺. И вот, однажды, когда я шла с работы, мимо меня пробежала группа веселых студентов с рюкзаками, весело болтая с Николаем Николаевичем Гуртовым — преподавателем кафедры зоологии позвоночных. Обсуждали они что-то зоологическое и смешное. Меня до глубины души поразила свобода, с которой мои сверстники общались с маститым зоологом: опыт школьной жизни и службы говорил, что должен быть барьер. Да и тема удивила. Как я им завидовала! А потом я увидела тех же самых студентов в коридорах университета и услышала, что это — дружинники. Гуртовой к Дружине отношения не имел, но я тогда этого не знала и хранила в душе светлый образ жизнерадостной компании. Этот образ потом вспыхнул с новой силой, когда я все же поступила на биофак, и на собрании для нас, первокурсников, Витя Зубакин стал рассказывать о программе «Фауна». И я поняла: вот оно, и нас туда приглашают! С нашего курса в Дружину пришло много народу: Оля Суханова, Наташа Захмылова, Таня Кудрявцева (Подоскина), Лена Букварева, Саша Ржавский, Юря Веремьев, Лена Абоносимова (Зубакина), Ася Любимова, Женя Шварц, Саша Олексенко. Видимо, выступление Вити произвело сильное впечатление не только на меня. Что всех нас привлекло? Наверняка, у каждого были свои мотивы, но в целом подкупала атмосфера открытости, когда все действия старших дружинников демонстрировали, что каждый

из нас, новобранцев, представляет ценность и нужен. Вскоре мы пришли на собрание «Фауны», и Витя наделил нас поручениями: каждому дали какой-нибудь район Московской области, нужно было собрать о нем всякую полезную информацию — адреса и контакты охотничьих обществ, лесхозов, краеведческих музеев, схемы движения и расписание автобусов, литературные и опросные сведения о фауне и т.д. То есть мы сразу оказались вовлечены в большую общую работу. А многие из нас как вовлеклись тогда, так до их пор и продолжают.

Витя Зубакин очень убедительно обосновал актуальность программы «Фауна», и поэтому она была в те годы в расцвете. С позиций сегодняшнего дня трудно представить, что когда-то Московская область была большим белым пятном по части изучения фауны: советские зоологи полевой сезон проводили в далеких краях — на то были деньги и возможности. Раз мы взялись за охрану фауны в этой неисследованной области, нужно было сначала определиться с тем, какие виды у нас редки, насколько, и что им мешает жить. Нужно облазить все поля, леса, болота, чтобы отыскать ценные участки. Целая область, каждый уголок которой звал: изучи меня! — и любое новое знание будет новым. Захватывающе, не правда ли?

Впрочем, о том, какие из проблем острее, у нас бывали внутри Дружины дискуссии. Например, в середине 1980-х Женя Шварц агитировал Дружину переориентироваться с традиционных направлений на борьбу с «кислыми» дождями, аргументируя, что, мол, все старания сохранить в каком-то месте журавлей будут напрасными, если не решить эту глобальную проблему. Лично мне казалось, что, журавлей в Талдоме охранять все равно нужно, чтобы не потерять их за время борьбы с загрязнением. А кроме того, бывают задачи для студентов посильные, а есть — слишком масштабные. Я сторонница посильных, пусть и «малых» дел. Среди таких задач было, к примеру, составление предпроектного обоснования для национального парка «Мещёра» как альтернатива тотальному осушению. Это направление работы не вписывалось

ни в «Фауну», ни в «Заказники», а было отдельным. Актуальным казалось победить незаконную торговлю новогодними елками, чтобы сберечь их от порубок, тоже незаконных. Очень своевременной была работа по созданию заказников в Московской области, большинство ООПТ, которые мы теперь имеем, возникло именно тогда.

Почти каждый член Дружины был общественным инспектором. Для работы по БсБ получали «корочки» инспекторов рыбоохраны или общественных охотинспекторов, а для всякой прочей работы были удостоверения общественных инспекторов ВООП, которые давали примерно те же права, что и предыдущие, только протоколы шли другим путем. Многие вопросы, например, согласование заказников, было очень затруднительно решить собственными общественными силами, и самым эффективным путем было внедрение своего человека, например, в ВООП, который мог изнутри контролировать продвижение необходимых бумаг. В числе таких самоотверженных героев были в разное время Нина Забелина, Николай Харитонов, Александр Гончаренко — именно им мы обязаны появлением постановлений о создании многих заказников. В конце 1980-х мы практиковали еще один вариант работы: в Московском отделении ВООПа один из сотрудников, очень пожилой отставной военный, попросил меня помочь в обследовании некоторых территорий, где предполагались разного рода строительные работы, и ему по должности нужно было их согласовывать. Я с радостью согласилась — ведь мы таким образом получили доступ к информации о проектах освоения природных территорий. А вдруг там окажутся места обитания редких видов? В нескольких случаях нам таким путем удалось сберечь хорошие участки и порекомендовать строительство в стороне от них. А было и такое: в конце 1980-х (1984 г.— *Прим. ред.*) к Дружине обратился ЦК ВЛКСМ с просьбой помочь с проверками, насколько эффективно работают республиканские и областные комитеты комсомола по охране природы. И мы ездили в разные республики и области: в Киргизию, Казахстан, Белгородскую и Орловскую

области и вникали в то, что они делают, а чего не делают. И писали рекомендации. Такой необычный эпизод в дружинной работе — мы были допущены почти что к самым вершинам власти. Была ли от этого польза? Организаторы «проекта», Женя Шварц и Игорь Честин, считали, что есть. Мне трудно судить, но все мы старались сделать все возможное, чтобы вскрыть реальные экологические проблемы, вывести на чистую воду имитаторов бурной деятельности и помочь тем, кто в этих регионах приносил действительную пользу.

Основные направления работы были оформлены в виде секторов — подразделений Дружины со своими командирами: БсБ, «Фауна» и «Заказники», и было две общедружинные кампании: «Ель» и «Подснежник». Временами возникали и другие направления: «Мещера», «Командоры», работа со школьниками. У Дружины был «свой» школьный кружок, который вели Николай Харитонов и Галя Лунина (Пронькина).

Большая часть выездов была по Московской области и соседним областям, но на зимние каникулы иногда организовывали экспедиции в другие «горячие точки», где требовалось срочное вмешательство, например, в заповедник «Арнасай» в Узбекистане. Основной формой работы были, конечно же, выезды. С понедельника до пятницы было ожидание следующей поездки. А в субботу вечером — отъезд, и начиналась настоящая жизнь.

Поскольку я работала в основном в секторе «Фауна», то об этом и напишу. В течение года в нашем секторе проходил цикл из сезонных полевых задач, превратившийся в традицию. Март — выезды на ночь, чтобы слушать филина — разъезжаемся в разные концы Подмосковья, нужно сидеть всю ночь у костра и крутить магнитофонную запись с криками филина, чтобы вызвать местную сову на диалог с чужаком. Правда, в мои годы десятки таких пеленгаций ни одного филина не дали. Позднее «фаунисты» научились эффективно находить сов и для этого, как я понимаю, не сидели, а ходили всю ночь по лесу на лыжах. Апрель и начало мая — пеленгации журавлей в Талдоме и Черустях. Самые

большие выезды собирали до полусотни народа, на пеленгации ездили все, независимо от сектора. После сессии в мае — экспедиция, как правило, в самые важные места, где предполагаются интересные находки. После таких экспедиций обычно появлялись новые паспорта на заказники. Чтобы на работу было больше времени, все, кто мог, сдавали часть сессии досрочно, освобождая вотрую половину мая. А кто не преуспел, бывало, готовились к экзаменам в промежутках между маршрутами. В июне большинство разъезжалось на практики, но и там работа не угасала: из Звенигорода по выходным ездили на выезды, а какое-то время даже самостоятельные работы по зоологии делали в разных заказниках. Руководство практики «скрипело», но отпускало. Так, например, появилось обоснование на заказник «Нарские пруды» и орнитологическое описание заказника «Озеро Глубокое». А кто не ездит на практики, мог продолжать выезды. Одно лето у нас ушло на прочесывание пойменных лугов в поисках овсянок-дубровников, тогда крайне редких. Другое — на учеты чаек в колониях, тогда Витя Зубакин устроил тотальный обсчет Московской области. Еще несколько — на осмотр Мещёры под планируемый национальный парк. После практик, в августе, опять делали экспедицию. В это время птицы уже замолкают, а некоторые и откочевывают, зато можно осматривать их места обитания — туда, где весной по пояс воды, теперь можно, наконец, пройти, осмотреться, и сделать описание растительности. С наступлением сентября все силы переброшены на Талдом — вся Дружина, независимо от сектора, выезжает на учеты журавлей в осеннем скоплении, параллельно отлавливая клюквенников. После отлета журавлей начинаем ездить по рыбхозам и высматривать крупных дневных хищников. Когда вода подернется ледком, наступает пора поисков выхухоли. В декабре фаунистические дела отходят на второй план, так как в районе 5 декабря обязательно бывает большой общедружинный выезд, юбилейный. Либо рабочий, по БсБ, либо с учениями. С 20-х чисел декабря начиналась страда елочной кампании, ежедневные и ночные дежурства на вокзалах, с перерывами на сдачу

зачетов. За десять дней все, кто участвовал в облаве на незаконно купленные и незаконно срубленные елки, от недосыпа приходили в состояние почти бессознательное. К Новому Году елки, наконец, были сданы в магазины, и вся Дружина заваливалась к кому-нибудь на дачу отмечать Новый Год. Толком не отоспавшись — сессия. И ее нужно было не просто сдать, а досрочно, чтобы, как и весной, добавить время к зимней экспедиции. Зимой ездили опять по Подмоскovie: опрашивали охотников, чтобы с их помощью найти гнезда аистов, места встреч орлов, журавлиные территории. Была экспедиция по поиску тушканчиков (по опросам, конечно). И сами бродили по заснеженным полям и лесам, осматривая предполагаемые места обитания, чтобы понять, подходит ли это место тому или иному редкому виду или сведения ошибочны. А иногда зимой ездили в какие-нибудь дальние края, где требовалась помощь знатоков фауны, например в «Арнасай» — об этом лучше расскажет Оля Шекарова: она возглавляла ту поездку. Вернувшись из зимней экспедиции, после небольшой передышки погружались в круговерть кампании «Подснежник» — ловить торговцев первоцветами. Апогей этой кампании — 8 марта, в этот день делали большой «облов», а вечером, сдав изъятые цветы в больницы, шумно отмечали праздник у кого-то в квартире. А тут уже и филина слушать пора...

Голоса птиц слушали, но не ради самого процесса, а всегда была какая-то задача: либо учет журавлей, либо учет птиц на трансекте в заказнике для мониторинга. А вот растения определяли просто из интереса. У меня в рюкзаке всегда был как определитель птиц, так и определитель растений. В тех районах или заказниках, которыми мы занимались плотно, не обходилось и без краеведения: изучали историю ландшафтов и экосистем — как же без этого подступиться к планированию ООПТ и разработке режима охраны? И без контактов с местным населением не обходилось: это и опросы охотников и любителей природы, и дружба с охотхозяйствами и лесной службой. Задачей было подружиться, добиться хорошего отношения для сотрудничества. В связи с этим

иногда приходилось просить БсБ не ездить с нами вместе и вообще в тот район, где мы работаем, чтобы не вызывать у населения отрицательных эмоций по отношению к студентам в штормовках. В Талдомском и Шатурском районах мы ездили по школам и давали концерты дружинной песни. Слушали!

На выездах действовал сухой закон и соблюдался строго. Отменяли его только на праздничных выездах, которыми считались общий выезд всех секторов на день рождения Дружины и на Первомай. Да и то, если выезд объявляли рабочим, например, по учету журавлей, то «сухой закон» действовал.

Проводили учения, которые бывали вполне серьезные, и это был замечательный способ научиться правильно вести себя, если столкнешься с нарушениями по «елке», порубками, с рыбным или охотничьим браконьерством, и не обижать невинных. Были и полусерьезные, когда кроме реальных ситуаций на маршруте были и комические, специально, чтобы скрасить рабочие будни. В учения нередко вставляли эпизоды из работы «Фауны». Вспоминается этап, который не смог преодолеть никто: на пути группы было подброшено хвостовое перо индюка — коварная, надо сказать, штука! То ли хищник, то ли журавль, а по некоторым признакам — курица. Пойди догадайся! А были и вовсе несерьезные, но и тогда каждый этап был спланирован для пользы дела. Особенно ярко живут в памяти юбилейные учения на ЗБС, когда группе давали не столько оперативные задания, сколько испытания на умение работать в группе и находить выход из сложных ситуаций. Например, было очерчено крошечное пятно, которое символизировало единственную в болоте кочку, и группе нужно было «переночевать» на ней так, чтобы все поместились и действительно могли отдохнуть. На первый взгляд, на том пятнышке и троих-то не разместишь, а в группах было по 5-6 человек. Или другое испытание: на маршруте группе встречается человек, который просит о помощи, поскольку ранен и обморожен. Повреждения были на ноге, их, по всем правилам нарисовал Ваня Семернин, он тогда учился в медицинском училище. Нужно было грамотно ока-

зять первую помощь. Какие-то еще ситуации были. Последним этапом была имитация ситуации на елочном дежурстве на вокзале, когда на встречавшую поезд группу вываливался встречный поток разудалых дружинников с «елками», который буквально сметал инспекторов. Впрочем, и в той ситуации кого-то они все же умудрялись отловить и составить протоколы. После обеда был конкурс природоохранных плакатов: каждая группа должна была убедительно склонить народ к охране аскарид. И последний этап учений — выборы штаба и командира из перечня сказочных персонажей вроде Буратино, Чиполлино, Бабы-Яги, Мальвины и т.д. Нужно было не только выбрать оптимальный состав Штаба, но и объяснить, почему одна кандидатура подходит, а другая нет. Забавно, что у разных людей, как оказалось, представления о лидерских качествах очень разные. Полезным было, что при разных взглядах на личностные качества членам групп приходилось искать, как теперь говорят, консенсус. И ведь находили!

Как показывает опыт опросов дружинников о том, кто и когда был командиром, даже сами командиры это плохо помнят. Я точно помню, что начинала работу в Дружине, когда командиром была Оля Ган, которую вскоре переизбрали и сменили на Васю Спиридонова. Именно Вася стал для меня образцом командира, так как наше погружение в Дружину происходило под его курированием. Вася придумал выбрать меня командиром, так оно и вышло. Я тогда была на 2 курсе, то есть годы моего командования 1978–79. Кто был в штабе помню плохо. «Фауной» командовал, наверное, Вадим Мокиевский (или Аня Могильнер? Ужас, какой склероз...), БсБ — сначала Марат Сулейманов, а потом его переизбрали и сменили, кажется, на Лешу Зименко. «Заказниками» руководил, наверное, Коля Соболев. Наташа Николаева была, кажется, «министром без портфеля». Женя Шварц — комиссаром. Через год я сдала дела Леше Зименко, это уж точно. После Лешки найти столь же яркого командира было очень трудно, и я просто преклоняюсь перед мужеством Аниты Берг, которая с честью провела Дружину через юбилейный год — в декабре 1980 года мы

отмечали 20-летие. Потом руль снова вернулся к Леше Зименко. После Лешы бразды передали Кате Головиной — вот был командир! Боевой. Опыт женского руководства пришелся по душе, и следующим командиром выбрали Таню Яницкую. Как ни странно, но дальнейшую череду командиров я тоже плохо помню. Помню, что был у руля Игорь Честин, что выбирали Рому Кутузова, но он «прослужил» только полгода, после чего созвал внеочередное собрание и попросил отставки. Свое плечо под пошатнувшуюся Дружину подставил, кажется, Дима Аксенов. Помню, что когда-то очень серьезным командиром был Слава Образов, и что была Оля Гринченко — и в Дружине важнейшие посты оказались захвачены «Фауной». В год олинного правления я была удостоена «символа вечности» — плюшевого мамонта, его Оля сшила своими руками. Такую награду получали те, кто продержался в Дружине 10 лет. А потом я уехала работать на ББС — сотрудники биостанции должны были проводить на биостанции большую часть года, включая зиму. И я от повседневных дружинных дел отошла. Сознаюсь, это было трудно, очень хотелось назад.

Нашим дружинникам мы вручали ордена. Вот некоторые, которые вспомнила.

«Хотите, я скажу вам, где север?...» — первое исполнение этой крылатой фразы приписывают, кажется, Оле Шекаровой, которая на одном из выездов завела свою группу неведомо куда, твердо уверенная в надежности положения севера. Олю наградили «орденом Ивана Сусанина», и впоследствии этого ордена удостоивались особенно отличившиеся «плуталы». Если орден канонический, то на нем должна быть эта самая фраза.

Орден «За озеленение». Озеленение — посадки деревьев в городских парках было у Дружины не в почете. Потому что все властные структуры, будь то администрация факультета, ВООП, или комсомольские органы, все время пытались использовать Дружину не по делу и чаще всего пытались заставить что-то озеленять. Но здесь под озеленением понимается «выращивание подраста» — молодой дружинной смены. Этот орден вручали тому,

кто больше всего возился с новичками и привлек в Дружину много новобранцев. В числе лидеров всегда был Коля Соболев (в наши годы Зубакин. — Прим. Соболева).

Общественное мнение было разным. Те, кто мало знал о Дружине, почему-то считали, что все дружинники только и делают, что пьяными бегают за браконьерами, и что это дело не достойно будущих ученых, каковыми являются студенты МГУ. То есть «беготня за браконьерами» была не в почете. Полагали, что сами дружинники постреливают и браконьерят. Применительно к тем годам, за которые я отвечаю, все это было чистейшее вранье. Работа по БсБ была очень продуманной, какой-то даже рыцарской. И был «сухой закон», который отменяли только на праздничных выездах. Было мнение, что дружинники все поголовно плохо учатся. Когда я была командиром, мы собрали со всех дружинников сведения об оценках за последнюю сессию, и вычислили среднюю. Получилось, что у «усредненного» дружинника оценки даже выше, чем в среднем по факультету! Конечно, отдавая всего себя общественной работе, трудно было учиться на все пятерки, но были в наших рядах и такие. Немало дружинников закончило биофак с красным дипломом. Но, несмотря на отдельные отрицательные мнения, в целом на факультете бытовало уважительное мнение, благодаря чему в Дружину каждый год приходило много новичков. В лучшие годы до 20 человек. Заметна ли была Дружина? Еще как! Во-первых, у доски всегда были читатели. Во-вторых, дружинники на всех переменах толпились возле доски, а уже вечером там собиралось много народу. Тогда ведь еще не было кормушки «Практикум гурмана», и вся рекреация была наша да оргкомитета олимпиады, у которого тоже была Доска, только на противоположной стене. В-третьих, в дни елочной кампании комитеты комсомола не только биофака, но и других факультетов каждый день присылали на подмогу студентов своих факультетов. Так что положительный резонанс очень даже был. Правда, застала я и такие времена, когда среди студентов популярность

Дружины ослабла, а костяк составляли школьники из КЮБЗа и одной из московских биошкол. Нас это заботило, но не слишком, так как школьники были великолепные: Миша Крейндли (кто же его не знает!), Ваня Семернин (сейчас организует чудесные акции «Фототриал», приумножая число любителей природы), Нина Горелова (работает в клубе «Птицы и люди» и организует соревнования по спортивной орнитологии), Наташа Дроботова (работает в WWF), Вера Басова (Тимирязевский биологический музей), Саша Банцекин, Дима Ястребов, Олег Бобровский, Олесь Молчанов, Оля Толстая и многие другие. В чем причина ослабления интереса к Дружине на биофаке — не знаю, может быть, кто-то еще из дружинников тех времен расскажет.

В мое время куратором был Вадим Николаевич Тихомиров, но к дружинным делам его привлекали нечасто. Он был нужен в моменты конфликтных ситуаций, например, если командир был под угрозой вылета из МГУ. Или при глубоких внутренних разногласиях в Дружине. Или, если БСБшники поймают высокопоставленное лицо, и этот человек обратится с жалобой на биофак. Тихомиров был мудр, и всегда нас выручал. Но в каждодневной жизни не участвовал. Иногда, бывало, вызовет к себе и попросит рассказать о том, что сейчас делается. И все.

В те годы еще не было Социально-экологического союза (создан в 1989 г.), не было и Координационно-методического совета. Но Движение ДОП было очень мощным. Не помню, с какой периодичностью, кажется, раз в два года, проходили междружинные конференции, и всегда бурно. До хрипоты спорили, пристало ли дружинам заниматься программой «Фауна», не слишком ли она научная? Для этого есть студенческие кружки, а дружины всегда себя противопоставляли им, ставя во главу угла практические действия. Памятуя о тех баталиях, многие годы трепетала от имен Борейко и Букреева — ярых противников «Фауны». Каково же было мое изумление, когда я встретилась с Сережей Букреевым на поприще программы «КОТР» («Ключевые орнитологические

территории России»), которая по сути своей — продолжение программы «Фауна», и он оказался милейшим и добрейшим человеком!

В общем движении наша Дружина курировала программу «Фауна», основная нагрузка была на бессменном кураторе программы — Вите Зубакине. Мы провели две первых школы по этой программе. Потом ездили в Киев, на такую же школу, организованную украинцами. Кажется, «Выстрел» координировала тоже Дружина биофака, но об этом лучше расскажут сами БсБшники.

В те годы уже существовал международный «Гринпис», но в России он не работал. На какой-то выставке, где были представители Гринписа, я подошла к ним, чтобы познакомиться и рассказать о Дружине, но столкнулась с полным отсутствием интереса.

В те времена публикация в газете имела силу почти что закона, и прежде чем быть допущенными на страницы газет, материалы тщательно фильтровались. Были несколько журналистов, которые писали о Дружине в свои газеты. Сами мы писали в основном в районные газеты, где постоянно был дефицит материалов и нашим, даже неумело написанным статьям очень радовались. И читатели радовались. В те времена каждая семья выписывала несколько газет и журналов и читали от корки до корки. Чтобы был серьезный резонанс — такого не помню. Но его и не ждали, так как наши заметки были информационные, а не аналитические.

На охрану природы уходило практически все свободное время, будь то вечера или выходные. И даже во время учебы. В наше время существовала система свободного посещения лекций, которой удаивались те, кто сдал сессию на четверки и пятерки. Это было очень полезно, так как неинтересные лекции можно было законным образом прогуливать. Нельзя было прогуливать только общественно-политические курсы вроде «Истории партии», но и на них можно было заниматься полезными делами потихоньку: писать объявления, составлять отчеты о прошедшем выезде и т.д.

Если я что-то стою, то все это благодаря Дружине. Она сделала меня совсем другим человеком по сравнению с тем, какая я при-

шла на биофак. Дала уверенность в себе, настоящих друзей на всю жизнь, вторую профессию (по кафедральной принадлежности я — зоолог беспозвоночных), пробудила организаторские способности. Утвердила моральные ценности. Я — дружинница до мозга и костей.

После окончания МГУ я распределилась на работу в службу контроля качества воды Московской области в системе Роскомгидромета. Охраной природы там и не пахло, был просто рутинный мониторинг, от которого природе никакой пользы не было. Но шесть лет отработала. А потом, тоскуя по высокой науке, перешла на Беломорскую биостанцию МГУ. Там с охраной природы тоже «не очень», и тогда, и сейчас. Но что могу — делаю. По совместительству несколько лет работала в Союзе охраны птиц России — была координатором программы КОТР. Также по совместительству — в издательстве «Аргус» (а потом в его преемнике, издательстве «Русский университет»), где помогала Андрею Щербакову в подготовке «Красной книги Московской области». Где могу, «ввязываюсь» в природоохранные проекты, это мне необходимо, поскольку я навсегда заражена дружинными ценностями.

Друзья относились к такому образу жизни с уважением. Впрочем, друзей, не вовлеченных в Дружину, в скором времени не осталось. Моя ближайшая школьная подруга, художник-модельер, тоже раз-другой участвовала в дружинных мероприятиях, даже в экспедицию ездила. Родители относились ко всему с терпением. Даже с поразительным. Сейчас, сама оказавшись в роли студенческой мамы, отдаю себе отчет, что я бы такое не выдержала. К примеру, чтобы посреди ночи без предупреждения дочь вваливалась домой с несколькими друзьями разного пола и десятком елок, и все это нужно разместить в одной комнате, где кроме меня еще и бабушка живет! А бабуля не только не ворчала, но и покорно жарила гренки посреди ночи, мы ведь голодные все... Отчим не разделял их терпения, считал, что нами, молодыми энтузиастами пользуются какие-то дяди деловые, реализуя свои интересы, наверняка корыстные. Спорили до хрипоты. Это было полезно, так

как я узнала, что люди бывают не только вменяемые. В университетской среде я о таком уж и позабыла. Родственники не столь близкие не одобряли: разве можно девушке носиться с рюкзаком? Надо в юбочке, на каблучках, чистенькой. Считали за блажь. Но при случае помогали: в первую свою зимнюю экспедицию я ехала с армейскими лыжами дяди, который привез их со службы из армии — не пожалел.

Польза от наших действий несомненно была. А откуда же взялись все те заказники, которыми заполнена карта Московской области? Большинство спроектировано нашей Дружиной. А национальные парки в Мещёре — они ведь не сами зародились! Без нашей работы не было бы ни «Журавлиной родины», ни заказников «Нарские пруды», «Черустинский лес» и многих других. Не было бы у подавляющего большинства населения тех времен опаски перед покупкой елки без квитанции. И еще много чего не было бы.

На второе место по важности результатов дружинной деятельности после создания заказников (а, может, даже и на первое) я бы поставила расширение круга людей, преданных природе и знающих, как ее охранять. Из Дружины вышли десятки нынешних активистов охраны природы, которые создали и на которых держится много негосударственных природоохранных организаций: WWF, Гринпис, ЦОДП, СОПР, СОЭС. Лозунг «У природы везде должны быть свои люди» практически воплощен. Жаль только, что не все властные структуры нами «захвачены».

Любимова Ксения Александровна,
сотрудник Союза охраны птиц России

В ДОП пришла сразу в начале 1 курса (1977 год) и работала до начала 80-х. Больше всего работала в программе «Фауна».

Были всякие семинары и, конечно, выезды.

Мне кажется, что — в частности и из дружинного движения — вышло поколение людей, которое в 1990-е годы определяло природоохранное движение в масштабах страны. Вполне объективные достижения — это учрежденные заказники. Но даже, если бы этого не было, я совершенно уверена, что сам факт существования людей, которые свободное время посвящают охране природы, был очень важен.

С учебной работой в Дружине нормально сочеталась. Однажды вместо экзамена по высшим растениям пеленговали журавлей где-то в Шатурском районе. Явились прямо на пересдачу — а там полкурса тоже пришло двойки пересдавать. Ну и ничего, все все сдали благополучно.

Результаты поразили несколько лет назад, когда я после большого перерыва попала в «Журавлиную родину». Было болото, которое местные власти мечтали осушить и по которому таскалось с десяток сдвинутых биологов. А сейчас — столько народу, столько разной работы проводится. Здорово!

Ржавский Александр Владимирович,

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
ИПЭЭ РАН

Работал в Дружине формально с 1977 по 1982 годы, интенсивно примерно в 1977–1980 годы в секторах БсБ и «Фауна». Они же и были самыми популярными.

В Дружину попал следующим образом. В группе были люди, которые пришли в ДОП раньше меня, и с которыми я дружил. Видел доску ДОПа в рекреации и считал, что это безумно важная и интересная деятельность. Был внутренний позыв улучшить мир. Ну, и записался как-то на первый выезд.

Вспоминаются некоторые забавные эпизоды, но связанные чисто с «бытовухой» и интересные, наверное, только самим участникам.

Был выезд «Фауны». Останавливались, кажется, на чьей-то даче. По крайней мере, никого посторонних в доме не было вообще. Приехали вечером, поели, легли спать. Дверь заперли на ключ изнутри. На улицу ночью никто не выходил. Когда утром стали собираться на выход, Юрьев обнаружил, что у него исчез рюкзак с вещами. То есть сапоги, одежда, которые были не в рюкзаке остались, а рюкзак с остальным содержимым исчез. Обыскали весь домик и окрестный участок, но так и не нашли.

Про лекарства. Это была первая экспедиция БсБ с командировками и финансированием. Оплачивал, видимо «Молодежный совет». Готовились основательно, а не «сели и поехали». Экспедиция планировалась недели на две при участии около десяти человек. Всем дали задания по подготовке. В том числе нужно было составить списки необходимого (канцтовары, еда, еще наверное что-то), а потом покупать это с копиями чеков для отчетности. Будучи ребенком болезненным, я согласился на аптеку, для меня это не составляло труда. Список я составил вполне адекватный, но когда стал на собрании по подготовке зачитывать количества (аспирин — 100 пачек, анальгин — 50 пачек, капли от насморка —

20 флаконов и т.п.) у Кавтарадзе на лоб полезли не только глаза, но и все остальное. «Саша, — спросил он, — Вы исходили из расчета, что каждый участник экспедиции будет каждый день болеть сразу всеми болезнями?». Я, глупо хихикая, сказал, что нет, но если вдруг, то да, на всякий случай. «Ну тогда нам надо будет срочно закрывать экспедицию и всем ложиться в больницу», — сказал Кавтарадзе.

Дежурство по кухне. Дежурили Букварева и Щербаков. Или кто-то один из них, а второй присоединился просто за компанию, точно не помню. Чтобы приготовить завтрак на 10–12 человек одного дежурного вполне достаточно. Приходим завтракать — ничего не готово, кроме чая и хлеба, они сидят смеются. Дело происходило так. Решили сварить вермишель с тушенкой. Букварева зачерпнула горсть вермишели рукой, бросила ее в кипяток (странно, что не в холодную воду) и сказала: «Хватит, наверное. (на десять человек! — РЖ). Она вроде разваривается». Щербаков засомневался и сказал: «Да маловато вроде. Давай еще добавим!» И добавил... еще одну горсть, зачерпнутую рукой. А потом они сидели и ждали до начала завтрака — когда разварится.

На выезды уходила большая часть выходных. Многие вещи решались или обсуждались мимоходом на переменах. На старших курсах — редкие выезды, может быть раз в месяц. В принципе, напряженными были последние недели декабря в связи с каждодневными мероприятиями по операции «Ель», накладывающимися на зачетную сессию, но я в них как-то практически не участвовал. Помню только, что сорвал как-то организацию одного выезда, которая была поручена мне.

Работа в Дружине, возможно, немного мешала учебе, но тогда это казалось очень интересным и нужным, так что не принималось во внимание. С другой стороны, это шло в зачет комсомольской общественной работы, так что никакими постоянными комсомольскими поручениями из-под палки не грузили, плюс повышенная стипендия при условии успешной сдачи экзаменов, что было весьма положительно.

Володин Илья Александрович,

старший научный сотрудник кафедры зоологии позвоночных биофака МГУ, доцент, кандидат биологических наук.

Активно работал в Дружине с 1979 по 1982 годы, а с 1982 по 1984 год — пассивно в секторе «Фауна» и «Заказники». Один год входил в штаб на правах «министра без портфеля». Самыми популярными направлениями работы в Дружине тогда были: БсБ, «Фауна», «Заказники» (три существовавших тогда сектора, в порядке убывания — конечно, это мое субъективное мнение). Также проходили общедружинные кампании «Ель» и «Подснежник», причем «Ель» проходила по настоящему массово каждый день от десяти до нескольких десятков человек патрулировали Киевский вокзал и электрички.

В Дружину пришел случайно, и, конечно, никаких великих целей в связи с этим приходом перед собой не ставил. Но ни капельки не жалею.

Я не поступил на биофак сразу: не добрал полбалла (тогда учитывали средний балл аттестата, а у меня было 4,5). Но Нина Николаевна Орлова, тогдашний замдекана по учебной работе, отобрала пять мальчиков с полупроходным баллом и стала выбивать для них дополнительные места в ректорате. Я попал в число этих пяти. Условий было всего два — не забирать документы из приемной комиссии (тогда нельзя было поступать по копиям — только по подлинникам) и не уезжать далеко, чтобы в случае чего сразу могли найти. Я и не собирался никуда, кроме биофака, год запаса от армии у меня был, поэтому надо было где-то провести август. Увидел в фойе биофака объявление об экспедиции сектора «Заказники» ДОП в августе по Подмосковью, пришел к Гале Луниной, и меня взяли. Это были короткие, не более недели, выезды в разные заказники: Гремячий Ключ, Белые Колодези, еще что-то и Белоомут. Беломошники, учет чилима — мне страшно понравились и места, и люди, и я остался.

А на биофак меня зачислили. 10 сентября. Спасибо Нине Николаевне.

Принесла ли работа в Дружине пользу природе и обществу? Очень сложный вопрос. Само общество за это время сильно изменилось. Но, как и раньше, в нашей стране от общества, от общественных организаций по-прежнему очень мало что зависит. Но все равно что-то делать надо, даже понимая, что очередная госкорпорация в два дня превратит любой заказник в бетонную площадку, если ее начальник захочет построить там свою дачу. Наверное, все же принесла, поскольку об охране природы стали больше говорить разные официальные лица и, что более важно, учитывать необходимость сохранения природных ландшафтов для развития некоторых сфер бизнеса, к примеру, экотуризма.

А что касается природы, то, несомненно, принесла. По-моему, ценность сохранения даже самого маленького природного уголка не ниже, чем принятия общероссийского закона об охране природы. Все же Дружина смогла прикрыть некоторые природные территории от разрушения, пускай не все, не полностью, не навсегда, но смогла. Потому что даже самый лучший закон об охране природы не будет нужен, если природы не останется.

Мне сложно разделить события и результаты, поэтому постараюсь осветить и то, и другое сразу. Конечно, были Всесоюзные дружинные конференции — по программе «Фауна» в Пушкино в 1980 г., был юбилей Дружины в декабре 1980 г., было постановление Мособлисполкома о создании сети из более чем двадцати фаунистических заказников на территории Московской области. Наверное, были и другие не менее значимые события. Но мне как важные запомнились: экспедиция в Талдом в мае 1980 на учеты журавлей по голосам (пеленгация пар по их дуэтным крикам); осенние учеты серых журавлей в Талдомском заказнике (заказник «Журавлина родина». — *Прим. ред.*), начатые в 1979 г; массовое обследование рыбхозов области для учетов водоплавающих и околоводных птиц и определения значимости этих мест для птиц в период миграций; начало обследования Мещёрской низ-

менности (весна 1980 г. — первая экспедиция); начало работы сектора БСБ по программе «Выстрел» (экспедиция на кораблике по р. Оке). Эта работа Дружины давала те необходимые знания, материалы, данные, которые были основой будущих важных событий и результатов.

Я не был кружковцем (о чем ничуть не жалею), я окончил очень сильную биошколу, но опыта полевой жизни и работы в экспедициях у меня не было. Это все дала Дружина. Умение вести полевой дневник, оформлять отчеты о выездах, проводить учеты по следам, даже определять водоплавающих — всё это от Дружины.

По Уставу Дружины каждый член ДОП являлся полномочным представителем Дружины и мог представлять ее и выступать от ее лица перед разными организациями. Каждый. Без всяких бумажек и удостоверений, без предварительной договоренности со Штабом. Меня приняли в члены ДОП, когда мне только исполнилось 17 лет. И я чувствовал эту ответственность. И доверие. И старался не подвести.

Сказать, что родственники относились к моему увлечению хорошо — не сказать ничего. Мой брат, Федор Володин, на три года меня младше, ездил на «Ель» чаще меня, сначала старшеклассником, потом студентом мехмата. А сестра, младше на 16 лет, не успела.

На первых двух курсах я ездил на выезды в среднем два раза в месяц. На третьем реже, наверное раз в месяц. На четвертом и пятом почти перестал — времени не хватало. Время на камералку, подготовку всяких бумаг и обсуждение разных дел оценить труднее, но иногда приходилось бросить все и ехать через пол-Москвы, невзирая на завтрашние занятия.

Ездили везде на свои деньги. Скидывались и ездили. Вроде бы, Дружина что-то подкидывала пару раз (едой в экспедициях, не деньгами), но помню смутно, поскольку жил с родителями и особых запросов не было.

Учеба, личная жизнь и работа сначала сочеталась неплохо. Но в начале 4-го курса времени на все стало просто не хватать. У меня был очень сильный шеф, интересные темы на курсовую и диплом, и мне нравилось над ними работать. Да и семья появилась. Поэтому из активного дружинника я превратился в пассивного.

И я, и моя жена (Лена Володина, ранее Сенновская) вместе были в Дружине, и иногда даже вместе ездили на выезды. Мы также учились на одном курсе, а после распределения на кафедры — и в одной группе. Так что это случилось бы и без Дружины.

С тех пор мы вместе уже 26 лет.

Ничего, что не нравилось бы, вспомнить не могу. Наверное, что-то было, но столько лет прошло, а память старается хранить только приятное.

В современном окружении у меня немало друзей с дружинных времен. Жалко, что не все — все же жизнь раскидала. Но иногда встречаешься лет через десять — и как будто снова вместе на выезде. Все же это наша молодость.

Нынешнему поколению Дружины хотел бы посоветовать жить весело! Чтобы в конце концов их «дети тоже не боялись паровоза!» (так звучал один из традиционных дружинных тостов, провозглашающих надежду на торжество прогресса.— *Прим. ред.*)

Маркина Надежда Вячеславовна,

кандидат биологических наук, редактор отдела науки интернет-издания INFOX.RU

В Дружине работала с 1979 по 1985 годы в секторе «Фауна», но ездила на выезды «Заказников», участвовала в елочной кампании, в «Подснежниках». Один год была командиром «Фауны». Думаю, что не лучшим из-за генетической неспособности руководить. Самыми популярными в то время были, на мой взгляд, сначала «Фауна», потом «Заказники».

В первые дни моего первого курса появилось приглашение на выезд в Талдом на осенние учеты журавлей. Я поехала, так же как и еще несколько первокурсников. Руководил выездом Витя Зубакин. Это был тот самый выезд, вскоре после которого мы узнали, что возник заказник «Журавлиная родина». И это так поразило нас, желторотых (казалось нам тогда, которые не знали всей предстоящей работы, что вот съездили — и сразу результат!), что почти все первокурсники, побывавшие в Талдоме, остались в Дружине. Так появилась наша замечательная компания: Илья Володин, Паша Басихин, Лена Сенновская, Анита Берг, Боря Шелига, Алла Блехман.

Я пришла, как и многие, из-за любопытства. Осталась, окунувшись в сообщество дружных, веселых людей, которые, к тому же делали нужное и интересное дело.

Полезьа от наших дел, конечно, была — в создании ООПТ, в составлении списков редких видов, в изучении природы Московской области, проектировании Мещёрского национального парка. Дружина занималась теми делами, которыми должны были бы заниматься государственные органы. Но раз они этого не делали, то кто-то должен был!

Дружинные выезды и экспедиции давали навыки полевой работы, практические знания по зоологии, ботанике, геоботанике — все то, чему мало учили студентов физиолого-биохимического отделения. Таким образом, Дружина делала из нас биологов ши-

рокого профиля. Это не пригодилось мне в узкопрофессиональном плане как физиологу ВНД, но очень пригодилось тогда, когда я стала заниматься научной журналистикой. И вообще, дало ощущение себя по жизни биологом. Для меня это важно.

Работа в Дружине учила общению с людьми, взаимодействию с разными организациями, в том числе бюрократическими, давала навыки общения с природой, полевой работы и полевой жизни. Она воспитывала настоящую преданность своему делу, учила самоотдаче. Мы на самом деле ставили интересы охраны природы выше личных интересов. Полностью выкладывались, забывали про свою личную жизнь, в том числе многие — и про учебу. Сейчас я думаю, что в таком отношении был некий перебор. Вероятно, это был фанатизм, когда мы все выходные проводили на выездах. С одной стороны, без такого фанатизма не было бы и результатов, но фанатизм, как любая крайность — это неправильно. Возможно, мы многое теряли для гармоничного развития своей личности в том возрасте, в котором мы тогда находились. Я думаю, что приобретали мы больше, чем теряли, но и теряли что-то тоже.

С Дружиной связана моя первая любовь, первые отношения. Возможно, было бы лучше, если бы в то время я могла выбирать. Но поскольку это был единственный круг общения, то выбора у меня не было.

К личной жизни стоит отнести и те крепкие дружеские связи, которые сохранились до сих пор. И песни под гитару, без которых мы себя не мыслили. Это образ жизни.

Родители идею поддерживали, но считали, что Дружина отнимает слишком много времени. Сестра не понимала. Друзья все были сами из Дружины.

В наше время серьезной физической опасности для дружинников не было. Но был некий драйв от того, что мы чувствовали себя своего рода диссидентами, что делали дело не под руководством государственных организаций, не по указке комсомола. В большой степени это касалось междружинных связей. Движение — это было некое братство, параллельная негосударственная организация.

Были некоторые моменты нарушения правил, например, подпольное ксерокопирование документов, размножение «дээспэшных» карт («ДСП» — материалы «для служебного пользования», первая ступень секретности.— *Прим. ред.*), распечатка информационных листов, «природоохранная маевка» и пр.

Мы слишком фанатично относились к некоторым вещам, например, к елочной кампании. Сейчас мне стыдно за то, что мы доводили людей до слез из-за отсутствия елочной квитанции. Это был юношеский максимализм. Для нас природа была, без сомнения, важнее человека. Сейчас для меня человек важнее.

Песни присутствовали в дружинной жизни постоянно. Мы все выучивали шесть аккордов на гитаре, которых было достаточно, чтобы петь бардовские песни. Они появлялись от одного, другого — и становились общими. Забавно, что очень часто не знали авторов. Пели песни Окуджавы, Городницкого (как раз их авторство знали), Визбора (вот его песни чаще ходили у нас без автора), Клячкина, Кукина, Сухарева, Берковского, Егорова. Более продвинутые пели песни Луферова (те, кто мог его сыграть). Влияние этих песен на нас было огромным — они формировали жизненные ценности, мировоззрение. И это не просто образ жизни «туристов у костра» — такое восприятие бардовской песни крайне примитивно. Да мы и не были туристами и даже туристов, как и всех прочих «рекреантов», немного презирали, как бездельников. Мы ехали на природу не отдыхать, а работать.

Гитару обязательно доставали в электричке. Даже в самых некомфортных условиях, сидя не на сиденьях, а в проходе. И начинался бесплатный концерт для пассажиров. В электричке хорошо шли громкие, «орательные» песни, большей частью про пиратов. А ночью у костра, когда в лесу шуметь как-то не хочется, пели всякую лирику. Пели абсолютно на трезвую голову.

«Сухой закон» в Дружине свято соблюдался, хотя со стороны мало кто в это верил. За пьянку на выезде из ДОП выгоняли. И ехали в лес или на охотбазу, в суровые условия, в болотниках и ватниках — и ни капли водки!

Песни дружинного фольклора — это особый мир. Для меня все они делятся на то, что было до Соболева, и песни Соболева. Первые — в основном переделки, когда в известной песне переделываются слова на свои, оригинальные. Создавать песни целиком — с музыкой и словами — это редко кто умеет, тем более так, как Коля Соболев. Все его песни невероятно талантливы. Это «авторский фольклор», задающий очень высокую планку. После нее переделки выглядят кустарно. При всем этом я далеко не все соболевские песни могу петь — не знаю, почему. Они для меня существуют как самостоятельная ценность.

С играми я столкнулась на своем самом первом выезде в Талдом. В электричке играли в «шарады» — эта игра, которая в разных компаниях ходит под разными названиями, но суть ее в том, что одна команда показывает фразу жестами, а другая отгадывает. Помню даже фразу из той самой первой для меня игры: «Серфильный трепетунчик витал над замызганной литоралью». На месте, в лесу или на базе, были другие игры, несколько brutальные: в «слона» и в «конный бой». Потом появилась безумно смешная игра «в МПС», все умирали от смеха, кроме тех, кто не знал отгадки и водил. А еще помню игру, менее распространенную, мы ее называли «в дельфина и дрессировщика».

Настольная игра «Шервудский лес» появилась так. Идея родилась у нас с Соболевым. Тут многое сплелось: Соболев, старший выезд, с температурой (краснуха!), которому было очень плохо, и он все время повторял: «Схороните Робин Гуда под зеленым деревом!» Это зеленое дерево было у нас где-то на стене нарисовано. Ассоциация дружинников с вольными стрелками, которые отстреливают браконьеров в заповедном лесу. Ну и дальше фантазия разыгралась до национального парка «Шервудский лес» (прообраз нацпарка «Мещёра»). Вообще, образ Робин Гуда как-то очень импонировал нам и вписывался в наше мироощущение. Игру довели до ума уже потом Кавтарадзе и Ко.

Квартальный столб — сакральное понятие для дружинников. Вообще-то вещь очень полезная, когда идешь с группой «зеле-

ных» первокурсников в неизвестный лес с клочком перерисованной от руки карты с квадратами (лесными кварталами. — *Прим. ред.*). И вот — о счастье! Столб! И можно свериться с картой и понять, в каком квадрате находишься. Бросаешься к столбу, а он — пустой! Такой столб заслуживал того, чтобы на нем что-нибудь написали. На пустом столбе полагалось писать: «Слава КПСС!» (а лучше — ножом выцарапывать). Этот обычай пошел после того, как блуждающая группа нашла столб, по которому собиралась-таки сориентироваться, и что же она увидела на столбе: СССР (крайне информативно в Московской области! Но, по крайней мере, границу не перешли! ☺).

«Большая красная труба» — это такой объект, который служит для ориентации, когда кому-то объясняешь, куда нужно идти, но объект коварный, потому что вокруг него можно ходить кругами и совсем заблудиться. Понятие связано с Олей Шекаровой, вроде бы она назначала место встречи у «большой красной трубы», которая оказалась водонапорной башней.

«Правила хорошего тона» были, но помню плохо. И «Словарь», в общем-то, тоже. Но очень хочется вспомнить.

Помню, как впервые была старшей группы на «фаунистическом» выезде. Со мной были две «зеленые» девочки. Мы не заблудились, но вернулись голодные, так как нам выдали с собой банку консервов, но ни у кого не оказалось консервного ножа. А обычным ножом я тогда открывать консервы не умела ☺. Потом, конечно, это казалось смешно — через полгода такое обстоятельство никого бы не остановило.

Раздел 3. 1980–1989 гг.

Головина Екатерина Владимировна,
журналист на ТВ

Вместо эпитафии:
ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!
(надпись на стекле в курилке
на 2 этаже зоны А биофака МГУ)

В 1980 году осенью начала работать в Дружине. Когда закончила — не помню, наверно где-то в 1989-м.

Была сначала кандидатом в члены ДОП, потом членом, потом заместителем командира в 1981–82 гг., потом командиром в 1982–83...

Пришла, будучи лаборанткой, провалившей вступительные экзамены на биофак. Широко общалась в кругу факультетского молодняка, познакомилась с Санькой Семеновой, тоже непуступившей лаборанткой, бывшей уже тогда активисткой в ДОП. Потом была первая поездка — суперразведка БсБ в составе: Блехман, Семенова, Головина (октябрь, ночь, холод, первый снег, Туголесье). Потом — первый выезд после этой разведки. И это определило судьбу...

Было очень много сил. И желания делать дело. Я вообще тогда сперва мало о чем таком глубоко задумывалась, уж если совсем честно. Просто мне было совершенно ясно, что место мое здесь, и никак иначе быть не может. И значит, надо все знать и все уметь, потому что принципы ясны и понятны — абсолютная классика. Можешь — делай. Делаешь — знай. Не знаешь — научись. Знаешь сам — научи товарища. Важен результат, а победителей не судят. И вперед! Те, кто кричал «вперед!», иногда оказывались безумцами, но их за это уважали, потому что это тоже было условием

игры. И если ты пришелся — ты уже «свой», и значит, за тебя будут все, а ты будешь за всех, не задумываясь. Да никто и не задумывался.

Выезды были в основном по Московской области и сопредельным областям (Мёщера), но были и дальние вояжи — например достопамятная экспедиция на Арнасай в 1982 г. Участвовали все, кто мог и хотел. О результатах коротко не ответишь, а формально не хочется. Работали, привозили материал. Выстраивалась картина окружающего нас мира с точки зрения его сохранения.

Когда я пришла в ДОП, командиром была Лена Краснова, не просто командиром — лидером во всех отношениях. Краснова, Зименко, Шварц (неизменный комиссар), Анита Берг... Плеяда сверкала, понятное дело — Зубакин, Букварёва, Щербаков, Шекарчик, Пося с Суханчиком, Соболев... Свои ощущения на первых порах я помню как постоянное ошеломление от людей и от идей, от стиля и духа, отношений и т.д. Позже — Вадик Мокиевский, Алка Блехман, Петька Наумов, Соловьев, Честин, Даушкевич, БПД и прочий неподражаемый БсБшный иконостас в полном своем блеске... Вообще, по количеству харизматичных лидеров этот период — начало 80-х — был, наверно самым ярким в истории ДОП. Еженедельные встречи в 5А — штаб, заседания секторов, разборы выездов — то, без чего ничего не варилось, а часто там варилось так, что искры летели. Спорили, бывало, и орали друг на друга — кто где чего «накосячил», кому и почему морду бреки (дружинный сленг, имеются в виду браконьеры. — *Прим. ред.*) набили на выезде, кто у кого куда людей переманил, почему это вдруг БсБ беркута увидел, а «Фауна» ищет-ищет, а ей не везет, как все на свете улучшить и при этом ничего не ухудшить — да ужас! Планы строили все вместе, а тем, кто затевал интриги, выказывали общее «фэ». Да и не было в ДОПе интриг, кроме амурных, понятное дело. Не надо никому было — ни карьера, ни стипендия от этого не зависели, хочешь — работай, не хочешь — не надо, дело твое. Взятся — делай. Не можешь — не берись.

Фольклором славился Соболев, создатель классики дружинного жанра, песни пели абсолютно все и где попало — например, многие были способны переорать шум в вагоне электрички на радость окружающим. Отлично помню, как Шекарчик преподавала нам, тогда еще новичкам, азы ДОПовской терминологии («ОНО», «фени», «хочешь, я покажу, где север», «Большая Красная Труба»...). Ну, и БсБшную фразеологию, конечно, забыть нельзя: «клиент», «догнать и помочь подняться», «прописать рыльной мази» и прочий брутальный сленг.

Груда грязных рюкзаков в рекреации на втором этаже около Доски (доска объявлений Дружины, или просто Доска, с большой буквы, — место общения дружинников. До появления Интернета и мобильных СМС-сообщений Доска служила также местом, куда прикрепляли именные записочки, и каждый дружинник, проходя мимо, проверял, нет ли ему послания с заданием или другой важной информацией. — *Прим. ред.*) в день отъезда на выезды чего стоила... « Кто не пришел в ДОП на первом курсе — у того нет сердца, а кто не бросил ее на третьем — у того нет ума...» ДОП считалась в среде рафинированных факультетских интеллектуалов сборищем веселых раздолбаев, часто двоечников, которые любят бродить по факультету в полной амуниции, нередко в болотных сапогах (особенно девушки), ездить куда-то, рассказывать потом про это всем кому не лень, собираться своим кружком, обсуждать, иногда при этом со страстей кипением, что-то планировать и мутить на досаду комитету комсомола. Вообще, ДОП не была так уж прямо открытым сообществом — многих не принимали как «своих», кого-то даже и высмеивали. В ДОПе и элита своя была, это бесспорно, и сознание своего «особняка» — мы-де ДОП, а вы кто?... И были люди на факультете, которые ДОП за это не любили. И традиционно — иногда и не в шутку противопоставление себя Агитбригаде («толку-то от них, а поем мы не хуже») и Оргкомитету школьной олимпиады («снобы, жизни не видали, грязи не месили, да еще и Доска напротив нашей!»). Но милые бранятся — только тешатся. ДОПовская вольница была очень, очень за-

разительна. И многие «соперники» не устояли перед этим, да еще и перед шармом ДОПовских девиц в сапогах и тельняшках.)))

Слушать голоса и определять всякий попавшийся след или пролетевшую птичку было хорошим тоном на всех выездах, включая БсБшные, и, кстати, как ни забавно, многие фаунистические редкости удавалось увидеть и открыть именно на выездах БсБ. В краеведении мало кто был силен, разве что Щербаков, а местное население обычно было поводом для юмора и фольклора, а также (имея в виду БсБ) обсуждалось в том смысле, что «вот знаменитая браконьерская деревня, здесь живут старые добрые клиенты»... Ну и фольклор пополнялся найденными в опросных экспедициях чудесами типа «ибрит» («ибрит» — в переводе с народного — это гибрид собаки и волка, эти жуткие звери и донные докучают местным фермерам хуже чупакабры. Слово подобрано в опросной экспедиции по поиску всяких чудес на Оку. Увековечено в опусе «Удивительное рядом». — *Прим. ред.*). А местное население частенько и приют давало, и кормило бедных студентов, и подвозило, на чем могло. Ну, и рыльной мази прописывало было дело.

Кильки в томате в магазинах не переводились. Бутерброды было принято делить на всех. Было такое пришедшее из кружковского сленга слово «лоханкизм» (в честь Васисуалия Лоханкина, кто не знает — наберите в Гугле), означающее тайное поедание общих запасов. Уличенные в лоханкизме теряли репутацию навсегда. А еще у ДОП-дам было принято щеголять хозяйственностью — привозить на выезды домашнюю еду. Особым декадансом в этом смысле отличалась Волошечка, способная сварить дивный кофе в крошечной турке на костре. И пирожки, боже, пирожки домашние, особенно в КЮБЗовский период «Фауны» — прикармливали деток, они помнят.

Байка.

Был такой хороший период в жизни ДОП, когда нам на выезды давали машины на БЭСМ МГУ (База экспедиционных и специальных машин, подразделение хозяйственной части МГУ. — *Прим. ред.*). Ооооо!!!... Демонстрация силы. У факультетского подъезда

два ГАЗ-66, в них с рюкзаками грузятся крутые люди в зеленом, со стволами в чехлах... Однажды перед майскими — огромным многодневным общим выездом — мы вот так грузились, вернее, трамбовались в крытые кузова. Действие «сухого закона» было, так сказать, в честь праздника, приостановлено. Ну и кое-кто из корифеев надрался в сосиску еще на факультете. Дорога в Белоомут дальняя, ветерок. В кузове, набитом народом, происходит такое внутреннее движение, кто-то что-то отсидел, народ потихоньку перемешивается, перемещается. И вот пересаживаюсь я наконец с какой-то жесткой «хрени» на хороший мягкий рюкзак. Уффф... Удобно. Сажу себе, машина на ухабах скачет, рюкзак из-под меня съезжает, я его пяткой в сапоге время от времени под себя подправляю. Почти доехали. И тут я с ужасом обнаруживаю, что из моего удобного рюкзака торчит волосатая рука с сигаретой! Одного из корифеев, оказывается, загрузили у факультета в машину как тюк, в бессознанке. И он долго спал, а потом проснулся и сделал приятное открытие — девушка на нем сидит. И, как джентльмен, решил девушку не тревожить. Это чистая правда.

Вадим Николаевич Тихомиров был просто если не сказать Богом, то истиной в последней инстанции. Персоной вне критики. Его действия и мнения просто принимались такими, какие они есть. Он всегда был в курсе, всегда имел несколько мнений, прогнозировал, анализировал, виртуозно разбирал всевозможные ДОПовские ситуации, среди которых по тем временам были и политически опасные. Своих не бросал никогда. И никогда он не был замечен ни в какой политической игре, никогда не боялся иметь и декларировать свое мнение, быть собой, и всегда собою оставался. И это у всех, даже у врагов, вызывало уважение. Могу-чая фигура. Всегда общался со всеми, мог обсуждать и глобальные катаклизмы и, так сказать, иные масштабы, типа, что делать с командиром, который опять провалил сессию. И имидж у него был, конечно, неподражаемый. Одна его пачка «Герцеговины флор» чего стоит. Безупречный интеллигент, но не всепрощенец,

извиняйте. Только такого и слушались лохматые буйные головы. Я помню его таким.

Инспекторские учения проходили здорово! Народу много. Всем весело. Девушки Зименку радостно бьют. Белая лыжня в лесу. Кюбза с бодуна куролесит. Дэн Милько в телогрейке и с ТОЗ-БМ. Мудрый лукавый щербаковский прищур. Протокольный бланк в ручонках дрожит, ручка не пишет. Ученье свет, а у кого-то и синяки. Сумерки, **ОЧЕНЬ ТЕПЛАЯ БАЗА**. Горячий чай в котелке на плитке. Спать охота. А надо зачем-то разбирать полеты. Разобрали. Развеселились. Девушки опять радостно бьют Зименку. Сплю в электричке у кого-то на плече.

С другими дружинами всегда общались. Конференции, письма, поездки, публикации, школы-семинары. Знать единомышленников считалось круто, были весьма масштабные труды по определению и восстановлению адресов ДОП, персоналий в других городах. Я хорошо помню эти бумажные простыни, покрытые исчерканными машинописными распечатками. На общие деньги покупались конверты. Письма были на бумаге, поскольку это был тот еще век. И о ксероксах тогда ходили только смутные слухи. Помню, были виртуозы машинописи (Роздина, например, если мне память не изменяет). И рассылки были чудовищных масштабов, когда несколько девчонок хором садились лизать конверты. И к конференциям подходили так, как сейчас не подходят к международным саммитам: программы писали, выверяли все, спорили, орали друг на друга. Ходили в ЦК ВЛКСМ, как в зоопарк. Были в движении и фигуры, так сказать междружинного масштаба — Шварц, Саяпина, Каюмов, Борейко, Краев, Затока, Тухбатова, Мухачев, Борискин... Герои главных дебатов, лидеры масштаба страны, блестящие ораторы. Прототипы будущих демократических лидеров, к счастью, ими не ставшие. На конференции съезжались отовсюду на чудом добытые деньги. Попасть на конференцию считалось большой честью. Я хорошо помню, как ехала в Свердловск на третьей полке. После конференций всегда возникали всяческие дружбы, и мы все остаемся до сих пор и

всегда той самой командой, что тогда возникла сама собой. У природы везде должны быть свои люди!

Были заказные антидоповские статьи в период войны с комсомолом и ВООП, документальное кино однажды про нас сняли («Студенты охраняют природу», ЦСДФ [Центральная студия документальных фильмов — крупнейшая советская киностудия документальной кинематографии.— *Прим. ред.*]), мы ржали по большей части над этим. Правда, были среди нас умные люди, которые уже тогда считали, что «без паблисити не будет просперити». Еще в перестроечные годы однажды возникла дискуссия в либеральных журналистских кругах на тему, хорошо ли это, когда студенты присваивают себе функции государства и идут охотиться на людей — на браконьеров и «елочников». И даже клеймили это явление как разрушительное для молодой психики.

Молодежный совет МГУ по охране природы — некая синтетическая структура, имевшая задачей как бы координировать внутриуниверситетскую общественную природоохранную активность и сохранять ее в духе лояльности. Наверное это было явление политически необходимое, но, на мой взгляд, исключительно тухлое и малоэффективное. Мы всегда ожидали от работы с МСОП куда больше толку, чем это получалось на практике. У меня (хотя я туда, конечно, таскалась по должности) никогда с ними не получалось — ни работать, ни общаться. Как сейчас принято говорить, был «не мой формат». Но были и люди, у которых хватало терпения и усидчивости. Где-то как-то деньги находили на конференции, публиковались. Польза, в общем, была. Но мне там было скучно.

День рождения ДОП в декабре, как правило, сопровождался учениями БСБ и веселым шумством по их окончании. А юбилейный выезд ДОП (двадцатилетие) был первым массовым действием, в котором я участвовала. Юбилей ДОП сопровождался грандиозными междружинными тусовками.

Дни рождения людей часто отмечались на выездах, с песнями и угощением. Иногда — огромной толпой у кого-нибудь на квартире, опять-таки с песнями и шумом. Было хорошо.

В ДОП у меня сложилась семья, круг ближайших друзей, отношение к жизни и работе, очень многое обусловило карьеру: на ТВ пришла в экологическую программу, в новостях НТВ специализировалась на сюжетах на социально-экологическую тематику, знание материала определяет активность до сих пор.

На первых двух курсах в каждую сессию едва не вылетала из университета. Станислав Васильич Куст (начальник курса) крови моей хотел весьма активно. Распределилась на кафедру ЗП (зоологии позвоночных.— *Прим. ред.*) с четырьмя (!) выговорами за неуспеваемость — для того, чтобы вылететь, было достаточно трех. Но к моменту распределения на кафедру была избрана командиром. И это, как ни странно, при общем кафедральном раздражении в адрес ДОПовских лидеров-раздолбаев, сыграло мне в плюс, а не в минус.

Никогда не забуду свой первый выезд в Талдом, когда Мила Волкова беспощадно подняла нас с Лилькой Симиновской в пять утра, потащила в сырую тьму на первый автобус. Как мы сидели в мокром стогу сена, пили чай из термоса и ели кильку в томате в промозглом тумане, и как низко-низко над нами в этом тумане почти бесшумно проплыли первые в моей жизни журавли...

Как мы однажды с Саней Ладыгиным и Анькой Несис зимой в Темпах, после длинного маршрута, так и не найдя никаких следов рыси, замерзшие до ужаса, опаздывали на последнюю электричку, но очень хотели домой. И полезли — в мороз, с рюкзаками и лыжами — по обледенелым приоткрытым створкам Темповского шлюза туда, на противоположный берег канала, где была железнодорожная станция. И как у Аньки, шедшей за мной, закружилась голова, и как я кричала ей с одного берега «Держись, не отпускай железку!», а Саня, шедший вслед за ней, с другого берега орал: «Брось лыжи, хрен с ними!». И как мы оба полезли ее спасать с двух сторон, а она собралась с духом, выдержала и дошла. И как нас пожалела тамошняя милиция, наблюдавшая издалека за этим подвигом. И как мы оказались в конце

концов, в этом самом последнем поезде, в тепле, с последним яблоком на троих...

И как на Шатурских карьерах первый и единственный раз в жизни я увидела, как выглядят дырки в стволах ружья, направленного прямо на меня и моих товарищей...

И еще. Осень, ноябрь, окончание длинного маршрута где-то вблизи Черустей, в каком-то невероятно дальнем углу почти безлюдных лесов, болот и карьеров. Тьма и дождь, холод, заброшенная станция древней узкоколейки, ржавые рельсы, стрелка, контур старого семафора. Во тьме угадывается какое-то жильё, а мы садимся в автобус-ПАЗик — у него там конечная, и нам жутко повезло. Мимо нас под дождем, тяжело шаркая сапогами, идет человек, и в руках у него покачивается стеклянный железнодорожный фонарь со свечой внутри — просто как в каком-то фильме. И теплый свет от этого фонаря выхватывает из мокрой тьмы какие-то детали, окончательно добывая всяческую реальность.

Сколько их у нас было — выездов, экспедиций, приключений, авантюр?

— Стремительно летящая тьма за окном электрички, брызги дождя в лицо, тяжесть мокрого рюкзака, желанный огонек костра впереди — а там нас, конечно же, ждут. Осень.

— Белая неверная лыжня, ломкий наст, горький чай из термоса, запах паленой телогрейки, чьи-то следы на снегу. Зима.

— Зеленый нежный дымок на ветках, резкий крик чибиса, темная вода черноольшаника, тлеющий костерок из прошлогодней травы, роящиеся в голове планы, отчаянный счастливый холодок внутри. Апрель.

— Непролазные крапивные дебри, тихая торфяная глубина с розетками листьев, комариный писк, гудящие от усталости ноги. Лето...

Фонарик покачивается. Живем дальше.

Мюге Николай Сергеевич,

кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник сектора молекулярной генетики гидробионтов ФГУП «ВНИРО»

В Дружине работал с сентября 1981 г.. На первом курсе в первую же неделю сентября моя одногруппница Галя Левицкая позвала поехать на учет журавлей в Талдом. Из той поездки помню только кучу народа, ночующего в избе, красоту журавлей, и почему-то Шварца с ножом на поясе. С этого воскресенья на первом курсе не пропустил, кажется, ни одного выезда ДОПа в течение нескольких месяцев. Через некоторое время спросил Галку, почему из всей группы она тогда позвала только меня — и получил забавный ответ: «Все первого сентября пришли на биофак в туфлях, а ты — в турботинках. Вот я и подумала, что наш человек». За полной профнепригодностью и незнанием ни птичек, ни травок, к началу октября переместился в БсБ. Помню первый выезд с БсБ в Губино — два дня шел сильный дождь, приходилось кроме рейдов, бороться за быт и обеспечивать тенты, костер, дрова и прочее. Одно из приятных воспоминаний — после этого выезда нам с Катей Головиной вынесли что-то типа благодарности, которую вывесили на доску ДОПа (не помню, с какой формулировкой).

Был командиром сектора БсБ в течение одного года. Командиром был плохим, хотя ездил много и старался что-то делать. Но были две причины: во-первых, были «старики» (по тем временам, кажется, уже не студенты — Наумов, Степаницкий, кто-то еще, которые все знали и делали лучше, и моя роль при них была достаточно формальной. Второе — к этому времени (конец третьего курса) научные интересы начинали преобладать над общественной активностью и с БсБ никак не вязались.

Я бы сказал, что в наше время и «Фауна», и «Заказники», и БсБ были одинаково активны, и народ из одного сектора постоянно ездил на выезды других секторов.

Помню экспедицию БсБ на речном трамвайчике по Оке, учеты рыбаков на зимней рыбалке с кукурузника, междружинную конференцию в Казани в 1982 году. Помню несколько ярких эпизодов на выездах БсБ, когда приходилось разоружать нескольких здоровых мужиков, имея при себе лишь удостоверение общественного охотинспектора и ракетницу. В современной терминологии, это был хороший психологический тренинг. А вообще воспоминаний, конечно, много — и о людях, и о ситуациях.

Что касается пользы для общества — безусловно, она была. Все-таки природоохранное сознание необходимо, и биологам в первую очередь. Еще Дружина давала выход общественно-полезной энергии для студентов, у которых имелся избыток этой самой энергии, и направляла эту энергию в осмысленное русло. Иначе бы энергия ушла бы в какие-нибудь комсомольские начинания или другую лабуду. Такой же полезной организацией в то время был ОК — Оргкомитет школьной биологической олимпиады МГУ, и из него вышло немало достойных людей. Что касается пользы для природы — то основная польза все-таки была от создания охраняемых территорий, несколько меньшая — от фаунистики (где, скорее, доминировала научная деятельность — всякие подсчеты и учеты, примеров реальной пользы пернатым я не припомню). Пользу природе от деятельности БсБ оценить довольно трудно — все-таки мы дублировали (хотя иногда более успешно) специально созданные государственные структуры. В качестве «реальной помощи» помню, как мы по наводке егеря ездили брать местную «шишку» на лосиной охоте: сам егерь по известным причинам брать его не мог.

В профессиональном же плане вряд ли Дружина что-то дала. На место работы не повлияла, хотя первым моим местом работы на 5 лет был ВНИОПИЗД — Всероссийский Научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела. Но только потому, что в нем был халтурный первый отдел, а все более солидные заведения для меня были тогда закрыты.

Учебке Дружина, наверное, мешала, но не катастрофично. Если бы не Дружина, то учебке мешало бы что-нибудь еще... Работать в те годы не приходилось, поэтому жизнь не делилась на части — приходили на занятия в субботу в болотниках, и сразу после пар ехали на выезд.

Про политическую роль — ДОП, как и ОК, всегда был некоторой политической вольницей, чем откровенно привлекала. Впрочем, и биофак тогда представлял собой достаточно вольное по сравнению с другими факультетами и институтами поселение — даже стукачи были немногочисленны и незловредны. В качестве иллюстрации: комсоргом нашего курса был тогда Володя Шитиков — очень славный парень и активный участник агитбригады. Раз в год он ко мне подходил с заданием от Игоря Сергеева (комсомольского вожака факультета) — провести со мной беседу и убедить меня вступить в комсомол, так как я был единственным не комсомольцем на курсе. В результате на вопрос «Будешь вступать?» Володя получал ожидаемое «нет», ставилась галочка о выполненном задании, и разговор переходил на более приятные темы.

Для нынешних дружин есть два совета: а) если думаешь, что Дружина отнимет много времени и помешает учебе, то это неверно — жизнь надо утрамбовывать делами, и тогда на всё найдется время; б) даже в группе ты должен всегда быть собой и за себя отвечать. Не надо отбирать старую двустволку у местного дедка в глухой деревне или елку у тетки потому, что она потеряла на нее квитанцию — будьте людьми, а не ментами. Не позволяйте в себе проснуться менту.

Яницкая Татьяна Олеговна,
сотрудник WWF России

Знала о Дружине, еще когда училась в старших классах школы — так получилось, что в конце 9-го класса мой отец привел меня к Д. Кавтарадзе, чтобы я поучаствовала в программе «Экополис» в Пущино, чем я и занималась. От Кавтарадзе, Зубакина, Красновой, которые тоже участвовали в программе, я и узнала про ДОП, а в конце 80-го, опять же, еще учась в школе, попала на конференцию, посвященную 20-летию юбилею ДОП, все в том же Пущино.

А вообще этому предшествовало обостренное с детства сочувствие живой природе и желание ей помочь. Откуда оно взялось — не знаю. Может быть, оттого, что с самого раннего детства (буквально лет с двух) моя бабушка меня регулярно водила в лес.

Работала в Дружине с 1981 (активно — с 1982) по 1986 (или 87) год. После чего почувствовала, что «переросла» эту форму. Но продолжала участвовать в природоохранной деятельности в других формах, а с 2000 г. — профессионально.

Чем еще памятно? Да всем. Дружина плотно вплелась в студенческую жизнь со всеми ее атрибутами, свойственными биофаку.

Не думаю, что я тогда понимала, какие проблемы стоят наиболее остро. И не думаю, что направления работы в Дружине их отражали. На мой взгляд, ближе всего к решению проблем природопользования стояла деятельность сектора «Заказники». Создание новых ООПТ и контроль их состояния были актуальными и тогда, и сейчас, и будут актуальными еще многие годы. Но ни сейчас, ни тогда Дружина не занималась (или занималась очень мало) проблемами ядерной энергетики (и вообще энергетикой, в том числе альтернативной), загрязнения, чрезмерной эксплуатации ресурсов, не говоря уже о климате.

Командирами были Зименко, Головина, потом я, потом Честин (кажется, так).

Помню забавный момент, когда я только поступила на био-фак и проходила какое-то собеседование в комитете комсомола. Тогдашний секретарь Комитета Лена Золотухина спросила меня, какой общественной работой я хотела бы заниматься. Я ответила, что хотела бы работать в Дружине по охране природы. На что Лена ответила, что работа в Дружине — это, в общем-то, не общественная работа, потому что это приятное занятие, а вот какой **ОБЩЕСТВЕННОЙ** работой (читай, скучной и неинтересной) я хотела бы заняться?)))

Как-то раз зимой мы с Данилой Борщевским (к несчастью, он вскоре погиб, совсем молодым) не смогли вовремя выбраться из леса, потому что у него сломались лыжи, а снег был глубокий, и шел он по нему без лыж очень медленно. И на карту мы посмотрели неправильно: нам казалось, что до поля километр, а оказалось — два. Зимой в снегу без лыж, без дороги, с коротким световым днем это «большая разница». А еще мы жили тогда на базе школьного кружка, и, уходя в маршрут, я взяла коробок спичек, и чтобы проверить, есть ли там спички, потрясла его около уха. Гремит. Значит, спички есть. А когда мы на маршруте этот коробок открыли, то оказалось, что там ... тыквенные семечки. Кружковцы для чего-то собирали и в спичечный коробок сложили. Мораль: не все то спички, что гремит))). То есть, и костра нам было не развести. Короче, на поле мы с Данилой вышли уже в полной темноте, он совершенно измучился, дальше идти не мог, и в итоге мы ночевали в стогу. Ребята, это очень противно! Солома слежавшаяся, мы с трудом выцарапали тесную ямку на двоих, она жесткая, колется, от нашего тепла снег на ней начал таять и капать на нас, так что было еще и сыро — короче, минимум удовольствия. А когда мы утром встали, то обнаружили, что находимся в двух шагах от дороги. Тогда мы уже быстро добрались до базы. До сих пор у меня хранится альбомчик-«раскладушка» с фотографиями и смешными подписями, который коллеги по этой экспедиции (Юля Саяпина, Лариса Аксенова и др.) сделали в память об этом событии.

Я очень люблю сыр. Как-то в одну из экспедиций я накупила плавленых сырков, и Коля Соболев спросил меня: «Ты что, будешь их каждый день есть?». Я ответила, что буду три раза в день их есть! Забавно, что в этой экспедиции Коля Соболев оценил плавленые сырки и тоже стал их есть регулярно).

До Дружины (и в самом начале работы в ней) я, будучи довольно-таки «домашним» ребенком, не понимала прелести полевой жизни, костров, палаток, болотников и пр. Именно в Дружине я училась азам практической деятельности, организационной работы, работы в коллективе, составления документов и т. д. Сейчас работаю в WWF, занимаюсь, по сути, тем же, чем и в Дружине занималась — практической охраной дикой природы.

Пользу от работы Дружины трудно оценить. По заказникам — думаю, да, несомненная. Многие созданные тогда не без участия Дружины заказники и сейчас действуют. Но основную роль Дружины вижу все-таки как «кузницы кадров» для будущей профессиональной природоохранной деятельности в последовавшие времена. Сейчас в профессиональных природоохранных НПО множество выходцев из Дружины моего и близкого поколений (уже названные Честин, Шварц, Зименко, Соболев, Ярошенко, Крейндин, Аксенов, Зубакин, Зубакина, Краснова, Пахорукова, и др.)

С учебой более-менее работа в Дружине сочеталась. Главное — не прогуливать занятия, это Дружина в основном позволяла. На 5-м курсе, правда, мне было тяжело — зимой была огромная дружинная конференция, которая отняла массу сил и времени, и потом с дипломом было немного трудновато. Но ничего, прорвались.

Я думаю, что это прежде всего вопрос организованности. Я знаю много людей, которые вполне успешно сочетали активную работу в Дружине с хорошей учебой. И двоечников, которые не работали в Дружине, тоже знаю. А вот припомнить двоечников, которые бы были активными и «значимыми» дружинниками, куда сложнее. Хотя, конечно, бывали у активных дружинни-

ков трудные моменты в этом плане. И тогда друзья-дружинники дружно (сколько однокоренных слов подряд ☺) приходили на помощь — было традицией помогать «своим» доделывать курсовые и дипломные работы.

А еще Боря Шелига давал мне какую-то характеристику (для поездки за границу, что ли, — уже не помню) и вместо «серьезная студентка и активная общественница» написал «активная студентка и серьезная общественница».)))

Крейндлин Михаил Леонидович,

руководитель программы по особо охраняемым природным территориям Гринпис России

В 1985 г. пришел в Дружину. Весной 1986 г. приняли в кандидаты и члены. В 1998 г. формально вышел, но активно сотрудничал примерно до 2006 года.

В 1986–1988 гг. был пик развития дружин: больше всего людей и направлений:

- БсБ;
- «Фауна»;
- «Заказники» (то исчезали, то появлялись);
- «Первоцвет»;
- «Ель».

Сектор «Заказники» возник вновь в 1987 г. на факультете почвоведения (в Дружине биофака МГУ этот сектор возник существенно раньше.— *Прим. ред.*). Тогда было три дружины в МГУ: на биологическом факультете, географическом и на факультете почвоведения. Дружины факультета почвоведения и ДОП биофака плотно сотрудничали. Командир Дружины факультета почвоведения Вера Чуенкова (сейчас заместитель директора национального парка «Лосиный остров») вела сектор «Заказники» в ДОПе.

В Дружину я попал следующим путем. С 1982 года посещал кружок во дворце пионеров (с реальной природоохранной направленностью) и в МГУ. Примерно в девятом классе решил, что природоохранная деятельность — это то, чем хочу заниматься в своей жизни. Мало что еще про это знал, но в кружке были люди из Дружины. Основные природоохранные кружки тогда были:

- во дворце пионеров;
- кружок юных биологов зоопарка (КЮБЗ), откуда много дружинников пришло;
- кружок при Всероссийском обществе охраны природы.

Алексей Ярошенко — сейчас мой начальник — привел меня в Дружину. Он был тогда в десятом классе, а я — в девятом. Это было первое знакомство с Дружиной. Потом Алексей Ярошенко в армию ушел, и я на какое-то время Дружину потерял. А в декабре, когда началась операция «Ель», одноклассники из КЮБЗа снова притащили меня в Дружину, и тогда я уже остался окончательно.

На биофаке Дружина была очень известна. Тут было три возможности проявления какой-то общественной активности:

- Дружина;
- оргкомитет биологической олимпиады;
- агитбригада. Все три есть и сейчас.

Многие, кто приходили на биофак, распределялись между этими тремя организациями. Комсомолом биофака это поощрялось: пусть будет общественная активность. Когда человек поступал на биофак, было собеседование по профподготовке. Должны были сидеть представители от комсомола, реально сидели представители от этих организаций. Там поступившие в основном и выбрали, в чем будут участвовать.

Вообще в СССР было мало чего. Было Всероссийское общество охраны природы — почти государственная структура, очень формальная. Так что кроме дружин природоохранной деятельностью никто не занимался.

Был Молодежный совет МГУ по охране природы. Там были люди с самых разных факультетов. Видимо, создали, чтобы была прослойка между дружинами и ректоратом, чтобы взять нас под контроль. Реально совет пытался «рулить», что не редкость. «Рулить» не получалось. В итоге, видимо, почти все должности там заняли бывшие дружинники, а потом он сам по себе умер.

В общем-то, дружинами-то все время пытался кто-то рулить, но ничем это в итоге не кончалось.

С госструктурами было продуктивное взаимодействие — Дружину не закрыли, не ликвидировали, никого не посадили, даже помогали иногда. Но в основном это было противостояние, и главное было, чтобы не мешали.

В 1987 году была самая крупная конференция дружин — участвовало около пятисот человек. Ее полностью проспонсировало ЦК ВЛКСМ, но на этой же конференции с ЦК ВЛКСМ окончательно порвали.

В то время было эффективное взаимодействие между дружинами, электронной связи не было, и, тем не менее, координация была очень четкой. Общались по почте. Все зависит от людей. Были люди, например, Свет Забелин, — они на самом деле стояли у истоков движения. Они были старшими товарищами, которые осознавали необходимость координации. Стабильно, раз в 2 года, проходили конференции, иногда через структуры комсомола. Были и междружинные программы.

Если в Дружине проблемы, например, поймали ректора на браконьерстве (такой случай был в одной из дружин страны. — *Прим. ред.*), то быстро организовывались кампании с письмами и т. д., и это реально работало.

Основные причины спада движения после конца 1980-х, как мне кажется:

1. Рост общественной активности. Появление новых экологических организаций недружинного типа: локальных или на более высоком уровне. Например, в 1987 г. был старыми дружинниками организован СоЭС — более профессиональная, почти политическая организация (были попытки и кардинально реформировать саму Дружину — выпускники посчитали что то, чем традиционно занимается Дружина — это неинтересно, но Дружина на это не пошла). Появлялись и другие организации. Туда многие стали уходить.

2. Общее экономическое состояние людей. Студенты могли получать стипендию и при этом даже ездить на выезды. Теперь то время, что они могли тратить на дружинную работу, они стали тратить на зарабатывание денег.

3. Исчезла «идеологическая составляющая». В школах в СССР говорили, что общественная работа — это хорошо и полезно. Вот

ребята приходили в вуз, и тут такая хорошая организация. А теперь об этом в школах говорить перестали, и какая-то часть людей отпала из-за этого. Студенты стали более прагматичными.

Отличием от других экологических организаций было то, что если есть проблема, то к ее решению в Дружине применялся комплексный, в некоторой степени научный подход.

Практический подход к решению всякой проблемы эволюционировал. Вот БсБ. Начали ловить. В 20 лет (Дружины.— *Прим. сост.*) поняли, что бессмысленно просто так ловить. Начали исследовать социальное лицо браконьера, различные социальные, экономические, юридические аспекты браконьерства. Получилась целая программа — «Выстрел». Все это было написано, опубликовано. Согласно этому стали обучать других, сейчас я с Гришей (Григорий Куксин.— *Прим. сост.*) веду семинары по БсБ ровно по той же схеме, по которой когда-то учили нас. Системный подход превалировал фактически по всем направлениям. Это все было очень близко мне.

Я начал с операции «Ель», затем быстро перешел в сектор «Фауна», а оттуда в сектор «Заказники». Сначала хотелось в лес, смотреть птичек, заниматься практической работой. Но потом стало понятно, что если не будет каких-то бумажек, если не сделать на этом месте заказник, то никакого результата и нет.

Вообще обучение в Дружине подводило к тому, что любая работа должна быть закончена. Все те работы, в которых я принимал участие, строились по такому принципу. Конечно, не все удавалось сделать. Конец 1980-х были пиком по созданию охраняемых природных территорий. Я лично за два года почти самостоятельно написал Положения и даже частично согласовал около десяти ООПТ. К сожалению потом, после 1990-го года, это стало почти невозможно, так как правительство Московской области решило, что хватит. С тех пор почти ничего не делалось. Хотя это было почти поставлено на конвейер, и все знали, что этим занимается Дружина, и воспринималось это вполне хорошо. Стало понятным,

что с созданием заказников не получается, но важно пытаться не допустить их разрушения. И Дружина активно этим занималась. С начала 90-х годов это было особенно актуально, так как была проведена реформа лесного хозяйства — разделили лесные и лесопромышленные службы, до этого они были все вместе. И те, которые лесные, вдруг выяснили, что денег им стало сильно не хватать, так как раньше они получали их от рубок леса, а рубки, по крайней мере промышленные, у них отобрали. Они не придумали ничего лучше, как проводить так называемые рубки ухода, которые формально не были направлены на заготовку древесины, но принципиально ничем не отличались. А еще выяснилось, что лес в Московской области остался только в заказниках. И вот они радостно бросились их рубить, пытаясь всячески не замечать, что их рубить нельзя. И вот с 1993 по 1996 годы у нас была очень мощная кампания по борьбе с этими рубками, в результате кончилось тем, что рубки в заказниках Московской области практически прекратились... Ну, много чего мы делали. И заказники в большой степени удалось сохранить и много кого наказать. А принцип тот же, как и сейчас для меня в рамках работы в Гринписе.

Да, кстати, еще один важный момент состоит в том, что до конца 1980-х годов фактически не было никакой природоохранной службы. Вот за что еще активно боролись дружинники, и не только дружинники, — это создание государственной природоохранной службы. То есть формально она была, но она была раскидана между разными ведомствами, одни только заповедники находились в ведении четырех ведомств, национальные парки отдельно — полный бардак. Благодаря усилиям дружин научной общественностью был создан Госкомитет по охране природы. Тут же выпускники дружин бросились туда работать. И во многих регионах, частично и на федеральном уровне, стали работать бывшие дружинники. В частности, и я. Так получилось. Ну, поскольку больше некому было. Тут тоже было все плохо. Как любая новая государственная структура того времени, она в большой степени

формировалась из бывших сотрудников партийных органов, потому что нужно же было их куда-то девать. Вот новая госструктура — почему бы не туда? Поэтому профессионалов там было изначально мало. Но тем не менее некоторым удалось попасть. И там, где дружинники работали на этих должностях, работа реально велась. Сейчас, к сожалению, мало что осталось, почти ничего.

В 2000 году вообще все стало плохо. Фактически первым указом Путина стала ликвидация Госкомэкологии России. Мы уже тогда поняли, что ничего хорошего от этого ждать не приходится. Правда, в 2004 году они (чиновники. — *Прим. сост.*) посчитали, что это было неправильное решение, создали Росприроднадзор, но все равно это совсем не то. То есть в Госкомэкологии, когда мы работали, хоть и говорят, что был полный бардак в стране и все было очень плохо, нам было хорошо. Во-первых, было очень развитое природоохранное законодательство, которое мы в большей степени формировали — была такая возможность. Во-вторых, наш Госкомитет по охране природы мог делать все. Мы нефтяные вышки закрывали, начальников сажали... Не то, чтобы у нас все получалось, но никто не бил по рукам. Была ситуация, когда председателю пришло прямое указание премьер-министра провести экспертизу и выдать положительное заключение, на что мы написали бумагу, что, извините, закон не позволяет. И все. Сегодня такое в принципе невозможно, все делается по звонку...

Дружины с самого начала обращали внимание на глобальные проблемы — это правда. При этом всегда было четкое осознание того, что есть дела, которые мы можем делать, и такие, которые не можем. Всегда какое-то равновесие создавалось: да, мы пытаемся осознать все проблемы в целом, да мы пытаемся на них влиять, но основная наша работа — это непосредственно здесь, то есть то, что мы реально можем сделать своими руками, и результат, которого мы реально можем добиться. Немножко сложно говорить. Понятно, что о всяких глобальных проблемах думали скорее выпускники дружин. Хотя и дружины в этом участвовали, насколько можно. Пытались, по крайней мере. И некоторые удавалось Дружине

решать. Был в конце 1980-х годов такой странный эпизод. Уже не помню, каким образом в руки Дружине попал план с огромным количеством ГЭС по всей России. Он действительно был секретным, тем не менее его быстро нашли, каким-то странным образом удалось быстро опубликовать, писались какие-то письма, и в результате он не был реализован. А сейчас он опять реализуется. В 2008 году утверждена программа развития ГЭС, которая фактически полностью включила в себя тот проект. Сейчас уже некому его «валить». Мы пытаемся, даже несколько наиболее одиозных ГЭС удалось из него исключить. Сейчас очень сложно работать, тогда все было намного проще.

Пример такой системной работы — это операция «Первоцвет». Начиналась она с совершенно видимой проблемы — много редких растений продается в Москве, в других городах. Сначала общественные инспектора просто бегали, ловили торговцев, потом поняли, что ловить-то можно, но почти бессмысленно, потому что нигде это не запрещено. В результате через ВООП было «пробито» решение Мосгор- и Мособлсполкомов, которое полностью запрещало продажу дикорастущих растений в Москве. Таким образом была создана правовая база. Начали работать по ней. Мы создавали «эффект присутствия», но решить полностью проблему не могли. Как цветы продавали, так и продолжили продавать. В конце 1990-х с этим стало совсем плохо. Видимо, сказались и экономическая ситуация в тех регионах, откуда привозили — а привозили в основном с Крыма и Кавказа, это было более-менее известно. Стало понятно, что работа стала бессмысленной, так как у них уже налажена система торговли: кто собирает, кто привозит, кто продает. На каждой станции стоит бабушка с тремя букетиками и ее можно пятьдесят раз ловить, а у нее где-нибудь партия в пять тысяч цветов лежит. Значит, поймать ее невозможно, отследить тоже невозможно. Стали думать, как с этим бороться. Было несколько координационных совещаний в Харькове, в Белгороде. Поняли, что есть система. В Крыму кто-то

собирает. Местным дружинникам удалось все разузнать. В сборе сыграл роль экономический фактор: крымские татары, которых в свое время оттуда выселили, стали активно возвращаться из Казахстана. Никаких экономических основ существования у них на новом месте не было. Они покупали дома, возвращались в свои деревни, а делать им там нечего. Понятно, что самое простое — это природные ресурсы. Летом они могли жить за счет туризма, а зимой, ранней весной — за счет первоцветов, которые пользуются большим спросом. Была хорошо налаженная система: собирали, дальше были перекупщики, которые скупали это все большими партиями и везли дальше.. Когда это поняли, то решили, что нужно перекрыть оптовый привоз. А возят как? По железной дороге, потому что самолетами совсем дорого и много не привезешь, а поездами нормально. Тогда одновременно в Крыму, Харькове, Белгороде и Москве попробовали перекрыть железную дорогу. В Крыму проверяли при посадке. В Харькове и Белгороде — на таможне, а в Москве — пока поезд не разгрузился. Это был 1997 год. Мы тогда как раз ездили в Крым, чтобы помогать ребятам в работе, тогда эта идея и родилась.

В Москве в это время как раз создали экологическую милицию. Создать-то ее создали, а чем она должна заниматься — непонятно. И мы как-то на них вышли и сказали: «А давайте вы будете проверять поезда!». Первый год был не очень удачный, хотя несколько крупных партий все же сняли. Уже в 1998 году все было обговорено, они (экологическая милиция.— *Прим. сост.*) включили в свои планы действий «Первоцвет». Параллельно наши коллеги из Белгородской дружины договорились через всякие госструктуры с таможней: без специального разрешения такой ввоз в страну был действительно воспрещен. И они с таможенниками проверяли поезда. А мы встречали их в Москве. Причем часто работали без милиции, поскольку сами были общественными инспекторами и имели право составлять протоколы. Выяснили, что часть нарушителей из поезда даже не выходит, а едут сразу в отстойники и там разгружаются. Стали ездить в отстойники, очень романтично.

Потом стали работать на Кавказе: на абхазской таможне, а также по пресечению сбора цветов в Кавказском заповеднике и Сочинском национальном парке. Решили начать научную работу. В тех местах цветы, занесенные в Красную книгу, местами растут массово. Был сложный моральный момент. Люди, которых мы ловили, говорили: «Что вы тут нам рассказываете? Подснежники эти можно косой косить, они от этого только лучше растут!». Объяснить сложно, что они везде очень редкие, но локально — вот на этой поляне, их очень много, и они там действительно растут постоянно и в числе не уменьшаются. Тогда мы стали проводить работу по изучению влияния сбора на цветы. Работа многолетняя, она до сих пор ведется. Например, Аней Комаровой. Это пример системного подхода. И действительно, подтвердилось то, что ничего хорошего от сбора «краснокнижников» не происходит.

А в результате кончилось это тем, что московская милиция настолько привыкла к этой работе, что в последние годы уже без нашего участия объявляет операцию «Первоцвет». Причем все подразделения, не только экологическая милиция, ставились на уши. В конечном итоге цветы в Москву возить перестали вообще, так как вероятность прибыли от этого дела стала крайне мала. Таким образом, проблема практически исключительно силами дружин была снята.

Талдом — тоже показатель. Откуда собственно взялся Талдом? До конца 1970-х гг. никто не знал, что существует такое замечательное место — «Журавлиная родина», а главное, что никто не знал, что в Московской области есть журавли, то есть считалось, что их нет. И как раз Дружина проводила конкурс «Беркут-78» — рассылала анкеты, собирала сведения о птицах, в основном хищных, а также о других крупных, в том числе журавлях. И вот от инженера лесхоза поступила информация о том, что он каждый год наблюдает на болотах около двадцати журавлей. А незадолго до этого в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№8 за 1977 год) появилась статья журналиста и биолога Ростислава Дормидонтова, который говорил, что он в том же Талдомском районе

видит несколько тысяч журавлей. Стало интересно. Туда поехали — да, действительно есть журавли, да, около трех тысяч птиц собирается на полях каждую осень, а в болотах они действительно гнездятся, но самое главное, что все это скоро кончится, потому что уже есть утвержденный проект по мелиорации всего болота (Дубненский болотный массив.— *Прим. сост.*). Причем по тем временам мелиорация была делом всенародным и бороться с ней было практически невозможно. Но, тем не менее старшие товарищи как-то ухитрились за один год добиться создания заказника «Журавлиная родина». Для меня до сих пор загадка, как это можно было в тот момент сделать. Была очень мощная пиар-компания, заручились поддержкой района, которому не очень-то хотелось, чтобы у них последнее клюквенное болото мелиорировали. Словом, как-то удалось.

А дальше начали развивать системный подход. Остановили мелиорацию — хорошо. Выяснили, что охотятся — начали бороться с браконьерством. Более-менее остановили. Выяснилось, что есть еще проблема — клюквенники. Поскольку болото-то последнее осталось, то со всей Московской области народ ездил. Прекрасно помню, что сотни машин стояли посередине болота, и все эти люди ехали на болото за клюквой. Все они приезжали очень рано и пугали журавлей, но самое главное, почему мы на это обратили внимание: они очень сильно вытаптывали болото. Мы решили разделить местных жителей и не местных, что было внесено по инициативе Дружины в паспорт о заказнике, и разрешили собирать клюкву местным жителям после 1 октября — после отлета журавлей. А остальным запретили. Но получилось плохо — местные жители не захотели ждать 1 октября. И с 2006 года началась активная работа с клюквенниками. Сначала просто ловили, потом разрабатывали всякие тактические способы, информационные. В результате ситуация изменилась. Сотен машин уже нет, народ туда ходит гораздо меньше.

В начале 1990-х годов решили, что нужно делать заповедник. И я в этом участвовал. Был создан проект Московского заповед-

ника. Он должен был состоять из четырех участков. Это «Журавлиная родина», «Черустинский лес», «Озеро Сосновое» и целый комплекс небольших заказников в Серебрянопрудском районе (самый юг Московской области, за Окой) — единственные в Московской области участки сохранившихся степей. Все было готово к проекту, с районами все было согласовано, но администрация области не дала согласия. Тогда решили сделать заповедник своими руками. Фактически с 1994 года до сегодняшнего дня в Журавлиной родине ведутся те же работы, как в настоящих заповедниках — только на общественных началах:

- мониторинговые исследования;
- научные исследования;
- охрана;
- эколого-просветительская деятельность.

Вот такой модельный участок, больше таких нет.

Дружинам я хотел бы пожелать: главное, чтобы они были — все остальное приложится. Конечно, хорошо бы, чтобы было народу побольше.

Конторщиков Виталий Владимирович,

старший научный сотрудник отдела экологии Государственного Дарвиновского музея

Работал в Дружине с 1986 по 1990 гг. Увидел стенд на биофаке, хотелось ездить, да и не хватало нормальной компании.

Основная деятельность была направлена на создание заказников и изучение редких видов. Это было для меня вполне актуально и интересно, о глобальных проблемах охраны природы не размышлял особо. Организовывали выезды и экспедиции по обследованию территорий и согласованию ООПТ. Ездили по всему Подмосковью, от одного до трех раз в месяц, кроме лета. Народу нас было обычно десять-двадцать человек, а всего в секторе «Фауна» вместе с сочувствующими — порядка тридцати. Командовали сектором Ольга Гринченко и Антон Макаров. Почти все нынешние друзья — из дружинной компании, например, Антон Макаров, Вячеслав Образов, Ольга Гринченко, Татьяна Свиридова, Алексей Севрюгин, Володя Потанский и другие.

Разногласий было много между секторами, младшими и старшими, командирами и рядовыми. Преодолевали без особых проблем. В свободное время сочиняли песни, играли в «кобылу», вообще много смеялись. Общественное мнение о Дружине на биофаке и в университете было противоречивое. Многие не понимали и относились свысока.

Я — профессиональный натуралист, по образованию — зоолог (орнитолог). На меня больше повлиял КЮБЗ в смысле профессии. Дружина помогла найти хороших людей, расширить кругозор (во всех отношениях), я особо заинтересовался природой Подмосковья, узнал, что такое охрана природы. В целом Дружина — самое светлое пятно в моей студенческой жизни.

Объективная польза природе, безусловно, была. Мы сделали немало заказников, повлияли положительно на многих людей, многие заказники живут и развиваются благодаря нам, например, Журавлиная родина.

Современным дружинникам хотелось бы пожелать большей самостоятельности.

Семенова (Суздальцева) Евгения Роальдовна,
биолог-исследователь, штат Калифорния

В ДОП я попала случайно — на первом курсе сидела допоздна в оргкомитете (ОК) биологической олимпиады, проверяла тетрадки ЗБШ (Заочной биологической школы.— *Прим. ред.*), а о Дружине знала очень мало. Осенью 1986 г. подхватила привезенный студентами с летней практики гепатит (спасибо родной столовко-тошнеловке, где о том, что тарелки надо мыть, и не подозревали). Пропустив целый семестр, я отправилась в академический отпуск и стала лаборантом на кафедре генетики. Тут я познакомилась с Аней Петрищевой, Леной Таланиной, Игорем Малышевым и многими другими интересными людьми. Уже и не помню, кто первым отправился на выезд Дружины — кажется, Аня и Катя (фамилии ее уже не помню). Дружина превратилась в образ жизни, и, когда я вернулась на второй курс, то почти каждый выходной отправлялась в поля. Организационными способностями я никогда не отличалась и никаких постов в Дружине не занимала, но с удовольствием отправлялась в леса и поля считать журавлей и искать выхухоль. Я бы и сейчас отправилась с огромным удовольствием, и мой сын (ему 16) присоединился бы. Но мы живем очень далеко — в Сан-Франциско на берегу Тихого океана. Мы и тут не унываем, мой сын как раз сейчас отправился в Национальный парк «Йосемитский» с группой «Подростки за охрану природы». Мне, к сожалению, меньше удастся делать полезного — работа и дом отнимают большую часть времени. Честно говоря, не помню уже, какие направления работы Дружины были более популярными, а какие менее. Я почти не участвовала в работе БсБ и «Подснежника» и предпочитала те направления, где надо было наблюдать за поведением животных или искать следы их жизнедеятельности, слушать голоса птиц или осматривать территории, которые можно было спасти от осушения и застройки. Любимым моим сектором была «Фауна». А любимым биотопом — болота.

У меня о работе в Дружине остались самые светлые воспоминания. Что может быть лучше, чем заниматься интересным делом (пусть и безнадежным) с хорошими друзьями на природе? Конечно, мокрые портянки и тушенка с «опарышем» (так в шутку называли вермишель. — *Прим. ред.*) добавляли романтики! Мне лично Дружина дала возможность работать с замечательными людьми разных поколений, и мне жаль, что расстояния и занятость не позволяют чаще общаться со старыми друзьями.

Не знаю, как родители терпели мое увлечение Дружиной. Они обычно уже спали, когда я возвращалась с выезда поздно ночью в воскресенье. Однажды на меня кто-то попытался напасть в темноте по дороге от метро, но хорошая реакция и пронзительный визг спасли. Тогда ведь у нас не было мобильных телефонов. Учеба, наверное, немного страдала, но зато какая свежая голова в понедельник после ночевки в палатке!

Не знаю точно, сколько времени уходило в неделю на Дружину, думаю только выходные: в течение недели я была занята ОК и ЗБШ. Трудно сказать, повлияла ли Дружина на выбор профессии: я хотела заниматься молекулярной биологией и эволюцией генома, но на кафедру молекулярной биологии меня не взяли, и я пошла на кафедру высших растений. Думаю, что Дружина и время, проведенное в полях, повлияли. Однако, 20 лет спустя, я все же занимаюсь биоинформатикой и геномикой.

Мне было около двадцати лет, когда я пришла в Дружину, а это очень важный возраст — этап перехода во взрослый мир из мира детства и студенчества. Многие друзья, которых я встретила в Дружине, поразили меня своим взрослым взглядом на мир, тем чувством ответственности за судьбу родной природы, которое мне в те годы не было свойственно. У меня даже возникало порой чувство вины, что я не посвящаю всю свою жизнь такому важному делу, как охрана природы. Но, в конце концов, моя лень и пристрастие к более академическим и менее практически важным

предметам всегда брали верх. Тем не менее, Дружина безусловно научила меня задумываться о роли каждого из нас в разрушении или сохранении того богатства биологического разнообразия, изучать которое я пришла на биофак.

Многие даты перемешались, а врать не хочется, поэтому попробую воспользоваться моим старым полевым дневником.

Вот, например, такая запись:

«23 апреля 1987 г. Состав группы — Гена Курилин, Вера Басова, Денис Хотин, я. Доехали на электричке с Ленинградского вокзала до станции Подсолнечная. Оттуда на автобусе до Тараканово (19:25, раньше не было, ждали 1,5 часа). От Тараканово на Север по шоссе дошли до моста через Лутосню, там в 20:40 разделились на две группы: Басова, Хотин — по правому берегу, мы с Курилиным — по левому. Берег истоптан коровами, у рукава реки бобровые погрызы, встречаются погрызы лося. Участки луга залиты и полны лягушек».

Я хорошо помню эту ночевку: кричала сова, и мне долго не удавалось заснуть. В середине ночи я почувствовала, что кто-то меня толкает под бок. «Что за безобразия?» — подумала я во сне — Неужели женатый Меркулов решил меня будить среди ночи? Недолго думая, я с размаху треснула его локтем. В ответ раздалось возмущенное хрюканье, и, проснувшись, я поняла, что под меня подкапывались с другой стороны палатки, а Меркулов мирно спит. Наверное, я треснула по носу любопытного кабанчика.

К сожалению, не могу найти записей о другом примечательном выезде: помню, что мы стояли на болоте с Мишей Крейндиным и учитывали журавлей. Поздно вечером мы слышали с болота странные крики: кто-то плакал и звал на помощь. Поспешив на подмогу, мы обнаружили на одной из кочек вцепившуюся в хилую сосенку девицу в ночной рубашке. Потонуть в этом болоте было сложно, но девица паниковала и постепенно промокала. Мы привели ее к костру, посушили, одели и выслушали историю

о том, как ей надоело лежать в больнице с гепатитом, и она решила ночью сбежать домой в село. Только вот куда бежать, она, видно, толком не разобралась и забралась в наше болото. Она никак не могла взять в толк, чем это мы на болоте в такое время занимаемся. Наверное, мы считали сумасшедшей ее, а она — нас. Утром, отоспавшись, она отправилась по дороге в село, а мы — обратно в Москву на электричке.

Раздел 4. 1990–1999 гг.

Пискарева Светлана,
сотрудник Гринпис России

Я пришла в Дружину в 1994 году и оставалась в ней по 1996 год. Это были 1-2 курс института. А потом еще в 1999 году, совсем недолго, скорее так уже, время от времени.

Я училась в МГУ леса (Московский государственный университет леса, ранее назывался Московским лесотехническим институтом, МЛТИ.— *Прим. ред.*), и к нам приезжали члены Дружины МГУ. Перед целым потоком они рассказывали о себе, приглашали на День открытых дверей. И вот так, собственно, через такое приглашение мы к ним пришли.

Было интересно: во-первых, это по специальности, потому что я училась на лесном факультете, а там был сектор «Заказники», который работал с лесным законодательством. Интересно в этом поучаствовать. Плюс мне понравились люди, которые были там, хотелось больше общаться с такими людьми.

Мы очень много в то время ездили по лесхозам с разными проверками и делали обследование территорий, ездили в разные участки. И это сильно перекликалось с тем, что я изучала в институте. То есть в институте получалась теория, здесь получалась практика, и это было очень хорошее сочетание. Но самое главное, я это поняла, когда уже перестала быть в Дружине, — это было общение с людьми. И до сих пор со многими я не перестаю общаться.

У меня не было никакой особой должности, я была, скорее, рядовым участником, иногда водила группы (ну, когда уже больше была в теме и лучше представляла себе эту работу), но никакой должности у меня не было.

Мы проводили обследование разных заказников и работали в лесхозах по выявлению нарушений на конкретных участках, в

том числе и в заказниках.

Работа в Дружине очень сильно дополняла мою учебу. То, что я проходила в институте, потом еще и видела на практике. Смогла, как это все работает, мы работали с документацией. Это было очень полезно.

Один раз ездили в Белгород. Там мы пересекались с дружинами, которые тоже работали по лесной тематике.

Первые два года я себя точно ощущала такой полноценной дружинницей. Потом, когда уже вернулась в 1999-м, уже не чувствовала себя частью... Другие коллективы, другие задачи. По возрасту уже разница была. В то время меня привлекала именно та дружеская атмосфера. Я потом очень быстро ушла.

Мне представлялась наша работа достаточно значимой, потому что я всегда считала, что люди должны максимально участвовать в жизни того, что вокруг них происходит, в том числе и в охране природы. Этим должны заниматься не только государственные структуры, но и общественность должна прикладывать максимальные усилия. И такая вот добровольческая работа — тоже очень важная часть. Общество должно вкладываться, студенты в первую очередь. Во-первых, это то, что может делать каждый, во-вторых, мы можем как-то влиять, что-то важное делать.

В то время, когда я пришла, связь с выпускниками чувствовалась явно — было очень много людей в Дружине, которые работали в этом направлении, и они активно делились знаниями и взглядами, навыками. Очень было хорошо...

Были сектор «Заказники», сектор по работе с браконьерством, «Первоцвет» (я иногда участвовала в этих акциях) и была (я там практически не участвовала) «Фауна». Вот основные, по-моему, направления.

Дружина играла контролирующую роль в тех местах, где мы работали, достаточно серьезную, на мой взгляд. В то время уже не создавались новые заказники, но благодаря Дружине велся учет того, что происходит, происходят ли какие-то нарушения. За этим следили, мне так казалось. Мое ощущение, что это была такая опека тех ООПТ, которые существовали на том этапе. Их достаточно

много, поэтому часто ездить не получалось. Но есть какие-то ценные, в них велись серьезные работы. Были территории с лакомыми кусочками, на которые кто-то пытался претендовать — на застройку или на вырубку. С ними велась очень серьезная работа. А часть заказников очень редко посещалась.

Мне трудно судить, сколько тогда было человек. Я была только на нескольких общих собраниях. В реальной жизни постоянно пересекалась с 15–20 людьми. А так по общим собраниям казалось, что очень много людей, человек сто. Скорее это мое личное отношение: мне никогда не хотелось охватить все, я пыталась вникнуть и участвовать только в том, что мне было интересно и близко. И почти не интересовалась тем, что происходит рядом. Не могу сказать, что это очень хорошее качество, но это именно мое отношение.

Мы (Гринпис) очень много работаем с молодежью в разных регионах, и понятно, что, будучи в Москве, в конкретном офисе, мы мало что можем сделать с людьми. Бывшие школьники готовы были бы с нами дальше сотрудничать, но нет формы, в которую они могут влиться. А если бы была Дружина, куда они смогли бы прийти, люди не уходили бы так быстро из природоохранной сферы. То есть такая сеть региональных организаций очень важна. Не уезжать в Москву и Питер в Дружину, а пробовать изменять что-то у себя, в своем регионе, оказывать какое-то влияние и собирать единомышленников. Встречаться со своими сверстниками и одновременно делать полезные дела. Во многих регионах, где мы работаем, нет дружин, и там сильно ощущается нехватка их. В тех регионах, где есть дружины, нам гораздо проще с ними сотрудничать, и работа идет совсем по-другому, более эффективно.

Мне было комфортно совмещать Дружину и учебу в институте. Но, насколько я понимаю, сейчас ситуация меняется, сейчас гораздо труднее совмещать. По крайней мере, по отзывам тех, с кем работала. Я считаю, это было очень удачное стечение обстоятельств, что я оказалась на той лекции, что пришла в Дружину. Хотя, если честно признаться — нас было шесть человек, кто с этой лекции попал туда (мы были с одного потока, но из двух групп) — наверное, если бы не собралась такая компания из нас, я, может, и не пришла бы.

Трушкин Михаил Анатольевич,

редактор отдела компьютерной верстки и газетного дизайна газеты администрации города Великого Новгорода

К нам в МЛТИ (Московский лесотехнический институт, позднее переименованный в Московский государственный университет леса. — *Прим. ред.*) пришли ребята — агитировать. Если не ошибусь, то Владимир Захаров, Денис Хотин и кто-то еще. Съездил на один выезд, затянуло. Работал в Дружине с 1994 года и, наверное, по 2002 год.

Сейчас, глядя из кресла редактора компьютерного отдела в газете Великого Новгорода, понимаю, что тогда была жизнь, и хочется хоть частично ее вернуть. Спокойного времени почти не было. Много выездов и дальних поездок. Много друзей и товарищей, которые не раз «прикрывали» тебя на оперативке... С которыми пили чай из того, что нашли в лесу, из одного котелка. Это была работа для души... со своими минусами и плюсами.

Не всегда актуальные проблемы природопользования отражались в направлениях работы Дружины. Собственно, за время, что я был в Дружине, добавились только два направления — экообразование и пожаротушение на природных территориях. Устраивали общественное инспектирование, налаживали контакты с силовиками, госорганами, проводили исследования, работали со СМИ, составляли методические рекомендации, разрабатывали уроки и вели их, разрабатывали лекции для взрослого населения Крыма и опять же читали их. Наверное, все-таки оперативная работа была главной. Но не забывали про обследование заказников на рубки, экологическое просвещение, учеты зверей и птиц.

Ездили на выезды в Крым, на Кавказ, в Ленинградскую область, заповедники «Нижне-Свирский», «Лес на Ворскле» — это дальние. А так — Московская область. В одно время мы смогли организовать операцию «Первоцвет» от Симферополя до Москвы. Шикарное было время! Успевали поработать и в Крыму на месте сбора первоцветов, и на таможнях в Харькове и Белгороде,

и на вокзалах и рынках Москвы. Народу участвовало в выездах от двух-трех до двадцати человек вместе с гостями.

Командирами были, по-моему, Владимир Захаров, потом еще Гриша Куксин был, Илья Чипига. Но не уверен, что назвал всех. Были командиры секторов. Из тех, кто со мной пришел, помню Свету Пискареву, Лену Парамонову, Диму Королева, Андрея Федотушкина. А так можно большой список писать.

С прессой работали вполне успешно. И телевидение снимало, и по радио говорили, и газеты писали. В принципе, эффект от этого есть, конечно.

Дружина для меня была школой жизни. После Дружины работал в ЦКИ МСоЭС (Центре координации и информации Международного Социально-экологического союза.— *Прим. ред.*). А теперь живу в Великом Новгороде. Какое-то время пытался и здесь крутиться в том же направлении. Сейчас редактор отдела компьютерной верстки и газетного дизайна газеты администрации города.

Тем, кто в Дружине сейчас — так держать! А тем, кто раздумывает, — «чего думать, прыгать надо!» В любом, случае это очень хорошая школа жизни.

Куксин Григорий Валерьевич,
сотрудник Гринпис России

Я был в Дружине с 1997 по 2000 годы. Занимался талдомской компанией и какое-то время ею руководил, какое-то время отвечал за направление работы «Первоцвет» и к 2000 году руководил всеми оперативными направлениями работы: борьба с браконьерством, противопожарная кампания и операция «Первоцвет».

Узнал о Дружине в 1995 г., когда первый раз приехал в заказник «Журавлиная родина», от будущей жены моего брата Натальи Дроздовой, которая состояла в Дружине в то время. Она о Дружине рассказывала и сводила нас на экскурсию в «Журавлиную родину», показала заказник. Тогда Дружина у меня большого восторга не вызвала, мне показалось, что это странноватая такая, милитаристская тусовка. Но в 1997 г., когда я уже был студентом первого курса биолого-химического факультета МПГУ, моя будущая жена Наталья познакомила меня с дружинниками, и с этого времени я стал им помогать. А с 1998 г. уже поступил туда работать, бросив институт, и какое-то время работал госинспектором в Талдоме.

Дружина тогда выглядела, думаю, приблизительно как сейчас. Единственное, что она тогда была более многолюдна. Большое впечатление произвело на меня общедружинное собрание, на котором Миша Крендель (Крейндлин.— *Прим. ред.*) как раз ушел из Дружины, а я совсем недавно в нее вступил. В общем-то, какие-то внутренние дразги и противоречия там, безусловно, имели место, и происходила очередная относительно болезненная смена поколений. После этого Дружина стала менее многолюдной. Гораздо большей стала текучка кадров, ну, а в остальном было примерно как сейчас. Был командир, потому что больше некому было взвалить на себя эту ответственность, был штаб примерно по тем же соображениям, из наиболее таких совестливых людей, которым жалко бросить то, что много лет до них успешно делалось. Всегда было приятно встречаться, и работа была на удивление эффек-

тивной. Если вспомнить, как раз тогда был переломный момент в работе по первоцвету: 1997–98 года, когда началась работа по пресечению ввоза цветов — на границах, на вокзалах. И с тех пор мы говорим, что эта одна из очень немногих природоохранных акций, которая привела к тому, что ввоз охраняемых растений, в том числе подпадающих под действие конвенции СИТЕС, удалось оперативными методами практически полностью прекратить, что, естественно, повлияло на их сбор. То есть это было очень любопытное время.

На тот момент уже практически не было операции «Ель» — только какие-то разовые мероприятия проводились. Был сектор «Заказники», который, по-моему, как сектор перестал существовать, а выделился как направление работы по контролю за ООПТ, прежде всего Московской области. Был сектор «Фауна»: в основном ЗМУ (зимние маршрутные учеты) и поиск мест обитания редких видов, в том числе выхухоли. Да вот, наверное, и все. Ну и с 1999 г. — пожарная кампания. Как более продуманная кампания, она началась с 2000 г. Как раз тогда я формально вышел из Дружины, но работу свою продолжил.

Был постоянный контакт с выпускниками, многие продолжали формально состоять в Дружине, просто не занимали руководящие должности. И очень много мы тогда общались и с Денисом Хотинным, и с Лешой Ярошенко, и с Димой Аксеновым, и с Володей Захаровым, и с Ольгой Гринченко, и с Татьяной Свиридовой, и с Еленой Смирновой, с Татьяной Коноваловой. Все эти люди помогали Дружине. Вели какие-то свои научные или природоохранные дела, в которые вовлекали дружинников. Но при этом у дружинников всегда сохранялось свое цельное представление о том, какая часть работы делается Дружиной, и какие собственные цели и задачи у Дружины в этой работе. То есть всегда было достаточно важно не просто выполнять чужое задание, а вести какой-то свой проект, в котором контактировать с выпускниками. Хоть, конечно, какие-то болезненные моменты все-таки возникали, — когда было желание не попасть полностью

под влияние, но при этом сохранялась потребность в более опытном, более профессиональном человеке, который курировал бы какое-то направление работы.

А что касается формального куратора Дружины — Ксении Всеволодовны, то я не помню, чтобы она какое-то заметное влияние оказывала на работу Дружины.

Мы периодически участвовали в движенческих конференциях и проводили такую конференцию — в Нахабино, на которой я, например, ушел из Дружины. Контактировали с разными дружинами. На тот момент почти умерла питерская дружина, но при этом были сильные дружины в Поволжье: в Казани, в Чебоксарах и в Нижнем Новгороде. Было довольно много дружин, на конференциях было с кем пообщаться, решались вопросы междружинной координации, в том числе по «Первоцвету», по «Заказникам», по «Фауне».

Почти во всех организациях, которые тогда возникли, большинство людей, по крайней мере, ключевые должности, занимали бывшие дружинники. Это много где сохраняется и до сих пор, но тогда это было совсем очевидно. Было и неоднозначное отношение. Гринпис воспринимался как очень богатая, не очень эффективная, этакая «зажравшаяся» контора. WWF, пожалуй, тоже. ЦОДиК (Центр охраны дикой природы, ныне — ЦОДП), СоЭС (Социально-экологический союз), СОПР (Союз охраны птиц России) были значительно ближе. Но это то, как воспринималось со студенческих позиций, многие нюансы были не видны. Тем не менее, когда в 2000 г. была попытка организации всероссийского референдума для восстановления независимого органа охраны природы, запрета ввоза ядерных отходов, Дружина принимала активное участие в сборе подписей, хотя один из главных организаторов был как раз Гринпис. Так что совместные мероприятия были. А с ЦОДИКом, СОПРом это было постоянно. Тогда и Михаил Крейндлин, и Наталья Лебедева были в Облкомприроде. В общем, везде были свои люди.

Формальное взаимодействие сводилось к тому, что мы получали удостоверение общественных внештатных инспекторов.

В дальних выездах почти не участвовал, больше был увлечен выездами для проверки состояния заказников, ведения лесного хозяйства на охраняемых территориях Московской области: в Дмитровском районе, в Талдомском. По результатам принимались какие-то меры. Мы старались, если мы в чем-то поучаствовали, курировать это дело до конца.

Мне это сильно помогло потом в работе в качестве государственного инспектора. Я был как раз одним из тех «старых дружинников», которые работают в госструктурах, руководил охраной в Журавлиной родине как госинспектор. Потом, перейдя на службу в пожарную охрану, курировал противопожарную работу.

Выезды разные были: в Талдом, по другим местам Московской области. Далеко тогда не выбирались. В 1998–1999 годах помогал Михаилу Крейндину. Он тогда был госинспектором. Старались помогать ему в тех наиболее проблемных делах, в которые он ввязывался. Я сопровождал его в поездках в Башкирию, в Саратовскую область, когда были истории с Юмагузинским водохранилищем, незаконным строительством лукойловской вышки и т.д.

Решения принимались штабом или общим собранием. Почти всегда это было прозрачное и понятное для всех решение. Хотя были и свои интриги, несогласия. Я, например, ушел из Дружины в период, когда мы не смогли договориться по одному из вопросов. Я пришел тогда к выводу, что мне формально лучше уйти из Дружины. Но это нормальный рабочий процесс, и хорошо, что этот процесс был достаточно живой и эти решения имели отношение к жизни.

В 1990-е годы наблюдался спад в Движении дружин. Одним из факторов называют плохое социальное обеспечение студентов, не позволявшее заниматься общественной деятельностью.

Работа в Дружине с учебой плохо сочеталась. Я только один год полноценно отучился в педагогическом, а потом возникла потребность постоянно быть в Талдоме: мы создали Талдомскую

администрацию ООПТ и выяснилось, что там некому работать. Такая работа была плохо совместима с учебой, поэтому вуз пришлось бросить. Доучивался уже много лет спустя, заочно.

Не думаю, что это ключевой фактор. Студенты всегда небогато живут, всегда умудряются как-то выкручиваться и еще кучу дел одновременно делать. Скорее, отношение к этому могло поменяться. Вряд ли студенты стали беднее жить, скорее появилось отношение, что ты живешь не очень хорошо и поэтому поводу не обязан чего-то делать. Так что вопрос, скорее, в голове, а не в деньгах в кармане.

Я решил этим заниматься потому что, во-первых, привязался к конкретным людям: моя первая жена Наталья, Михаил Крейндлин. Когда видишь такую работу, такого человека, то хочется помогать. Много еще других интересных людей было. И природоохранный интерес для меня тоже был очень важен.

Это был как раз тот возраст, когда оказывается решающее влияние на то, в какую сторону человек пойдет, в том числе — профессионально развиваться.

На выездах пели песни и читали стихи старых дружинников. Прежде всего, Николая Соболева. Это был легендарный старый дружинник, песни которого все знают и поют. И свое что-то возникало: песни, переделки, шутки, байки — о талдомской кампании, об операциях «Ель», «Первоцвет».

И это все дополнительно поддерживало ту студенческую среду. Был не только природоохранный интерес, хотя я не могу сказать, чтобы кто-то был в Дружине исключительно ради тусовки. Но коллектив единомышленников тоже всегда был довольно важен.

С тех пор наша компания разбежалась в разные места. Далеко не все стали профессиональными природоохранниками. Хотя какие-то контакты все равно остались. Вот с Мишей Крейндлиным в соседних кабинетах работаем.

Сейчас Дружина менее разновозрастная и сложнее, болезненнее происходит передача традиций, накопленных знаний. Может

быть, чуть менее профессиональной стала работа Дружины, хотя, возможно, это только кажется так. Но я не могу сказать, чтобы как-то радикально упал уровень подготовленности или мотивирования, то есть Дружина вполне узнаваема и по духу остается близкой к той, что была в наше время.

Дружина очень ценна тем духом, тем настроем, тем подходом, который был и который остается: нацеленностью на самостоятельное ответственное выполнение каких-то дел, за которые люди берутся. В этом смысле Дружина сильно отличается от многих волонтерских групп, которые создаются при каких-то организациях. Отличается именно тем, что Дружина сама себе ставит цели, осмысливает их, делает взвешенный осознанный выбор — чем стоит заниматься, чем не стоит заниматься. И обязательно был комплексный подход для решения поставленной цели, ни в коем случае не для показухи. И именно из-за этого Дружина остается, по сути единственной прекрасной кузницей кадров, которая составляет и мотивированных, и профессионально подготовленных людей в природоохранные организации.

Хотел бы пожелать Дружине сохраниться. Это на самом деле очень непросто в наше время. Очень просто раствориться, потерять свою индивидуальность, настрой. Важно не потерять общий подход, дружинный дух. Честно, нет какого-то готового рецепта, как это сделать, но очень хочется, чтобы это явление, эта сущность сохранилась. Потому что очень много полезного дает, очень много приличных людей выходит из Дружины, и будет очень здорово, если ее удастся сохранить даже в такие непростые времена, как сейчас.

Чалая Татьяна,
сотрудник Гринпис России

В Дружину меня приняли в 1999 году. Закончила работать примерно в 2003 году, хотя официально я, конечно, из нее не выходила.

Пришла по объявлению в студенческом общежитии. Я поступила на биофак на лабораторное отделение, хотела заниматься молекулярной биологией. А когда случилась у нас первая полевая практика в Звенигороде, мне очень понравилось, я решила, что буду заниматься ботаникой, зоологией, а вовсе не пробирками. Хотела переводиться, но возникли проблемы с переводом: меня очень отговаривала инспектор курса, буквально ставила мне палки в колеса, чтобы я не переводилась. Мне при этом очень хотелось полевой работы. Я видела объявления — экспедиции, выезды, выходные, исследования, и я загорелась, пришла на День открытых дверей одна, без друзей. Было желание просто заняться природоохранной деятельностью, какой-то полевой работой.

Я когда пришла на День открытых дверей, увидела там много замечательных людей, и что они занимаются такими замечательными делами. Я, конечно же, не могла не остаться.

Первое время была такая эйфория: вот дело жизни, то, чего так не хватало! Я помню, каждые выходные у нас был выезд. Сначала учеты птиц, в заказнике нарушения смотрели. Когда в какие-то выходные у нас не сложилось, потому что никто из старших дружинников не смог с нами поехать, мы возмутились, решили, что мы все равно организуем. И с такими же новичками, как я, мы собрались и поехали. Было немыслимо: как так, выходные, а мы никуда не поедem? Потом, конечно, стало сложнее, а поначалу не было никакой ответственности. Было просто интересно всем этим заниматься. Там были старшие товарищи, которые много чего могли рассказать, показать. А когда мы уже сами стали становиться этими старшими товарищами, стало сложнее, потому что больше времени и больше ответственность, и учебе надо больше

времени отдавать. Но у меня все это плавно перетекло в Гринпис. Я поэтому и ушла из Дружины, так как стала работать, и просто не хватало времени на то и на другое. Я как раз в 2003-м закончила биофак, пошла в аспирантуру. И мы договорились с Гринпис, что я работаю два месяца весной, два месяца осенью. У нас был проект «Возродим наш лес», детский, где самая активная часть была именно весной и осенью. То есть основное время я работала как волонтер, а на 4 месяца приходила на полный день. Но поскольку проект был очень насыщенным, он вскоре стал занимать все время и все мысли, плюс еще аспирантура (много там чего делала), и на дружинную работу у меня уже просто не было времени.

Родители до сих пор к работе в Дружине относятся очень осторожно: они считают, что это какая-то общественная нагрузка, хотя я сейчас уже работаю, зарабатываю деньги. С одной стороны, они уважительно относятся к этому, а с другой — считают, что это несерьезно, какой-то временный выбор. А друзья некоторые в итоге тоже заманивались в Дружину. То есть некоторые из моих друзей, посмотрев на меня, как я там с горящими глазами бегаю, потом тоже пришли в Дружину.

Когда я пришла, у нас как раз менялась схема работы. У нас были сектор «Фауна», сектор «Заказники» и сектор «Первоцвет». Когда я уже начала активно работать, у нас как раз поменялась схема секторов: сектор оперативной работы (все, что связано и с «Первоцветом» и с охраной «Журавлиной родины»), сектор «полевой» (это и учеты, и состояние заказников). По-моему, там сразу «Экообразование» возникло и работа с прессой. Сейчас, по-моему, отдельно выделили «Заказники», но я не уверена.

Я занималась всем, потому что нас было очень мало. Мне сначала очень понравился сектор «Фауна». Там был руководитель Андрей Тупикин, он нас возил на первые выезды, и всем это очень нравилось. Мы решили, что будем заниматься «Фауной», всякими учетами, исследованиями. Но постепенно стало понятно, что не в этом основная проблема (вырубка лесов, проблемы с первоцветами). Я сначала не собиралась заниматься оперативной работой,

но под влиянием Миши Крейншлина и просто понимая, что это необходимо, переключилась. У нас вся весна (с февраля по май) уходила на пожарную кампанию, а осенью обычно по заказникам ездили. Плюс у нас в 2001 году возникло новое направление по «Первоцвету», научное, мы придумали экспедицию на Кавказ, чтобы выяснить причины уменьшения численности первоцветов. Было понятно, что их очень много везут, но не было данных, так ли им это вредно. Тогда это было чисто дружинной идеей. Мы проштудировали литературу и поехали на Кавказ. У нас там тоже была такая двойная группа: часть была «научников», а часть занималась на границе пресечением ввоза из Абхазии. Мы бегали по лесам, закладывали площадки, моделировали воздействие, вытаптывание, обрыв цветов. А ребята стояли на границе, на посту и проверяли коробки. И несколько лет мы ездили в таком режиме. Сейчас, поскольку оттуда не везут практически ничего в Москву, оперативная работа там прекращена, а вот научная работа не прекращается до сих пор. Этой работой до сих пор в основном руководят те, кто начинал в 2001-м, хотя они уже не дружинники.

Актив у нас был до десяти человек. На какие-то дела, например «Первоцвет», народ появлялся откуда-то еще, из старых дружинников, друзья-знакомые. Но актив, мне кажется, даже был человек шесть-семь.

Поначалу было больше такой эйфории и радости, что мы это делаем. Потом стало понятно, что и на учебу времени нужно больше. И даже иногда не было выбора, например, с первоцветами: то есть ты чувствуешь ответственность, что ты должен заниматься именно этим, либо должен найти смену, которая будет заниматься этим после тебя. От этого немножко грустили.

Было несколько дел, которыми, кроме Дружины, никто не занимался, или Дружина была неким координационным звеном. Это, скажем, «Первоцвет»: если бы не Дружина, этого бы просто не было. Со временем это перешло к экологической милиции, но они без нас занимались этим не очень квалифицированно. Они просто банально не знают цветов. Последние годы, когда масштаб

акции уменьшился, мы работали вместе с экологической милицией. Как эксперты с ними ходили. Задерживали они, составляли документы они, но мы показывали, что нужно проверить, какие виды запрещенные, какие нет. Так же с охраной заказника — если не Дружина, то никто. С пожарами так же. В основном Дружина — это место, где люди обучаются, воспитываются особым образом, кузница кадров. Человек, который прошел эту школу, — уже профессиональный природоохранник на выходе, он может работать профессионально. В Гринпис, например, очень многие работают, кто пришел из Дружины. Дружина очень важна, потому что она поддерживает людей, которые в дальнейшем собираются заниматься охраной природы. А с другой стороны, даже если они не будут этим профессионально заниматься, то они будут по-другому относиться, могут чем-то помочь. Есть такая старая дружинная поговорка, что «у природы везде должны быть свои люди».

Я пришла просто потому, что было интересно. А потом уже постепенно влилась в коллектив. До Дружины я имело смутное представление об охране природы и об экологии.

С другими дружинами тоже взаимодействовали. Когда я была в Дружине, мы организовали очень большую конференцию в 2000-м году. Наверное, в моей памяти это самая крупная конференция — там было более ста участников. Я считаю, это очень важно, что было такое взаимодействие. Действительно, ведь Москвой все не ограничивается, Россия большая. Возможность обменяться опытом, делать что-то совместно — это очень важно. Я занималась перерегистрацией Дружины, так как в советское время документы были потеряны. Правда, нам это не удалось, потому что менялись правила.

Я принимала участие в ШМД (Школе молодого дружинника) на Валдае в 2001 году. Это очень давняя традиция. Она существует, поддерживается. Собирают новичков и обучают их методам дружинной работы — с нарушителями, исследовательской, с детьми. С детьми в мое время Дружина не очень работала, сейчас

как-то больше. Обычно ШМД междружинная и позволяет узнать людей из других дружин.

Обычно, когда у нас были «первоцветные» экспедиции, мы приглашали людей из других дружин и для обучения, и для помощи.

Есть всегда в Дружине люди более опытные, которые очень долго состоят в ней или помогают, как Миша Крейндли. Когда я пришла в Дружину, он в ней не состоял, но активно во всем участвовал, помогал. Какие-то дела передаются, но как-то мы неформально все это знали. Какие-то книжки выходили в связи с юбилеями Дружины: 30 лет, потом 40 лет, а вот 50 я даже не видела... Я даже не могу сказать, что нас это сильно интересовало, это было неважно. Важно было то, что сейчас происходит. Я помню, когда нас пытались привлечь к организации 40-летия, мы как раз поссорились на этой почве с Алексеем Зименко, он пытался нас привлечь, а мы сказали: «Нам вообще не нужно это ваше празднование, мы будем работой заниматься». Он сказал: «Ну как же? Это взаимодействие поколений! Вам должно быть интересно! Неужели вам не интересно?». Мы сказали: «Нет». В итоге мы, конечно, участвовали, но в основном все делали не мы. По моему ощущению, дружинникам, которые там сейчас, интереснее работа, а историей интересуются уже люди, которые вышли из нее. Я считаю, что Дружина — это очень важное явление, уникальное, но я человек, который не любит все эти традиции, истории и прочее. Лично мне этим заниматься не очень хочется.

Были люди из «стариков», которые приходили и говорили: «Вы все делаете неправильно, потому что вы молодые, не знаете, а мы знаем, как правильно, но мы вам не скажем, потому что вы сами должны понять». И, конечно, такие люди вызвали отторжение. В принципе, дружинников, которые готовы помогать, достаточно много. То есть, если возникают вопросы, всегда можно обратиться. Скажем, когда мы пытались зарегистрироваться, нам WWF помогал с юридическим адресом для движения, потому что

на биофаке это сделать невозможно, вообще в МГУ возможно, но очень сложно.

Как правило, если человек был дружинником, то общаться с ним легко, даже если это разные поколения. Я считаю, что Дружина должна поддерживаться. Если я пойму, что в какой-то момент она «загибается», и если что-то будет в моих силах, то мне бы хотелось как-то помочь. Я считаю важным, чтобы это было дальше.

Хотелось бы пожелать современной Дружине, чтоб люди новые приходили. Чтоб Движение поддерживали. Это нормально, правильно и здорово. Нужно, чтобы постоянно приходили новые люди, чтобы постоянно шла ротация. Потому что кадров очень не хватает в природоохранном движении.

Раздел 5. 2000–2009 гг.

Нестерова Нина Ивановна

Я увидела объявление о Дне открытых дверей ДОП МГУ на экологическом факультете РУДН. В Дружине с 18 сентября 2002 года (со Дня открытых дверей) по настоящее время.

С 26 ноября 2003 по 19 марта 2010 — командир сектора «Заказники»

С 17 ноября 2004 по 2 декабря 2005 — командир Дружины

Со 2 декабря 2005 по 21 февраля 2009 — секретарь Дружины.

Наиболее остро с конца 2003 и до 2006 года стояла проблема принятия нового Лесного кодекса, и мы в решение этой проблемы глубоко ввязались — собирали подписи (даже поймали на «Московской лыжне-2004» вице-мэра Москвы), организовали сбор подписей по Движению ДОП, проводили пикеты, отправляли свои замечания.

В 2006 году — отмена экологической экспертизы. В 2006–2007 гг. — усиленно действовали против проведения Олимпиады в Сочи.

Еще проводили операцию «Первоцвет» (по-моему, до 2006 или 2007 года), которая активно велась с 10-14 февраля по 8 марта, а вместе с подготовкой занимала полгода жизни Дружины.

Конечно же, пожарная и осенняя кампании.

Выезды по обследованию заказников и памятников природы Московской области — тогда они велись только осенью, в октябре-ноябре.

В сентябре основная работа — рейды по «Журавлиной родине», в октябре-ноябре — выезды в заказники и потом долгая, выматывающая, безнадежная переписка с Росприроднадзором, Минэкологии, Рослесхозом; ноябрь-январь — подготовка к «Первоцвету»: совещания с экологической милицией, Департаментом

природопользования и охраны окружающей среды Правительства Москвы; серия семинаров по подготовке к «Первоцвету» (заканчивалась междружинным выездным семинаром в Костеневском Яме на студенческих каникулах). В 2004 году в январе провели почти двухнедельный выезд по обследованию заказника «Черустинский лес» (жили на охотбазе). Февраль-март — рейды по «Первоцвету» (в основном Казанский и Курский вокзалы, Рижский рынок), довольно сильно освещали эту операцию в СМИ — каждую неделю по журналистам рассылалось от одного до трех пресс-релизов, на рейды часто они приезжали. Кроме того, каждый год проводилась (и сейчас проводится, но Дружина в этом уже не участвует) научная экспедиция на Кавказ по изучению влияния сбора на первоцветы, а также каждую весну недели на две оперативная группа уезжала дежурить на границу с Абхазией — не пропускать цветы оттуда. Март — подведение итогов по «Первоцвету», рассылка писем в экомиллицию и Департамент, подготовка к Пожарной кампании (семинары, подготовка экостанции и оборудования). Апрель-май — пожарная кампания (и проверка охотников в период весенней охоты). Лето практически было мертвым сезоном, выездов не устраивали. Один раз (в 2004 году в августе) провели недельную ШМДу на базе Костеневского Яма да катались по другим ШМД в качестве слушателей и преподавателей. В 2005 году несколько наших (Оля Репина, Нина Щербакова, Антон Аксенов, Маша Семенцова) ездили в новорожденный заповедник «Кологривский лес» помогать. Конец зимы и всю весну 2006 года у нас заняла активная борьба против строительства нефтепровода на Байкале, которая закончилась совместным с Гринпис и ВВФ двухтысячным митингом. Как мы еще умудрялись Журку тушить... Тогда все Апсарово и сгорело... И как я тогда не вылетела с первого курса биофака, удивляюсь до сих пор. Летом 2006 года мы с Олей Репиной съездили в Красную Поляну познакомиться с заповедником, нацпарком, Эковахтой и проблемой Олимпиады. Вернулись и активно ввязали Дружиночку в борьбу против Олимпиады. Жаль, безуспешно. Осень 2007 года

запомнилась мне как нескончаемая череда пикетов, сбора подписей и тому подобных мероприятий против отмены экологической экспертизы. Так часто мы никогда не пикетировали — ни до, ни после. Жаль, тоже безуспешно.

Дружинных песен особо не пели. Так, самые распространенные — «Выхухоль», «дружинницам на 8 марта», «Погиб ли тот клиент».

Шутки: «дружинная мудрость — припахался сам, припаши остальных. Высшая дружинная мудрость — не припахивайся сам, припаши остальных», «Если Дружина мешает учебе, на фиг такую учебу», «Кандидатский минимум в ДОП: знать наизусть песню про выхухоль и домашний телефон Кренделя», «кренделизм», (очень многогранное понятие) и производные: «кренделить», «сворачиваться кренделем», и т.д.

Среди руководства биофака отношение к Дружине (декан, замдекана по учебной работе — в целом неплохое), среди студентов и преподавов — видимо, скорее негативное, раз так мало с биофака шло и сейчас идет в Дружину.

На экофаке РУДН было прекрасное отношение — скажешь, что едешь на конференцию или выезд ДОП МГУ, преподавы в восторге и прощают прогулы (видимо, здесь действовало волшебное слово «МГУ»). Прощали, правда, до известного предела...

Ксения Всеволодовна очень помогала решать проблемы, которые возникали с администрацией биофака (особенно когда хотели наложить лапу на нашу берлогу п-36), выступала на Днях открытых дверей, проводила орнитологические экскурсии, приходила на отчетно-выборные собрания, помогала с организацией совместных семинаров МОИП и ДОП и везде всячески нас поддерживала.

Довольно успешно Дружина освещала в СМИ операцию «Первоцвет» (регулярно выходили статьи, видеорепортажи, нас приглашали на радио), кампании против нового Лесного кодекса, Олимпиады; по пожарам, насколько я помню, освещение было похуже, с остальными мероприятиями — почти совсем никакого.

Дружина воспитала меня, можно сказать, сформировала, как личность, указала путь в жизни, оказала определяющее влияние на выбор места дальнейшей работы (к слову сказать, на биофак МГУ я поступила благодаря деятельности в Дружине). И вся жизнь моя личная проходит тоже в Дружине, так уж получилось ☺. Детей пока нет, и если вдруг они появятся, то явно Дружина сыграет и в их дальнейшей жизни определенную роль ☺.

Объективная польза от нашей работы:

1. Практически прекратился поток первоцветов с Крыма и Кавказа, и эта операция стала «государственным делом» (насколько я знаю, ДПООС и экомилития ее до сих пор проводят).

2. На региональных ООПТ Московской области еще на стадии проектирования были предотвращены незаконные рубки (запланированные лесоустройством 2002 года и Лесным планом 2009 года) — благодаря участию Дружины в общественных экспертизах этих документов. И сейчас благодаря регулярной проверке часть нарушений удается предотвратить. Без «пинков» Дружины инспектора Минэкологии вообще бы в заказниках не появлялись.

3. Лесной кодекс, вступивший в силу в 2007 году, хоть и очень ужасный, все же чуть-чуть получше, чем был бы без нашего участия.

4. Держали и держим «Журавлиную родню» от пожаров и наплыва посетителей. Без Дружины, боюсь, существенная часть популяций редких видов уже прекратила бы свое существование.

На работу с 2002 по примерно 2008 — все свободное и не очень свободное время, сейчас уже поменьше.

Родители — приветствовали, правда, не радовались, когда возникали проблемы с учебой. А друзья радовались! (Раз большинство из них было и есть из Дружины, то чем больше я занималась природоохранной деятельностью, тем больше проводила время с друзьями ☺).

С горечью признаю, что с учебой не сочеталось мое раздолбайство, а не Дружина. Можно было отлично учиться в «универе» и

активно «дружинить», тому есть масса примеров. Хотя жизни меня Дружина отлично учила и учит!

Сейчас я осознаю, что первые несколько лет, когда я была в Дружине, была такая ситуация: принципиальные решения почти по всем дружинным направлениям принимали «старики» (то есть те, кто по развитию и возрасту были гораздо старше нас, действующих дружинников, и которые сами ощущали себя уже не в Дружине. От них же исходили и идеи). Это происходило по понятным причинам: мы, молодежь, из-за недостатка опыта и разрыва поколений просто не потянули бы те направления, на которые Дружина тогда натягивалась. Однако такая работа в качестве исполнителей мешала нам самим расти и учиться принимать решения, да и морально было тяжело и неприятно — как нам, так и «старикам». Много времени и душевных сил отняло решение этой проблемы.

Мне кажется, что дружинникам нужно четко понимать, когда проходит твой срок, когда уже сильно перерастаешь уровень «среднего дружинника», когда твое участие на главенствующих ролях уже может закрыть дорогу подрастающим поколениям и в итоге — принести вред всей дружинной работе. Да, юные на первых порах многое упустят, и сделают кучу ошибок, и все не потянут, но иного способа взрастить думающего, ответственного человека просто нет. И я здесь не говорю, что обязательно нужно порывать с Дружиной — вовсе нет. «Старики» могут принести огромную пользу своим богатым опытом — только если будут работать «в подчинении» у молодых, а влиять на принятие решений только советами.

Комарова Анна Федоровна, сотрудник Гринпис России

Я активно работала в Дружине с осени 2003 по весну 2007 г. За это время, помимо типичных кампаний (пожарная, осенняя, «Первоцвет»), было несколько более мелких, вроде провалившегося проекта инвентаризации лесов Подмосковья по скандинавской системе. Из важного — осенью 2003 г. была возобновлена работа по «Заказникам». Но в целом, на пожарную и осеннюю кампании и «Первоцвет» уходили все силы, тем более что нас было мало. Был период — мне кажется, это была вторая половина 2004 г. — когда в Дружине было четыре человека в штабе + два-три иногда появляющихся сочувствующих. Еще в это время, в 2004-2005 гг., Дружина пережила очередной кризис и стала совершенно независима в своих мнениях от старших товарищей. Сейчас это кажется естественным, но тогда нам стоило больших усилий утвердить эту независимость и при этом никого не обидеть.

Все это время моей основной задачей была координация научной работы. Именно координация, потому что своих научных проектов у Дружины не было. Не было ни людей, ни времени, и, кроме того, большие проекты, в которых участвовала Дружина, были куда важнее каких-то возможных частных. Координация была между Дружиной, научной группой, состоящей из выпускников Дружины (по «Первоцвету», картированию «Журки» (заказник «Журавлиная родина». — *Прим. сост.*), антропогенной нагрузке на болото), Гринпис (по вопросам лесного хозяйства, отчасти разных экспедиций и т.п.) и СоЭСом (я там работала во второй половине 2005 года; с ними тоже были совместные экспедиции).

2005 год был последним, когда проводилась оперативная работа по «Первоцвету». К этому моменту в результате семи лет непрерывной и систематической работы поток первоцветов как из-за границы, так и в целом на рынок Москвы, стал резко уменьшаться. До этого года мы сами готовили документы, обеспечивающие то, что Департамент природопользования и экомилит-

ция работали с нами, и вообще работали по первоцвету. В 2006 и 2007 гг. мы готовили эти документы вместе с ними — то есть они готовили, а мы контролировали и напоминали, а с 2008 г. «Первоцвет» в госструктурах идет без нашего участия. Это было большой победой, и именно она, в частности, обеспечила возможность постоянного реагирования на «горячие кампании», потому что до этого на «Первоцвет» уходило четыре месяца неотрывной работы.

Все время, пока Дружина активно занималась «Первоцветом», на первом месте был экообразовательный сектор. Кроме того, в 2006 г. была выпущена методичка с выдержками из нормативно-правовых актов, касающихся торговли редкими видами, и определитель видов, ориентированный именно на оперативную работу. Этой методичкой пользовались еще задолго до ее издания — написана она была в начале 2005 г.

С помощью оперативной работы на цветочных рынках и морфометрической оценки побегов было установлено, что, по крайней мере, большая часть идущей через рынки в цветочные киоски иглицы колхидской имеет, вероятнее всего, происхождение не из лесов Кавказа, а с плантаций, находящихся в Израиле. Поэтому работа по иглице также была приостановлена, хотя для полной уверенности было бы хорошо продолжить эту работу, перейдя от оценки к полноценным морфометрическим исследованиям.

В ходе пожарной кампании помимо собственно тушения пожаров в 2005–2006 годах было проведено картирование территории и окрестностей «Журавлиной родины» с целью определения пожарной нагрузки. К сожалению, эти результаты в основном не были обработаны, но зато дали возможность почти всем новичкам исходить Апсареву ногами еще до тушения пожаров. Степень пожарной нагрузки и расположение водоисточников «осели» в головах участников картирования ☺

По части результатов работы по оценке антропогенной нагрузки на болото эксперименты продолжаются до сих пор. Дружина в них больше не участвует. Надо сказать, что с моим уходом в Дру-

жине вообще не осталось людей, заинтересованных в научной работе, поэтому это направление умерло, хоть Саша Зудкин и пытался какое-то время его поддерживать, в частности, развитием проекта по инвентаризации лесов Подмосковья. Предварительные результаты показали существование некоторой точки бифуркации между случаем, когда тропинка восстанавливается без следа, и случаем, когда она устойчиво существует в виде канавки; эта точка лежит в диапазоне между 30 и 60 проходами в год.

Результаты научной работы на Кавказе тоже пока не обобщены, это планируется сделать в нынешнем году (в честь десятилетия работы ☺). Предварительные итоги по разным видам отличаются, но ни один результат не позволяет снять существующие ограничения на сбор первоцветов и посещение мест их обитания. От рекреации не страдает лишь иглица, но ее популяции, по предварительным данным, больше всего страдают от сбора. Эксперименты по иглице были начаты только в 2004 году, поэтому их результаты пока совсем не обработаны. По остальным видам в 2005 и 2007 гг. подготовлены промежуточные отчеты.

Яшин Михаил Алексеевич,

преподаватель специальных дисциплин на кафедре экологии (мониторинг окружающей среды, промышленная экология, приборы и оборудование природоохранной деятельности, экологическая экспертиза).

Работал в ДОП МГУ с 2004 по 2009 гг. Про Дружину рассказал друг Дмитрий Поликарпов, он не состоял в Дружине, просто знал о ней и отвел на собрание, дело было в ноябре 2004 года. На следующие выходные поехал в «Журавлиную родину», особо не понимая, зачем. Оказалось, что нужна помощь по подготовке дома к зиме, а также помощь научному сектору в геоботанике: вытаптывание тропинок на болоте — была такая деятельность, дабы выяснить насколько вредит болоту хождение по одним и тем же тропам. Вернувшись, я понял, что обязательно поеду еще раз. Сектор БсБ активно занимался «Первоцветом», «Ель» не проводилась. Весной — тушение палов в «Журавлиной родине»: тогда пожарная компания только начиналась, не было масштабы и многого из того оборудования, которое есть сейчас. Сектор «Заказники» выезжал на подмосковные ООПТ примерно четыре раза в месяц для их описания и проверки соблюдения режима. На операции «Первоцвет» активно работали с окружными отделами экологической милиции. За период работы в Дружине у меня было две «корочки» общественного инспектора: от Департамента охраны природы (Департамент природопользования и охраны окружающей среды города Москвы. — *Прим. ред.*) и СоЭС (Социально-экологического союза). На выезде в ГПБЗ «Кавказский» оформляли удостоверения государственных инспекторов благодаря знакомствам Миши Крейндли. Чаще всего выезжал вместе с сектором БсБ на рейды в «Журавлиную родину»: работали по охоте и по сборщикам клюквы. Семинары и обучение в основном проводил Михаил Крейндлин, а позже — Гриша Куксин. Из выездов запомнилась поездка в Волжско-Камский заповедник на «Нерест» к Дружине КГУ (Казанского государственного

университета). Командиром был Илья Чипига, он же вручал мне значок движения как кандидату, а потом и значок ДОП биофака МГУ. Затем командиром стала Нина Нестерова. БсБ командовал Рожин Артем.

На выездах вечерами собирались и пели, но в основном что-то из бардов или русского рока. Дружинные песни тоже звучали, особо любима была песенка про выхухоль. На выездах любили определять птиц и растения, я много нового узнавал, несмотря на то, что с детства активно интересовался природой. На выездах было традицией показывать гостям достопримечательности.

ДОП биофака МГУ в годы моего участия активно работала с прессой и телевидением. В основном такая работа велась в период «Первоцвета» или с целью экопросвещения. На мой взгляд, работа велась очень успешно.

Зудкин Александр Геннадьевич

Работал в Дружине с 2005 по 2008 годы.

Пришел в Дружину в 2005 году по объявлению, которое висело в Тимирязевской академии... Я заканчивал Тимирязевскую академию, а не университет (МГУ.— *Прим. сост.*). Я пришел на одно из собраний, которое было, собственно, Днем открытых дверей. Дружина тогда мало отличалась от того, что она представляет собой теперь. Это были такие же раздолбаи, которые занимались всякими прикольными вещами в свободное от безделья время.

Я тогда хотел заниматься просто хоть чем-нибудь интересным, и случайно попалось объявление. Так до сих пор вот сижу в природоохранной тусовке.

Привлекла в Дружину вообще научная работа. Тогда Анька (Комарова Анна. — *Прим.сост.*) была координатором в этом направлении. Тогда все так классно рассказали, что я прям загорелся. В том же году поехал на Самаргу. И еще года три я занимался тем, что изображал бурную деятельность по охране природы. Это была научная работа на Кавказе. Потом — борьба с браконьерством, тушение пожаров в Талдоме, и, в общем-то, все.

От Дружины осталось... общее настроение, мне кажется. Какое-то отношение к жизни. Она заставляет легче, что ли, к жизни относиться. С другой стороны, более ответственно.

Роль, как мне кажется, Дружина играла, играет и будет играть воспитательную. На мой взгляд, особо больших проектов там делать не получится. Так как нет ни времени — люди учатся, ни средств, потому что денег Дружине не дают, как правило. И самое главное, что люди приходят и уходят. Тех, которые постоянно там крутятся, буквально единицы, и те все время заняты. Поэтому надо, скорее, просто воспитать некое очередное поколение людей. Выпустить его и взять следующее. Это самая важная роль Дружины. Собственно, такую роль она для меня и сыграла.

Андреева Анна,
заказник «Журавлиная родина»

Работала в Дружине с 2006 по 2011 годы.

Я сама родом из Талдома. «Коренная талдомчанка», как Михаил Крейндин сказал. Я в Талдоме выросла, училась в школе, лицее-школе искусств, занималась игрой на пианино и вообще занималась много чем таким творческим, интересным до тех пор, пока к нам в школу не пришли такие замечательные молодые, яркие, активные дружинники. Тогда это был молодой Гриша (Куксин Григорий. — *Прим. сост.*) со своей первой женой Натальей. И они начали рассказывать про то, как они занимаются охраной заказника «Журавлиная родина», и что мы, жители Талдомского района, должны принимать участие. Мы были тогда еще совсем маленькие, и они нас повезли на небольшой выезд. Как лицей и школа искусств мы должны были поехать рисовать эскизы для аншлагов, которые потом устанавливали в разных заказниках. У нас в Талдомском районе заказник не один, не только «Журавлиная родина», у нас есть еще несколько заказников, и для одного из них я рисовала эскизы. И как-то мне настолько понравились Гриша с Наташей, настолько я прониклась этой идеей, что можно охранять природу, и это как-то очень сильно мне запало в душу. Это было в классе пятом, наверное, или в шестом, сейчас уже сказать сложно. Прошло несколько лет, я с этой тусовкой природоохранной не пересекалась, но всегда про них помнила, собирала вырезки из районной газеты «Заря», в которой что-то писали про заказник, про Дружину охраны природы, и как-то внутренне стремилась и мечтала, что когда-нибудь я тоже вырасту и попаду к этим замечательным борцам за светлое будущее. И потом, в 2003–2004 году, к нам в православный лагерь Глебова, в котором я на тот момент была (это такой хороший палаточный лагерь, который делает наша воскресная Талдомская школа, ну это уже другой разговор), как-то приехала директор Талдомской администрации особо охраняемых природных территорий Ольга Сергеевна Гринченко, ста-

рая дружинница, вместе со Светланой Скородумовой, тоже старой дружинницей и сказала: «Ребята, кто из вас хочет поехать в заказник, чтобы заняться интересным делом — восстановить «прощенный колодчик»?». «Прощенный колодчик» — это тоже отдельная тема, отдельная песня, такая была скорее краеведческая работа, нежели природоохранная. Естественно, я была в первых рядах желающих, и, естественно, я поехала. Это, по-моему, примерно седьмое июля 2003 года. До сих пор хорошо помню тот день, когда нас привезли на экостанцию в Костенево, я увидела настоящих дружинников. Это были ребята не из Дружины биофака, а из Дружины Московского государственного педагогического университета имени Ленина. Сейчас уже Дружины там, к сожалению, нет, но тогда это была довольно бойкая активная дружина, которая в свое время отпочковалась от МГУшной дружины: ребята, которые учились в МПГУ, приходили в МГУ и решили у себя создать дружину. Вот, кстати, Антон Аксёнов тоже там был, в МПГУшной дружине, в свое время... Ну, и как-то я на них посмотрела — такие замечательные ребята! Первый мой вопрос был, когда мы познакомились: «Как я могу сама стать дружинницей?» Они на меня так посмотрели, похихикали и сказали: «Девочка ты вырасти, а потом можешь приходиться». Тогда мне было четырнадцать лет, по-моему, или пятнадцать. Нет, мне было пятнадцать лет, но все равно они похихикали и сказали: «Ну вот, еще дорастешь, будет твое время». «Так! — сказала я, — меня это не устраивает». Ну и в Талдоме организовала ребят из православного трудового лагеря Глебова, у нас была такая позитивная тусовка школьников, которые хотели что-то делать. И образовалась молодежное экологическое объединение — школьное, причем это был уникальный случай. Оно образовалось моими силами и еще нескольких ребят, которые ездили этот «прощенный колодчик» восстанавливать. По образу и подобию дружины, только школьники. Без взрослых руководителей, со своими какими-то проектами, со своими идеями, мы «падали на хвост» к дружинникам, ездили в заказник, учитывали журавлей, помогали тушить пожары. Естественно, нас

как малолетних на пожары тогда еще не брали, но мы доблестно дежурили на крыше, наблюдали за территорией. Конечно, к нам тогда относились, мягко говоря, скептически, потому что — в том числе студенты — все такие взрослые, и приезжают какие-то школьники, причем без руководителя — просто сели на автобус и приехали. Здравсьте, пожалуйста... Но, все равно, хочу сказать огромное спасибо ребятам, что они нас пытались чему-то научить, с собой брали, с нами возились, на самом деле, было очень приятно. Ну, а потом... Как в анекдоте «...Так я полюбил лошадей»... Так я и осталась в заказнике «Журавлиная родина». И до сих пор там работаю, много чем занимаюсь, бок о бок с дружинниками. Я после окончания школы пошла поступать на биофак и даже туда поступила и, естественно, сразу же пошла в Дружину, уже как полноправная студентка, которая может прийти в Дружину самостоятельно. Уже не школьница. Потом у меня были некоторые жизненные трудности, и я ушла с биофака, устроилась работать в Талдоме. Так я там тогда и осталась. В общем и целом канва биографии такая.

За те семь лет, что я общаюсь с дружинниками, с 2003 года, сменилось несколько поколений дружинников, и я росла вместе с ними. На самом деле, очень интересно наблюдать за тем, как человек приходит в Дружину, как он меняется, как Дружина помогает ему раскрываться, и потом, даже если этот человек не останется профессионально охранять природу, так это и не обязательно. Все равно становятся совсем другими людьми. Что еще сказать...

Родители относились очень хорошо. Почему-то меня всегда уважали родители моих друзей и не боялись отпускать их со мной как со старшей, хотя мы в вязывались в какие-то авантюры. Опять же у нас в Талдоме такая провинция, периферия, и у родителей просто не хватает времени, чтобы заниматься своими детьми. Главное выжить. У многих ребят родители работали в Москве. Сами ребята родителей почти не видели, и когда родители узнавали, что ребенок едет куда-то защищать журавлей, они были рады, всеми руками и ногами были только «за». Это в сто раз лучше, чем

если ребенок пойдет пить пиво в подъезде, и это в лучшем случае пить пиво, ведь могут быть и другие варианты. Конечно, родители были только за наши какие-то вылазки, пытались что-то заранее обещать, договариваться. Вроде мы вот уезжаем на экостанцию с ночевкой, но причин, чтобы не пускали, я даже не припомню. В нашей организации был некий костяк «движков», ребят которые что-то придумывали, что-то организовывали, договаривались со старшими товарищами, дружинниками, и были ребята, которые приходили, уходили, интересовались, помогали что-то делать. В общем и целом у нас было человек десять активных, ну и десять-пятнадцать сочувствующих. Потом мы все выросли, Дружине в этом отношении проще передавать какие-то свои идеи. А школьники что — закончили школу и разбежались. Все равно, это был светлый период в жизни, яркий, интересный. Недолго, всего полтора года. Ну, а потом для меня началась Дружина. И, конечно, поскольку я живу в Талдоме, занималась в основном «Журавлиной родиной», сейчас уже и как старший, и что-то организую, и рулю какими-то процессами. А раньше приезжала, помогала, мне было проще — двадцать минут до заказника от моего дома. Ездила на разные выезды, пыталась выезжать в Москву, когда была возможность, потому что я работала в госучреждении, там пятнадцатка, иногда и по выходным заставляли работать... Все-таки газетное дело — оно такое: работа по свистку.

А вообще дружинников я многих повидала, многих командиров пережила, мне всегда было очень интересно, что в «Журавлиную родину» люди приезжают, уезжают, а я там остаюсь.

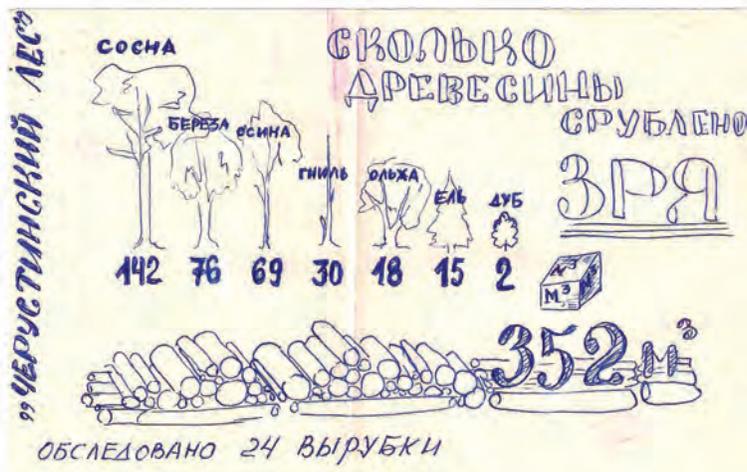
Приложение 1.

Стенгазеты и объявления

ИНФОРМАЦИЯ

9 октября 1978 г. в кабинете зам. Председателя Исполкома Мособлсовета тов. Е.С.Рячина состоялось расширенное обсуждение проекта "Схемы размещения и использования торфяных месторождений в Московской области до 1990 года", составленного Гипроторфом. Интересы охраны природы на этом заседании представляли И.М.Блуштейн /Мособлсовет ВООП/, В.А.Зубакин /МГУ/, Г.Г.Куликова /Ботсад МГУ/, О.Л.Лисс /МГУ/, А.Н.Панков /Мособлсовет ВООП/. Проектом "Схема" предусматривалось начать разработку после дник оставшихся 32 месторождений торфа в Московской области, в том числе Дубенского болотного массива, /место гнездования серых журавлей и белых куропаток/, Апсаревского болота /Район тысячных скоплений журавлей во время осеннего пролета/, долины р. Шья /оборванный заказник в Белоомутском охотхозяйстве/ и ряд других ценных болот. Общими усилиями проект "Схемы" был зарублен. Зампред исполкома тов. Е.С.Рячин рекомендовал Гипроторфу не выставлять подобных проектов на обсуждение без согласования с Обществом охраны природы, зоологами и ботаниками.

9 мая КИЁВО

9 мая на озере Киёво состоится традиционное купание дружинников (и всех желающих), посвященное учёту гнёзд в колонии озёрных чаек. Желающие принимаются в неограниченных количествах, независимо от пола, возраста, весовой категории. Всем иметь: головные уборы, верхнюю одежду, которую не жалко пачкать, нижнюю одежду, которую не жалко промочить /студ. билет/.

СБОР: в 9⁰⁰ около пригородных касс Савёловского вокзала или в 10⁰⁰ на станции Лобня у последнего вагона.

Фамилия, имя	курс	группа	Фамилия, имя	курс	группа	Фамилия, имя	курс	группа
Красовая Е.Д.	5с	38П	Вейсбургер А	II		Артюхин Ю		III
Поповичи Е	2	2	Май В.В.	III	3.и.	Судзуков Ю.		III
Клекин А	III	и.к.	Линдберг			Зинин В		III
Ткацкий А.	5	38П	Хонин		и.в.а.			
Маханов М.	1	27/141	Кабанов					
Тесова	141	ком	Минин					
Маркина	3	в.в.в.	Кочнев					
Роз Д	3	с.	Михайлов					
Клиба	и.к.		Михайлов					
Стефануца	своб.	з.г.	Есенова					
			Дехов Д	-1	I(0)			
			Демин Д	-1	II(A)			

ИНФОРМАЦИЯ
Вася Спиридонов находится
сейчас в Рио-де-Жанейро.
Скоро будет в Монтевидео.
Телеграммы (радиограммы)
направлять по адресу:
Севастополь 14, Н.П.С. „Одиссей“.
Письма (3и 4 коп) по адресу:
Республика Уругвай
Монтевидео, Посольство СССР
для научной группы
Н.П.С. „Одиссей“

Ф
А
Л
Т
А

Производится набор в зимнюю фанквистическую ЭКСПЕДИЦИЮ в Подмоскowie (на зимние каникулы). Желающим принять в ней участие необходимо записаться у В.ЗУБАКИНА (комн. 554) или позвонить ему домой (т. 307-78-09) до 28 декабря 1977г. включительно (и чем раньше, тем лучше).

ТОРОПИТЕСЬ!

Приложение 2.

Статьи

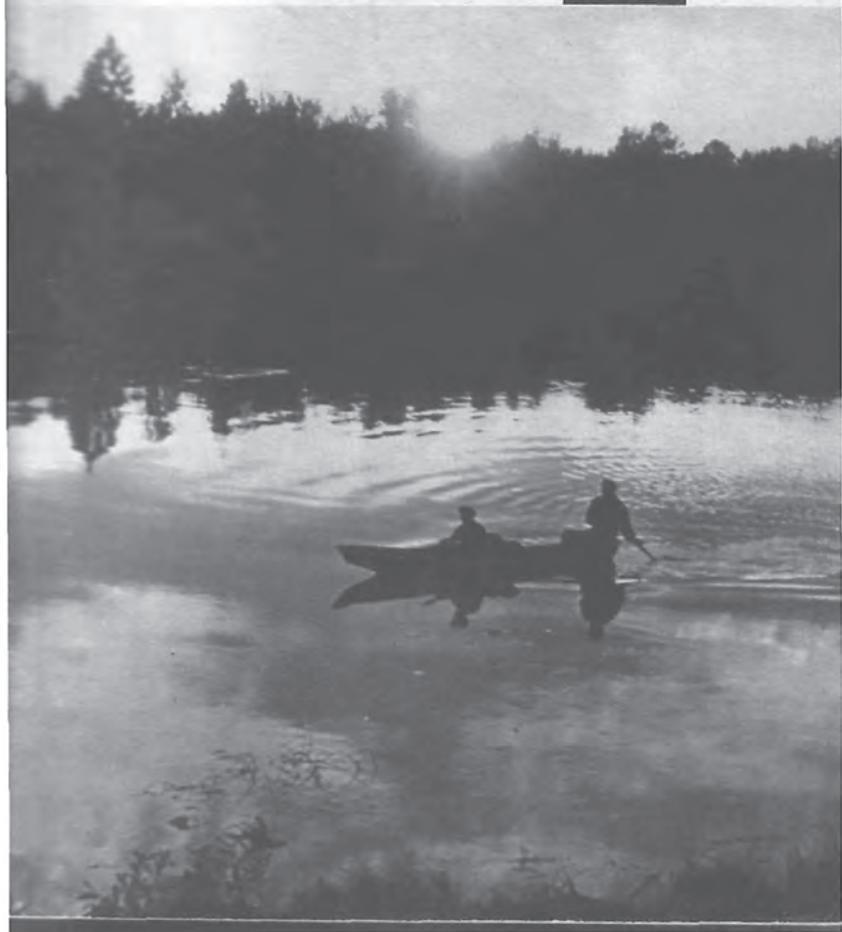

охота

и охотничье хозяйство

1966

Фауны

ОСЕНЬЮ 1960 ГОДА на биологическом факультете Московского университета охотниками и рыбаками была создана дружина по охране природы.

Дружинники проводят большую пропагандистскую работу, выступают с лекциями и беседами, руководят школьными биологическими кружками, устраивают выставки, просмотры кинофильмов и т. д. Но главное в деятельности дружины — борьба с браконьерством.

В дружине — около 60 человек. В ее работе участвуют также и другие студенты и сотрудники факультета, которые в дружине не состоят. Новички проходят определенный испытательный срок, после чего лучшие из них получают звание члена дружины и удостоверение общественного охотника-инспектора, общественного инспектора рыбнадзора или общественного ин-

спектора по охране природы. Эти удостоверения выдают Госохотинспекция, Государственная инспекция рыбоохраны или Московское областное отделение Всероссийского общества охраны природы по представлению дружины и охотколлектива.

Инспектора получают подготовку не только в угодьях. С дружинниками регулярно проводятся инструктивные семинары, на которых их знакомят с правилами и сроками охоты и рыболовства, правами и обязанностями инспекторов, порядком составления протоколов на нарушителей и т. д.

Руководит дружиной штаб из семи человек и группа кураторов преподавателей и научных сотрудников факультета.

Самое непосредственное участие в работе дружины принимает коллектив охотников и рыбаков факультета. Это и понятно: ведь охрана природы — кровное дело всех охотников и рыбаков. В нашем охотколлективе 108 человек, из них 50 стали членами дружины.

Крутой год по воскресным и праздничным дням, а то и в будни выезжают дружинники в охотхозяйства и

на водосмы Московской области. Выезжают бригадами не менее 10—15 человек, группы состоят из 5—7 человек. Меньшими группами работать трудно. Перед каждым рейдом, в зависимости от конкретных условий работы, проводим инструктаж и назначаем старших по группам.

Опыт борьбы с браконьерством пришел не сразу. Бывали случаи, когда браконьеры, особенно если их было много, уходили безнаказанными. Иногда допускались ошибки в составлении протокола, что мешало инспекциям разсматривать нарушителей. Теперь все это позади. Дружина окрепла организационно, участники ее стали опытные.

Вот некоторые примеры из деятельности нашей дружины. Однажды двое инспекторов задержали в районе Вуково шестерых вооруженных браконьеров, доставили их в населенный пункт и составили протокол. В другом случае дружинник Э. Содал в Вышнеградковом охотхозяйстве ВОО во время весеннего наводка догнал и вылавил лодку с тремя вооруженными браконьерами и заставил их пристать к берегу. Случайное нарушение ока-

Студенты охраняют

УДК 591.815

казали физическое сопротивление, угрожады оружием и даже стреляли по инспекторам. Но во всех случаях наши дружинники выходили победителями.

За прошедшие пять лет дружина собирала почти во всех охотничьих хозяйствах Московской области. Промышленно же мы работаем в хозяйствах МСОИР — Воскресенском, Гусьинском, Звенигородском, Можайском, Московском. Большая работа проводится также в лесохозяйских поездах города и в самой Москве.

Задав вопрос: «А каковы итоги работы?» думаем, что лучший ответ на него дадут цифры. Только в 1965 году было приведено 36 групповых выводов по борьбе с браконьерством. В них участвовало около 500 человек. На нарушителей составлено 79 протоколов (из них 14 — на нарушителей законодательства, остальные на охотников). И это только за один год, притом далеко не самый «уродливый». В 1961 году, например, было составлено 207 протоколов. А сколько проведено бесед с нарушителями, конфисковано охотничьих орудий, хищнических орудий рыбной

ловли, сколько уничтожено заводов на рыбу и других приспособлений? Вы не знаете, когда одна группа в 10—15 человек составляла за день по 18—20 протоколов, уничтожала до 20 подеркинов, проверяла документы на право охоты у 90—70 человек.

Важно не только пресечь браконьерство, но и вызвать по поводу каждого случая нарушения общественной резонанс. Поэтому у нас заведена строгий порядок: помимо составления протокола, выпрашивать письма по месту работы нарушителя с просьбой обеспечить в коллективе предприятия или учреждения поведение их сотрудников в охотгодьях и принять меры к тому, чтобы подобные случаи больше не повторялись. Отсюда, что, как правило, администрация, партийные и профсоюзные организации горячо осуждают вопиющие действия своих работников.

Работают члены дружин на совесть, бескорыстно. Деньжатах вознаграждения, которые получают наши инспекторы за выявленные случаи браконьерства, идут на приобретение для дружин оборудования (биноклей, фотоаппаратов и пр.), а также на расширение самых активных и достойных членов дружин.

Хорошую работу дружины и охотколлектива лесхозартели отметили Московское общество охотников и рыболовов, Госохотинспекция и Всесоюзное общество охраны природы, а лучшим ее членом ежегодно награждают грамотами и ценными подарками.

В заключение следует сказать о том, что мешает вести действительную борьбу с браконьерством. Существенные инспекторы имеют еще мало прав даже в сравнении с правами дружинников по охране общественного порядка. Непригодность последних во время исполнения своего общественного долга охраняется законом. На явную же общественных инспекторов такой закон не распространяется, хотя работа у них не менее опасна и трудна. Ведь зачастую общественным инспекторам оказывают физическое сопротивление, иные браконьеры не останавливаются даже перед применением оружия. Такие хулиганские действия обычно остаются безнаказанными.

Вызывают недоумение многие меры наказания браконьеров. Мизерные штрафы, а то и просто предупреждения не оказывают никакого действия на нарушителей. Из нашей практики на лиц, допустивших нарушения закона, видно, что случаи повторных нарушений не единичны. К усилению же ответственности даже самых браконьеров привлекают сравнительно редко. И, конечно, большой недостаток в борьбе с браконьерством — это такая малочисленность. Еще мало армия общественности, активно охраняющей природу.

Отсюда природа — всенародное дело. Мы призываем охотников и рыболовов объявить непримиримую борьбу хулиганам и разгромить государственного охотничьего фонда.

Е. СМАНЦЕР
В. ТИХОМИРОВ

Читатели предлагают

МОЛОДЕЖЬ таежных лес и городов, едва достигнув совершеннолетия, уходит на время в горы, имея, что там получают специальности. Но иногда предпочитают любить тайгу, потому что выросли возле нее.

Мне кажется, нужно было бы создать несколько профессионально-технических училищ для того, чтобы молодежь смогла получить специальности охотничьих промыслов. Поскольку, это будущий рядовых работников промысловых охотников.

И. ЯКИНКИН
Воскресенский мезд

ОХОТНИКАМ горных районов хорошо известно, что иметь без халуса для халуса не тайге не годится. А на одну пару оленьих лисиц снять шкуру с 6—8 ног крупных копытных: лося, оленя или, на худой конец, коз. Но это не всегда возможно. Между тем наша химическая промышленность имеет возможность и должна выпустить синтетический халус.

Среди химиков есть, конечно, и охотники. Слово за вами, товарищи!

Н. ЮШИН
г. Челябинск

Об этом же нам написал Р. Валтер из г. Амурск Хабаровского края.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ охотустройства экспедиция Главного охотничьего управления СССР проводит обобщение охотничьих хозяйств на территории РСФСР. В основном, оно закончено. Хотелось бы прочесть на страницах нашего журнала о том, как проводится в жизнь рекомендации охотустройственных партий. Об этом должны рассказать работники охотничьих хозяйств, в которых проводилось охотустройство.

А. ЧИКОВ
г. Москва

НАДО нам можно строже наказывать тех охотников, которые таскают добычу из чужих наделов. Белого, до несомненно из членов общества охотников. Ведь есть и такие, которые не пытаются вынуть из надела на только лесу, но и волка.

П. ПЕТРОВ
Бурятская область

природу

● Бедят браконьеры... (Витязьградское хозяйство).

● Поверли охотничьи документы.

Викторина собаковода

В № 5 ЖУРНАЛА мы предложили читателям ответить на 10 вопросов на общую собаководскую тему. Среди ответов, полученных редакцией, лишь один оказался исчерпывающе полным и правильным. Принадлежит его москвичу Петру Петровичу Автономову. Остальные ответы были неполными. Иные, кроме Автономова, не смогли, например, правильно ответить на первый, седьмой и девятый вопросы викторины. Это объясняется, очевидно, недостаточным знакомством большинства читателей с зарубежной кинологовической литературой.

Публикуя ответы на викторину, мы в какой-то мере стремимся восполнить этот пробел.

1. Когда и где состоялась первая официальная выставка собак?

14 июля 1863 года в Тамбурге (Германия).

2. Какой породы собаки никогда не лаяют? Базинги — разновидность голубей Центральной Африки. Внешне напоминают гладкошерстную лайку. Сохранились древние (4 тысячи лет до нашей эры) изображения этой собаки.

3. Сколько премоляров (или миксокоренных зубов) имеется в челюстях собаки? По 4 пары в верхней и в нижней челюсти.

4. Что такое «коэффициент Райта»?

Этот коэффициент применяется в жакетологии (в др. Запада — и в собаководстве) для характеристики степени инбридирования. В отличие от принятой у нас системы (например, I—IV, III—III) он дает возможность сопоставления различных степеней родства (например, 0,12, 0,16 и т. п.).

5. Какие виды диких собак встречаются в джунглях?

У представителей семейства собачьих встречаются, как правило, только прямая (кельцеобразная) и колючеобразная прыгуны.

6. Назовите породы собак из группы охотничьих терьеров.

1. Бедлингтон, 2. Бордер, 3. Буль, 4. Диндл-Диндлон, 5. Ирландский, 6. Карликовый, 7. Керри, 8. Ливленд, 9. Манчестерский, 10. Слай, 11. Скотт, 12. Стаффордширский, 13. Силкингем, 14. Тибетский, 15. Той-терьер, 16. Уэльский, 17. Фокс (гладкошерстный и жесткошерстный), 18. Эдель.

7. Максимально зарегистрированное в одном помете количество щенков.

23 щенка принесла 11 февраля 1943 года фоксхвуд Лена в городе Зембер, штат Пенсильвания (США).

8. Какая порода собак была выведена браконьерами и какая для борьбы с браконьерами?

Во второй половине XIX века браконьерство в Англии получило очень широкое распространение, став «социальным злом». Браконьеры сэрвентили стервоглинского терьера с выдровой голубкой; им была нужна смелая собака с развитым охотничьим инстинктом и многозачатным окрестом. Таким образом они вывели исходную форму современного зрель-терьера.

Для пары охотничьих угонщиков скрещивали бульдога (в то время злобного и поджарого, но малочисленного с охотничьим, но недостаточным поджарым мезостомом, образовав бульмастифа, близкого современному боксеру).

9. Сколько фильмов по числу экзemplаров выставлено в собаке?

6 и 7 февраля 1960 года на стадионе «Олимпик» в Лондоне было представлено 7203 собаки.

10. Сколько у собаки пар ребер, в том числе реберных?

13 пар, в том числе 4 пары лопатки.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ, ПОМЕЩЕННУЮ В № 10 ЖУРНАЛА

ПРОЧТИ И ВЫПОЛНИ

Убедившись на собственной горькой опыте, что журнал «Охота и охотничье хозяйство» в последние годы практически незаметно для читателей замедряла в своем развитии, очень приятный свет «Охотник, зарево подлиннее» на свой журнал и поспешит то же своему товарищу.

В НОМЕРЕ

В. ДЕНИСОВ. Нужды и задачи промысла	1
А. ЧИСЕЛОВ. В тесном содружестве	3
Всероссийское соревнование работников пушного промысла	5
М. ГЕЛДЕР. Переделкины пещер	6
В. ДЕРЖИМ. Повысить уровень заготовочных цен	8
Э. СТРЕЛЬЧЕНКО. Сохранить природные богатства	11
Д. ЛИСИЦЫН. Об оленях оленята	12
Е. СМАЦЕР, В. ТИХОМИРОВ. Студенты охотят	14
И. ЖАРКОВ. Итоги расселения бобров	16
Н. ГРАКОВ. Лесная кунстка	20
С. ТЕРЯКОВ. С лайкой за лесом	23
П. БЕЛЯЕВ. Притравка лая по медведю	24
А. СПИРИДОНОВ. Питомник спортивных «Диндлонов»	26
Л. СУХОВА. Живил и его покровитель	27
О. ЛЮСЕР. Оборудование охотничьих стрельбищ за рубежом	28
О. ЖАРОВ. Полнее удовлетворять запросы промысловиков	30
А. БЕРДИКОВ, И. НЕСТЕРЕНКО. Методы испытания	31
С. НИКИТИН. Моральные узоры	32
Н. ШИПАЧЕВ. Нагоним	34
Н.Н. СМЯРНОВ. Золотой Пале	36
Мария РОМАЛОВА. Служ	38
И. КРАСНОЖЕН. Охота в Польше	40
Д.А. ЖИТЕНЕВ. Ишим фотокорреспондент. (В. Е. Гленерстер)	42
Г. ВЕРНЕР. Амурский горал	44

На первой странице обложки:

И заветный места.

Цветное фото В. ГИПЕНЕРТЕРА.

На второй странице обложки:

«На охоте».

Автофотография лауреата Ленинской премии народного художника СССР Н. ЖИТЕНЕВА.

На четвертой странице обложки:

Тибетский заводчик, удачник Дамбай-Улиген.

Цветное фото В. ГИПЕНЕРТЕРА.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О. К. Гусев (главный редактор).

А. Г. Банингов, В. Ф. Гаврич, В. Г. Гелтнер, Д. Н. Диндлон, В. В. Демкин, Г. П. Демингас, Н. В. Енисеев, А. М. Колосов, А. Н. Корольков, А. П. Мазовар, И. А. Максимов, А. В. Машинковский, С. П. Науменов, Е. Н. Перелюжи, Б. Е. Попов, С. М. Успенский, К. А. Астров [зак. гл. редактор]

Оформление А. А. Шевцова.

Технический редактор Л. А. Гребцова.

Издательство «Колос»

Адрес редакции: Москва, К-6, ул. Горького, 32.
Тел. 5-63-98; Д-9-44-11; 5-6-50-93.

Рисунки и фото не возвращаются.

Т 12375. Формат 80×97%

Подписано в печать 20. IX. 1966 г.

Заказ 04241, 9 п. л. Тираж 600.000 экз.

Издательство и комбинат печати «Радность Украина», Киев. Восточно-украинский проспект 14.

6 сто

Московская правда

СУББОТА, 18 ДЕКАБРЯ 2010 ГОДА

ЭКОЛОГИЯ

Здесь делают реальные дела...

Появка назад, во время «трещины» отпали студенты биосфера МУГУ сделать первую в стране ДОП по охране природы (ДОП) - международную природоохранную организацию.

Она действует до сих пор. В начале апреля ДОП'цы выехали из Зеленоградского биосферного МГУ и провели там своеобразные учения: разгребли снег савойскими инструментами по охране природы, а в роли биологов выступили вегетарианцы.

Но обобщили, размутили, и без оформленной части в Оракекском журнале биологического факультета МГУ прошла научно-практическая конференция, на которую съездились члены дружки из разных регионов России и ближнего зарубежья. Почувствовали ДОП'цы и в российской колледжной форме: «Спасатели России» и молодая экологическая полиция, - стоящая в Российском химико-технологическом университете им. Д. И. Менделеева.

В гашет об основателе ДОП и в беседы: кураторы Владимир Титомаров (выходящая ботаник, член-корреспон-

дентологией 12 решений органов власти по экологическим проблемам. Привлечены к ответственности более 5000 нарушителей правил охота и рыболовства. Меньше стало незаконных рубок леса в подмосковных лесах. Прерваны входы в Москву краснокнижные перелеты. Собраны научные материалы по редким видам растений и животных для Красной книги Московской области.

Вот уже 30 лет ДОП'цы изучают и оберегают природу последнего сохранившегося крупного болотного массива в заказнике «Журавинка» (Талдомский район Московской области).

В 1979 году объединили ДОП из разных городов взамен под контроль западную систему Туземцев. В результате в город юго-западного Колледа создан Союз-Харьковский заповедник на 29 тысяч га. Обеспечить его охрану послала сборная команда из Новосибирска, Москвы, Ташкента, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Казахстана, Донецка, Калуги.

В 1980-е годы дружка выступила против переоборудования рек в Казахстане (Богатырь Плещин, Северная Двина). В 1986 году благодаря проведению экспедиции этот проект был отменен.

В 2000 году при поддержке Пивоварской ассоциации ДОП породили дружки в Ульяновске, Ижевске. Вместе работают дружки МГУ в Татарии. Возникла мощная ассоциация сибирских дружек. Созданы дружки в Благовещенске, Бурятии, Владивостоке, Хабаровске, на Урале.

— Выступили ДОП биосфера МГУ работают во многих природоохранных государственных структурах, в том числе заповедники, в неправительственных и общественных организациях, таких, как WWF России (Всемирный фонд дикой природы), Гринпис Россия, Центр охраны дикой природы (ЦОДП), Социально-экологический союз (СоЭС), Союз охраны птиц России (СОПР), и других, - продолжает Александр Зиньков. Некоторые из них были созданы силами выпускников дружки (Социально-

экологический союз. Центр охраны дикой природы и др.).

Как говорит сама ДОП'ца, именно в дружке они получили множество профессиональных навыков и умение работать в команде. Вместе можно сделать больше, считают активисты движения.

Уже давно в дружку выступают студенты на только разных факультетах МГУ но и других вузах Москвы. В последние годы ребята активно участвуют в различных палках, занимается экологическим просвещением, борется с нарушениями режима охраны природных территорий.

В основном и целенаправленно стал заниматься охраной природы еще до поступления в Московский университет - рассказывает Александр Иванов, координатор по городу филиала ДОП МГУ. - Потом в 2007 году поступил в МГУ, а в сентябре 2008-го шел по маршруту нашего географического факультета и случайно увидел объявление о дне открытий диверс ДОП МГУ. Какую одну едновременно? Пришел к ним, посмотрел, послушал, решил съездить с ними. Потом пришел на собрание по поводу Лесного дела. И как - слово за слово, а главное - дело за дело - вступил в дружку. Основной причиной стало то, что охрана не делал реальные дела, а не треплется по чертам и от лица от большинства людей, которых я встречал раньше.

— Угнет, Байкал, Соинский национальный парк - все это горючие экологические точки нашей страны, - объясняет Александр. - Проблемы, связанные с их использованием, давно вышли не только на всероссийский уровень, но и на международный. Процесс решения таких проблем мы и называем горючими камнями. Как правило, они требуют быстрого и активного вмешательства со стороны местных организаций. Проблема не воле бабкам, нельзя удержать ее сачками, автор и антропоцентризм - это не экологический подход (в нем должны быть только интересы и потребности животных и экосистем).

Использование территории в качестве заповедника камнями и разданный структура организации должны быть сбалансированы. Не имеет ли отношения к этому? - Да, потому что мы не можем позволить себе не учитывать интересы и потребности местных жителей. Мы не можем позволить себе не учитывать интересы и потребности местных жителей. Мы не можем позволить себе не учитывать интересы и потребности местных жителей.

— В ДОП каждый сам выводит, чем он будет заниматься и сколько времени на это потратит. Можно работать в природоохранном заповеднике, а можно в другой доли. Можно по 15 минут студентской программы собирать подходы своих друзей, а можно за неделю проводить сессии. Но ведь это тоже работа. Вместе можно сделать больше!

Полтавцева Елена СЕРОВА

Безопасность

Пусть елка не заставит плакать!

С приближением праздников работы у врачей и пожарных к сожалению, прибавили. Главной тонкой - паркетчица. Еще меньше, и на новогоднюю ночь закрывает все эти «люди», «континент» и прочие «массовые». В этот период приходится с ними эти забавы мирно обобщаются всевозможными способами.

— Наблюдая типичные травмы - это сломали руку и лодку, - рассказывает корреспондент «МТ» Федор Федорович «Алексей Жукович». - Нередко наблюдаются травмы лица. Стоит сказать, что подхватывает себя большой опасностью - дайте мне рюмку. Младшие дети бы не пили алкоголь, поэтому иногда выпивают инстинктивно самооборону. Но в основном, не всегда. В этом году в будни мы даже в новогоднюю ночь, например, проводим профилактические мероприятия.

— По статистике все равно не стало. Далеко не все помню, что федерации не удалось установить на самодельные конструкции, чтобы избежать травмы и травматизма. Но в основном, не всегда. В этот году в будни мы даже в новогоднюю ночь, например, проводим профилактические мероприятия.

— По статистике все равно не стало. Далеко не все помню, что федерации не удалось установить на самодельные конструкции, чтобы избежать травмы и травматизма. Но в основном, не всегда. В этот году в будни мы даже в новогоднюю ночь, например, проводим профилактические мероприятия.

— По статистике все равно не стало. Далеко не все помню, что федерации не удалось установить на самодельные конструкции, чтобы избежать травмы и травматизма. Но в основном, не всегда. В этот году в будни мы даже в новогоднюю ночь, например, проводим профилактические мероприятия.

— По статистике все равно не стало. Далеко не все помню, что федерации не удалось установить на самодельные конструкции, чтобы избежать травмы и травматизма. Но в основном, не всегда. В этот году в будни мы даже в новогоднюю ночь, например, проводим профилактические мероприятия.

— По статистике все равно не стало. Далеко не все помню, что федерации не удалось установить на самодельные конструкции, чтобы избежать травмы и травматизма. Но в основном, не всегда. В этот году в будни мы даже в новогоднюю ночь, например, проводим профилактические мероприятия.

Этот номер газеты предлагается вашему вниманию в лучших ресторанах Москвы. Сочетайте приятное с полезным!

Ресторан «Сити Хаус»
 в Садовом, 16 (ст. м. «Маяковская»),
 тел. 790-06-30
 Косовый вал, 94 (ст. м. «Савиловская»),
 тел. 939-19-19

Ресторан «Миллениум»
 Савиловская ул., д. 13, тел. 290-55-70
 Талдомская ул., д. 10, тел. 298-95-39
 Талдомская ул., д. 1, стр. 2, тел. 230-66-62
 Прохонина ул., д. 38, тел. 787-58-15
 1-я Троицкая-Басильевская ул., д. 1, тел. 251-08-84

Ресторан «Ромеос»
 1-я Троицкая-Басильевская ул., д. 2,
 тел. 251-08-84

Ресторан «Сити Хаус»
 Матвеевская ул., стр. 6, тел. 256-14-97

Ресторан «Домашний»
 ул. В. Давуровая, тел. 229-33-32
 ул. Полянская, 17 (ст. м. «Чистые пруды»), тел. 916-04-45

От горящей травы до горящего леса

Были в Селижаровском районе Тверской области маленькая деревня Фролово. Вот что осталось от нее после травяного пала в апреле 2009 года

Весна набирает силу, сходит последний снег, прошлогодняя трава подсыхает на жарком солнышке — и вот уже к ней наклоняется человек с зажигалкой. Чаще всего это школьник-прогульщик, которому охота посмотреть, как побегут язычки пламени и почернеет полянка, но иногда — интеллигентный горожанин на природе, а то и местный житель. И на вопрос «Что вы делаете?» взрослые поджигатели уверенно отвечают: «Это полезно для травы, она потом быстрее вырастет! Вы разве не знаете?» Получить ответ на следующий вопрос: «Откуда вы это взяли?» — удается редко, но некоторые пироманы ссылаются на саванны и прерии, а также на подсечно-огневое земледелие наших предков. (При этом они не вспоминают, что предки выжигали не траву, а деревья и кусты, чтобы с наименьшими трудозатратами очистить будущую пашню, да и прогрессивным этот способ земледелия никак нельзя было назвать.)

Специалисты единодушны: в средней полосе России пожары не играют никакой положительной роли. Рассказывает **Артём Зименко**, командир Дружины охраны природы биологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (эта добровольная организация помимо других форм природоохранной деятельности занимается и тушением пожаров).

Фото: Виктор Валлер

Новая трава точно не вырастет быстрее. Это чисто визуальный эффект: на черной земле зеленые ростки видны лучше, чем под толстым войлоком сухой травы, через который еще надо пробиться. Иногда кратковременное прогревание почвы может дать преимущество, но очень незначительное. С другой стороны, при постоянном выжигании из почвы быстрее выветриваются, вымываются минеральные вещества. В норме их удерживают гниющие рас-

Фото: Георгий Винетаев

тительные остатки, которые формируют и физическую структуру почвы, необходимую для роста, — рыхлость и др. Горение разрушает эти органические компоненты, поэтому систематическое выжигание травы снижает плодородие почвы, а не повышает его.

Если в каких-то местах на земном шаре пожары можно назвать естественным явлением, к которому оптимально приспособлена флора, то в наших условиях это точно не так. Конечно, в средней полосе имеются пирогенные растительные сообщества — те растения, что первыми заселяют выжженную землю, но они, как правило, беднее других по видовому составу.

По поводу того, что природные пожары — якобы естественное явление: даже по официальным данным в нашей природной полосе 99% пожаров начинаются по вине человека, а оставшийся процент приходится на «неустановленные причины». Вообще говоря, естественных причин пожара может быть всего три: «сухая» молния, падение метеорита и извержение вулкана. Две последних для нас малоактуальны, да и грозы без дождя бывают нечасто, а леса и торфяники горят.

Возможно, в каких-то случаях человек становится причиной пожара абсолютно неумышленно — например, есть мнение, что бутылочные стекла в жаркую погоду могут фокусировать свет и поджигать траву. Но по моему опыту тушения пожаров (порядка полусотни) почти всегда можно, бегом осмотрев местность, найти куда более очевидную причину: плохо потушенный костер, след машины или же улики непосредственного поджога. Многие поджигатели действуют из хулиганских побуждений, но некоторые — и для того, чтобы нажиться.

Казалось бы, вред людям от пожаров очевиден. Причем даже сгоревшие дома — это мизерный ущерб по сравнению с вредом для здоровья при массовых пожарах, когда множество людей получают заболевания респираторной, сердечно-сосудистой системы. Статистики нет, но есть основания полагать, что в 2006 году, когда вся Москва была задымлена из-за горящих торфяников (а горели они, кстати, довольно далеко от столицы), ущерб здоровью был значительным. Однако есть люди, которые извлекают из лесных пожаров материальную выгоду. И не только владельцы земельных угодий, которые охотятся с помощью огня луг или пастбище — метод нецивилизованный, зато и нетрудовой.

Например, в Ленинградской области добровольные лесные пожарные, которые во многом учились на нашем опыте, успешно борются с одним распространенным лесонарушением. В особо ценных лесах часто запрещают любые рубки, кроме санитарных (то есть тех, которые способствуют поддержанию здоровья леса). Необходимо убирать деревья, зараженные короедом или массово погибшие, иначе вредители будут размножаться и перейдут на здоровый лес. Чтобы обойти запрет, используют такую схему: устраивают низовой пожар, то есть поджигают подстилку, стволы снизу чуть-чуть обугливаются, и после этого их быстро срубают под видом санитарной рубки. На

этом делаются огромные деньги — неизвестно, сколько именно, поскольку лесной охраны как государственной службы в нашей стране сейчас не существует, и в этом еще одна причина массовых пожаров.

Второй способ реализуется в некоторых небогатых районах Московской области. Районные власти, по идее, должны тушить пожары сами, но фактически они просто не в состоянии это делать. Зато если возникает большой пожар, например горят торфяники в течение недели-двух, то объявляется чрезвычайная ситуация, а это тоже источник денег — если не для всего района в целом, то для представителей администрации. Кроме того, это хороший пиар-повод: все видят по телевизору, как МЧС борется с природными пожарами. Другой вопрос, насколько это эффективно.

Бывали случаи, когда авиаторы промахивались мимо пожара и заливали водой населенный пункт. Но самое главное — тушить торфяники с помощью авиации просто нельзя. Во-первых, торф горит не с поверхности, а в глубине. Во-вторых, когда вода падает с большой высоты и ударяется о почву, в воздух вылетает горящая торфяная крошка, и пожар только сильнее распространяется. Впрочем, этот способ тушения в нынешнем варианте неэффективен и против лесных пожаров из-за малого количества самолетов. Прежде авиационная служба лесной охраны была федеральной, такая система позволяла перебрасывать силы и технику из региона в регион. В 2006 году, после введения в действие нового Лесного кодекса, ее разделили на региональные службы, и в большинстве регионов они сразу же исчезли из-за нехватки финансирования. Работавших остались буквально единицы, например в Мурманской области. Понятно, что в такой ситуации службы теряют квалифицированные кадры, и чем дальше, тем сложнее будет восстановить их, если это вообще еще возможно.

Для тушения природных пожаров существуют специальные средства, «городская» техника тут годится не всегда. Насос невозможно снять с пожарной машины и отнести на руках туда, куда нельзя подыхать. Для этого нужны ручные помпы — их могут переносить, в зависимости от размеров, один или два человека. Такую помпу приносят к источнику воды, ствол на конце пожарного рукава засовывают и торф и тщательно его проливают. Тушение торфа бывает весьма трудоемким, особенно если начинается слишком поздно. Очки горящего торфа приходится подолгу проливать водой. А учитывая, что после травяного пала таких очагов может оказаться несколько, тушение даже небольшого торфя-

Когда горит трава (фото слева), гибнут не только растения, но и улитки (фото справа), насекомые, мелкие млекопитающие... (Пахра, 2006)

РАССЛЕДОВАНИЕ

ного пожара может занимать часы. Однако затраты на такие мероприятия куда меньше, чем на авиацию.

В Московской области Дружина охраны природы биофака МГУ организует тушение пожаров в заказнике «Журавлиная родина» и на прилегающих территориях совместно с администрацией заказника, Обществом добровольных лесных пожарных и Гринпис России. Начинаясь эта деятельность около двенадцати лет назад, силами дружинников. По мере накопления опыта, по мере того, как бывшие дружинники начинали работать в других природоохранных организациях, опыт распространялся. Так появилось Общество добровольных лесных пожарных.

Сейчас функции организаций, занимающихся борьбой с пожарами на природных территориях, распределены между ними примерно таким образом: ДОП поддерживает работу противопожарной базы «Журавлиной родины», продолжая охранять собственно заказник и самые ценные территории. Кроме того, на этой базе обучаются добровольцы из других регионов. Общество добровольных лесных пожарных тушит пожары в Ленинградской области, на территории проектируемого национального парка «Ладожские шхеры» и помогает передавать опыт добровольчества другим регионам. Гринпис России в первую очередь обеспечивает распространение такого опыта, распространение информации о пожарах, методическую поддержку всех подобных инициатив.

Заказник «Журавлиная родина» считается одним из самых ценных в Подмоскowie. Один его участок входит в перечень так называемых ключевых орнитологических территорий России. Это весьма древний агроландшафт, мозаика из небольших полей, сильно различающихся по составу, возрасту, качеству обработки, лужков, остатков лесов, болот, канав, перелесочков. Все это разнообразие создает удобные условия для птиц, среди которых есть включенные в Красную книгу России, например большой крошклев. Второй участок — самый крупный болотный массив Московской области. Его площадь — всего 6,5 гектаров, но особая ценность его в том, что это типичная дикая часть нашего региона экосистема, которая осталась очень немногим. Важно, что она показала себя стабильной: в отличие от многих других подобных экосистем, торфяники «Журавлиной родины» не исчезают из-за отдаленных последствий мелиорации. На болотах обитает серый журавль — птица для Подмоскowie редкая, входящая в Красную книгу области.

Помимо высокого природоохранного статуса «Журавлиная родина» — это модельный участок, на котором мы совместно с администрацией заказника уже более 30 лет

отрабатываем самые разные варианты добровольчества, ищем способы работы с населением, пути эффективного природопользования, не вредящего экосистемам. Оказалось, вполне возможно договориться с земледельцами, чтобы сроки полевых работ не совпадали с гнездованием птиц, или прекратить сентябрьские походы сборщиков клочья на болото. Большое количество людей не только беспокоит животных, которым в общем-то некуда уйти из заказника, — хуже всего, что протоптывание тропок в болотном мху приводит к деградации самого болота. Группа исследователей, выпускников кафедры геоботаники, уже много лет собирает данные, которые показывают, что по этим тропкам-канавкам вода стекает быстрее и болото подсыхает. В последние годы нам удалось существенно уменьшить число нарушений: никому не хочется платить штрафы.

Как уже говорилось, двенадцать лет назад тогдашние члены дружины обратили внимание на проблему пожаров в «Журавлиной родине». У проблемы много корней, но в первую очередь это один из показателей полного развала системы устойчивого природопользования и хозяйствования на природных территориях, по крайней мере, в Московской области. Реформы постепенно привели к исчезновению служб, занимающихся тушением природных пожаров. Остались пожарные службы населенных пунктов, которые тушат горящий лес только при непосредственной угрозе поселку или деревне, и то зачастую выезжают слишком поздно. Бывает, что нам звонят жители, просят потушить пожар за пределами территории заказника. В пожарной части им отвечают, что выехать не могут, — и дают наш телефон...

Само по себе болото, понятное дело, мокро и горит не очень хорошо. Но если рядом, на осушенных торфяниках, возникает сильный пожар, то некоторые участки болота серьезно страдают. Кроме того, от года к году воды в болоте бывает то побольше, то меньше, и в засушливые годы опасность возрастает. К счастью, в последние несколько лет нам удается предотвращать пожары, на болоте в заказнике не было ни одного.

Теперь о том, что ждет поджигателей. Многим нам удалось заставить на месте преступлений, или же имелись косвенные, но однозначные улики — например, мы видели единственную машину, спешно уезжающую через поле. Сумма штрафа для частного лица невелика, но для земледельца может быть значительной. Сотрудники Государственного административно-технического надзора весной прошлого года по составленным инспекторами администрации заказника определениям вызвали с хозяйственников, поджигавших сухую траву на полях, около 250 тысяч рублей. Не такой экономичный этот способ, как кажется.

Подробнее о работе добровольных пожарных дружин Московской области можно узнать через сайт Дружины охраны природы МГУ <http://dopmgu.forest.ru/>

Студенты-биологи уже 45 лет бегают за браконьерами

Дружина охраны природы Биологического факультета Московского Государственного Университета отмечает в 2005 году свое 45-летие.

По информации пресс-секретаря Дружины Ольги Репниной, впервые в стране 13 декабря 1960 года была организована первая студенческая Дружина охраны природы им. В.И. Тихомирова на биолого-педагогическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

За 45 лет проведено более 1500 выездов по борьбе с браконьерством, создано более 100 заказников и памятников природы, в том числе такие знаменитые, как самый большой по площади заказник "Черустинский лес" и визитная карточка Дружины "Журавлиная родина". Спроектированы Национальные парки "Межера", "Межерский", "Смоленские поозерья", заповедник "Брянский лес".

Выпускникам факультета запомнилась знаменитая операция "Ель" против массовой незаконной торговли молодыми елочками в канун Нового года. В результате операции "Первоцвет" изъято около 8,5 млн. цветов, занесенных в Красную книгу. Торговцы запрещенными для продажи дикими и экзотическими животными до сих пор всплывают дружинные рейды на Птичьих рынках Москвы.

В рамках работы Дружины проводились научные исследования, в частности, по давлению туристического фактора на окружающую среду. Опубликованные в журнале "Природа" материалы уникального исследования активиста Дружины, выпускника кафедры зоологии позвоночных Дмитрия Кавтерадзе о зависимости покусов собаками от возраста жертвы с пятнами в период гонимости и климакса.

В настоящее время Дружина объединяет студентов разных вузов столицы. Свои силы они отдают научной работе по изучению степени влияния человека на природные комплексы в заказнике "Журавлиная родина" и на Кавказе, борьбе с весенней охотой и браконьерством, обследованию особых природных территорий Московской области, тушению пожаров в "Журавлиной родине", операции "Первоцвет", работе по новому Лесному кодексу, экологическому просвещению населения.

Сейчас дружины охраны природы активно работают во многих городах России и Украины - Чебоксарах, Казани, Нижнем Новгороде, Владимире, Твери, Архангельске, Алатайтах, Петрозаводеке, Киеве, Харькове и др. Между ними поддерживается связь, организуются совместные мероприятия.

Основателем и бессменным куратором Дружины с 1960 до 1998 года стал Вадим Николаевич Тихомиров с кафедры высших растений факультета и ветераны дружины помнят, как бескомпромиссность студентов привела к тому, что в понедельник после

воскресного рейда к Биофаку на Ленинских горах подъезжали нервные "волги", пассажиры которых шли на разборки к Тихомирову, которому иногда удавалось не уступить.

По отзывам выпускников Биофака, работа в Дружине охраны природы дала не меньше профессиональных навыков и личностного роста, чем учеба в вузе.

Известны случаи, когда в безоружных студентов браконьеры стреляли и ныпешный парламентский корреспондент, выпускник Биофака 1972 года, рассказал, как он сам бежал ранней весной по болоту за браконьером с ружьем, имея в руках довоенный фотоаппарат "экаста". Утопшил в ружье и фотоаппарат, но "экаста", в отличие от оружия, продолжала действовать.

12 декабря 2005, 20:23

При любом использовании материалов веб-сайта ссылка на Полит.ру обязательна. При перепечатке в Интернете обязательна гиперссылка www.polit.ru. Все права защищены и охраняются законом. © 1999—2004 Полит.ру

Приложение 3.
Фотографии
(использованы архивы
дружинников разных лет)

Основатели и первые кураторы Дружины охраны природы МГУ

Благосклонов Константин Николаевич
(1910–1985)

Тихомиров Вадим Николаевич (1932–1998)
(встреча с первым курсом. Сентябрь 1969)

Первый командир ДОП биофака МГУ – Е. Сманцер
(Темповское охотхозяйство. 5.12.1970)

Второй командир ДОП
биофака МГУ – А.К. Агаджанян

Рейд по БсБ (М.Е. Черняховский в центре)

Шестой командир ДОП МГУ –
Д.Н. Кавтарадзе

К.В. Авилова (Загорск. Ноябрь 1968)

Н.Н. Марфенин (встреча с 1 курсом. Сентябрь 1969)

Н.Н. Марфенин и Д.Н. Кавтарадзе
(Конференция «Рекреация». 17.11.1971)

Задержан директор аэропорта Домодедово (Ноябрь 1969)

П. Томкович (Заседание штаба. 5.04.1971)

В.А. Зубакин
(Заседание штаба. 5.04.1971)

Е.В. Головина

Н.В. Маркина

А. Блехман

Г. Левицкая, Е. Головина (Октябрь 1981)

А.В. Зименко

Н.А Соболев (Ноябрь 1980)

Е.Д. Краснова

В. Федотенков

С. Пискарева

М.Л. Крейндлин

Т. Чалая
(Рязанская обл. 11.09.2010)

Г.В. Куксин
(Рязанская обл. 11.09.2010)

Борьба с браконьерством
(А. Кубанин. Приокско-террасный заповедник. 3.05.1969)

Борьба с браконьерством
(Р. Салимов. Красногорское охотхозяйство. 13.09.1970)

Борьба с браконьерством
(В. Зубакин, Р. Салимов. Горки Ленинские. Ноябрь 1969)

Борьба с браконьерством
(А.А. Зименко. Заказник «Журавлиная родина». 15.09.2011)

Операция «Ель» (О. Шекарова с изъятыми за день елками в штабе кампании «Ель» на Ленинградском вокзале)

Борьба с пожарами

Сектор «Заказники»
(В.В. Лупачик. Заказник «Елово-
широколиственные леса с участ-
ем ясеня» в долине р.Болденка.
8.10.2011)

Сектор «Фауна» (О.Н. Волошина
делает надпись «Слава КПСС»
на квартальном столбе. Егорьев-
ский рыбхоз. 7–8.11.1981)

Протестные акции (1990 г.)

Протестные акции (2010 г.)

Сектор «Фауна» (Установка гнезда)

Экологическое просвещение (К.А. Цуканова)

А также...

Игра в «слона» (Виноградово. Октябрь 1970)

Наблюдения за природой
(О. Роздина, Е. Сенновская,
Н. Маркина, Белоомут. 1980)

Переправа (О. Шекарова, О. Роздина,
А.В. Зименко, октябрь 1980)

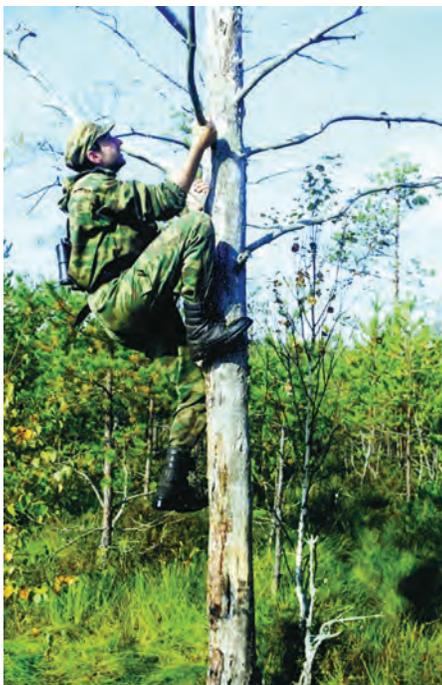

Переправа (Н.И. Нестерова. 28.09.2009)

Лазание по деревьям
(М.Л. Крейндлиг 2001)

Лазание по деревьям (С. Бапти-
давнов. Лотошинский рыбхоз.
Октябрь 1982)

Юбилей (10 лет. Декабрь 1970)

Юбилей (50 лет. Декабрь 2010)

Помнишь, как это было?..

(сборник воспоминаний
дружинников ДОП МГУ)

Составитель: *Аркадий Васильевич Иванов*

Редакторы: *Елена Дмитриевна Краснова*
Николай Андреевич Соболев

Подписано в печать 28.12.2011 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,875. Заказ № 495. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

